

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

**Преступление
Наказание
Исправление**

№ 2 (42)

ISSN 2076-4162 Вологда 2018

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ · НАКАЗАНИЕ · ИСПРАВЛЕНИЕ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Харьковский Е. Л. – начальник ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ:

Середа С. П. – ученый секретарь ученого совета ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Беляева Л. И. – профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Колодкин Л. М. – главный научный сотрудник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Кругликов Л. Л. – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член МАН ВШ и РАЕН;

Кузьминых А. Л. – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

Оботурова Н. С. – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент;

Селиверстов В. И. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Старостин С. А. – профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Шабанов В. Б. – заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Белорусского государственного университета, доктор юридических наук, профессор.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Баламут А. Н. – начальник кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат психологических наук, доцент;

Букалерева Л. А. – заведующая кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Гаврилов Б. Я. – профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Петровской академии наук и искусств;

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки»

Зауторова Э. В. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования;

Зубкова В. И. – главный научный сотрудник юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор;

Ищенко Е. П. – заведующий кафедрой криминалистики Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Козаченко И. Я. – заведующий кафедрой уголовного права Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Мальшев К. Б. – профессор кафедры социологии Вологодского государственного университета, доктор психологических наук, доцент;

Нагорных Р. В. – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, доцент;

Панова О. Б. – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, доцент;

Поздняков В. М. – профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Российского университета дружбы народов, доктор психологических наук, профессор, почетный сотрудник МВД России;

Попова И. Н. – начальник редакционно-издательского отдела ВИПЭ ФСИН России, кандидат филологических наук;

Пудовочкин Ю. Е. – профессор кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор;

Ромашов Р. А. – профессор кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

Сочивко Д. В. – профессор кафедры общей психологии Академии ФСИН России, доктор психологических наук, профессор;

Спасенников Б. А. – главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор;

Тимофеева Е. А. – заместитель начальника Самарского юридического института ФСИН России по научной работе, доктор педагогических наук, доцент;

Хатуева В. В. – заведующая кафедрой уголовно-процессуального права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доцент;

Шаталов А. С. – профессор кафедры уголовного права и криминологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор юридических наук, профессор.

№ 2 (42)

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	4	СПАСЕННИКОВ Б. А. К 300-летию российской полиции (XVIII – начало XX в.)	83
КРУГЛИКОВ Л. Л., САНТАШОВ А. Л., ПАТРАХИНА К. Б. Дифференциация ответственности за половые преступления с участием несовершеннолетних	4	ГУТНОВ Г. В. Воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом: вопросы толкования объекта	89
ГОЛОДОВ П. В. Правовые проблемы пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и членов их семей.	12	ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	97
КОПЫТКИН С. А., ГОРОВОЙ В. В. Организационно-тактические основы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания	22	ОБОТУРОВА Н. С., ЧИРКОВ А. М. Философско-антропологические основания психотерапии осужденных	97
ШАЛЯПИН С. О., ПЛОТНИКОВ А. А. Особенности заключения умалишенных преступников в России XVII–XVIII вв.	27	ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	106
РАТНИКОВА Н. Д., РАТНИКОВ А. В. К вопросу об установлении круга потерпевших при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа.	40	ЗАУТОРОВА Э. В. Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными суицидального поведения в местах лишения свободы	106
ГЛАДНЕВА Е. П., ЗГОННИКОВ П. П. Отдельные аспекты залога как способа, обеспечивающего надлежащее исполнение обязательств	46	ИГУМНОВА О. В. Критерии и показатели эффективности реализации профессиональной переподготовки начальников отрядов осужденных	112
КИРИЛОВСКИЙ О. В. К вопросу о реализации меры безопасности в виде выдачи оружия, специальных средств и средств оповещения об опасности сотрудникам уголовно- исполнительной системы и их близким	55	КОЛЬБЕВ А. А. Использование проектных технологий в обучении курсантов	119
РУДАКОВ А. М. Обеспечение реализации свободы совести и свободы вероисповедания как средство исправления осужденных	60	БАБКИН А. А., ГОЛУБЕВ О. Б., ТЕСТОВ В. А. О применении компьютерных систем тестирования для проверки знаний студентов и курсантов вузов	126
БЫКОВ А. И. Риски, вызванные массовым использованием беспилотных летательных аппаратов, для уголовно-исполнительной системы	66	БАРЫШЕВА А. В. Готовность несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, к профессиональному самоопределению как проблема современной педагогической науки	133
КАСТЕРИНА Н. В., ПРОЗОРОВ А. В. Уголовная ответственность за взяточничество: анализ статистических материалов и судебной практики по Калининградской области	70	ОХАПКИН С. В. Сущностные характеристики антикоррупционного мировоззрения курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний.	140
КУЗЬМИНЫХ А. Л., СТАРОСТИН С. И. Работа с кадрами в органах милиции Вологодской области в 1945–1965 гг.	76	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	147

CONTENT

JURISPRUDENCE	4	SPASENNIKOV B. A. To the 300th anniversary of the Russian police (XVIII – early XX century)	83
KRUGLIKOV L. L., SANTASHOV A. L., PATRAHINA K. B. Differentiation of responsibility for sexual crimes involving minors	4	GUTNOV G. V. Obstruction of a public event, committed by the official: questions of the object interpretation	89
GOLODOV P. V. Legal problems of pension provision for persons who served in bodies and institutions of the penal system and their families	12	PSYCHOLOGY	97
KOPYTKIN S. A., GOROVOY V. V. Organizational and tactical principles of execution the imprisonment of convicted persons with socially significant diseases	22	OBOTUROVA N. S., CHIRKOV A. M. Philosophical-anthropological foundations of psychotherapy of convicts.	97
SHALYAPIN S. O., PLOTNIKOV A. A. Features of imprisonment of insane criminals in Russia in XVII–XVIII centuries.	27	PEDAGOGY	106
RATNIKOVA N. D., RATNIKOV A. V. On the issue of establishing the circle of the victims in the encroachment on the life of the law enforcement officer	40	ZAUTOUROVA E. V. Peculiarities of educational work with minor convicts of suicidal behavior in the penal institutions	106
GLADNEVA E. P., ZGONNIKOV P. P. Some aspects of mortgage as a way to ensure execution of obligations.	46	IGUMNOVA O. V. Criteria and indicators of the effectiveness professional retraining of the detachments chiefs of convicts	112
KIRILOVSKY O. V. On the implementation of security measures in the form of the issuance of weapons, special means and means of alerting the personnel of the penal system and their relatives	55	KOLYEV A. A. Use of project technologies in training cadets	119
RUDAKOV A. M. Ensuring the realization of freedom of conscience and freedom of religion as a means of correcting convicts	60	BABKIN A. A., GOLUBEV O. B., TESTOV V. A. On the application of computer testing systems for testing knowledge of students and cadets of higher education institutions	126
BYKOVA I. Risks for the penal system caused by the mass use of unmanned aerial vehicles.	66	BARYSHEVA A. V. Readiness of minors sentenced to imprisonment to professional self-determination as a problem of the modern pedagogical science	133
KASTERINA N. V., PROZOROV A. V. Criminal responsibility for bribery: analysis of statistical materials and judicial practice in the Kaliningrad region	70	OKHAPKIN S. V. Essential characteristics of the anti-corruption outlook of the university cadets in the Federal Penal Service	140
KUZMINYKH A. L., STAROSTIN S. I. Work with personnel in the militia of the Vologda region in 1945–1965 years	76	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	148

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.54

Дифференциация ответственности за половые преступления с участием несовершеннолетних

Л. Л. КРУГЛИКОВ – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации;

А. Л. САНТАШОВ – старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент;

К. Б. ПАТРАХИНА – курсант юридического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Предметом исследования в статье стали вопросы установления и дифференциации ответственности за половые преступления, в том числе совершенные несовершеннолетними лицами, или же когда они выступают потерпевшими по данной категории преступных посягательств. Цель работы – дать объективную характеристику соответствующих средств дифференциации, выявить недостатки и пробелы в правовом регулировании и сформулировать предложения по совершенствованию уголовного законодательства в обозначенной сфере.

По мнению авторов, половые преступления занимают незначительную долю в общей массе преступности в стране. Однако их серьезная общественная опасность, вызываемая ими обеспокоенность общественности заставляют задуматься об объективности и действенности предпринимаемых мер, о месте уголовного права в системе этих мер.

Результатами работы стала научно обоснованная оценка работы законодателя по внесению изменений и дополнений в действующий УК РФ.

Ключевые слова: дифференциация ответственности; половые преступления; несовершеннолетний; процесс развития уголовного законодательства; особенности регламентации норм об ответственности за посягательства на половую свободу; половая неприкосновенность.

Differentiation of responsibility for sexual crimes involving minors

L. L. KRUGLIKOV – Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State P.G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation;

A. L. SANTASHOV – Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor;

K. B. PATRAHINA – Cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The subject of the study in the article were the issues of establishing and differentiating responsibility for sexual crimes including those committed by minors or when they act as victims in this category of criminal assault.

The aim of the work is to provide an objective description of the corresponding means of differentiation, to identify shortcomings and gaps in legal regulation and to formulate proposals for improving criminal legislation in this area.

In the work traditional for the legal research methods were used: dialectical, induction and deduction, systemic, comparative-legal.

According to the authors sexual crimes occupy an insignificant share in the overall mass of crime in the country. However their serious public danger, the public concern that they cause make us think about the objectivity and effectiveness of the measures taken and the place of criminal law in the system of these measures.

The result of the work was a scientifically grounded assessment of the work of the legislator on introducing changes and additions to the current Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: differentiation of responsibility; sexual crimes; minor; the development of criminal legislation; peculiarities of the regulation of the norms on liability for infringement of sexual freedom; sexual inviolability.

Защита прав и законных интересов граждан, неприкосновенности и свободы личности – одно из приоритетных направлений государственной социально-правовой политики России. Важным направлением этой деятельности является защита прав несовершеннолетних, вовлеченных «в орбиту» уголовного судопроизводства, что ставит перед государством соответствующие задачи при формировании национального законодательства криминального цикла.

Пожалуй, одним из первых в истории уголовного права России об исследуемой проблематике высказался известный юрист Н. А. Неклюдов, изучавший, в частности, проблемы влияния различных возрастных периодов несовершеннолетних и молодежи на совершение ими преступлений и доказавший доминирующее участие несовершеннолетних именно в половых преступлениях. Он считал, что «уголовная политика – это государственная мудрость, основанная на уголовной статистике, против которой бессильна всякая статистика, которая имеет своей целью действовать на внешние условия преступлений таким образом, чтобы, видоизменяя их характер, изменить тем самым характер воли и парализовать ее злое намерение» [2, с. 182].

Совершение половых преступлений входит в тройку самых частых преступных посягательств, совершаемых несовершеннолетними. В то же время наблюдается тенденция, согласно которой данные лица сами нередко становятся потерпевшими по данной категории преступлений, в том числе от своих же сверстников [13].

Посягательства, в теории и на практике часто именуемые половыми преступлениями, в УК РФ сконцентрированы в рамках

отдельной гл. 18 «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности». Это определенный возврат к первому советскому кодексу – УК РСФСР 1922 г., где такого рода деяния также описывались в самостоятельной гл. 4 «Преступления в области половых отношений» (ст. 159–165), которая, однако, включала также состав полового сношения между лицами, находящимися в родстве, выделяя и некоторые преступления против общественного здоровья, как то: принуждение к занятию проституцией, сводничество. В последующих кодексах немногочисленные нормы о половых преступлениях в самостоятельную группу не обособлялись, а входили в главу «Преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности» (гл. 6 УК РСФСР 1926 г., гл. 3 УК РСФСР 1960 г.). Таким образом, велся поиск оптимального варианта расположения рассматриваемых преступлений в Особенной части, о чем свидетельствуют разные варианты принимаемых решений, исходящих из той или иной трактовки объекта уголовно-правовой охраны.

Глава 18 УК РФ включает всего пять статей. В эту группу входят составы изнасилования (ст. 131), насильственных действий сексуального характера (ст. 132), понуждения к действиям сексуального характера (ст. 133), полового сношения и иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134), и развратных действий (ст. 135).

Объектом сексуальной сферы жизни людей выступает нормальный уклад половой жизни, или, говоря иначе, нормальные половые отношения в обществе. К элементам таких отношений, в частности, относят:

- 1) интимную связь между людьми;
- 2) разнополость партнеров;
- 3) добровольность;
- 4) достижение партнерами соответствующего возраста;
- 5) отсутствие близкого родства между вступающими в интимную близость лицами;
- 6) сношение нормальным половым путем.

Анализ российского законодательства показывает, что средствами уголовного права обеспечивается регламентация не всех упомянутых элементов отношений либо не в полном объеме. Так, в УК РФ отсутствует ответственность в уголовно-правовом порядке за обычное половое сношение между половыми партнерами. Она возможна в случае отсутствия добровольности (например, применения насилия, угроз насилием, использования беспомощного состояния потерпевшего), при недостижении партнерами соответствующего возрастного порога либо удовлетворении половой страсти ненадлежащим путем.

Отсутствует также уголовно-правовое реагирование на вступление в сексуальную связь лиц, состоящих в близком родстве (инцест), хотя это и чревато серьезными негативными последствиями для потомства.

Учитывая вышеизложенное, становится понятным наименование гл. 18: в нем нашла отражение та часть уклада интимных отношений в обществе, которая поставлена под уголовно-правовую охрану. Все остальные сферы сексуальных связей регулируются нормами половой морали. Соответственно объектом таких преступлений гл. 18 называет половую неприкосновенность и половую свободу личности. Место расположения данной группы посягательств – разд. VII УК РФ «Преступления против личности».

Половая свобода как объект охватывает право человека, достигшего определенного порога возраста (зрелости), самому решать, с кем и в какой форме удовлетворять свои сексуальные потребности. Половая неприкосновенность касается в первую очередь несовершеннолетних – недопустимо тлетворное влияние взрослых (посредством развратных действий, действий сексуального характера и т. д.) на несформировавшиеся мировоззрение и психику этих лиц. Помимо основного объекта анализируемые преступления нередко ставят в опасность нарушения либо влекут нарушение дополнительных объектов: телесной и психической неприкосновенности лица, его здоровья, жизни.

Объективная сторона преступления. Отметим, что наполнение упомянутой сово-

купности составов, их содержание, виды в истории российского уголовного права не раз подвергались корректировке, переосмыслению. Так, по ст. 997 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. преступлением признавалось скотоложство, то есть половое сношение человека со скотом. Оно влекло лишение всех прав состояния с направлением на поселение в отдаленнейших местах Сибири. В основе запрета лежало грубое несоблюдение первого элемента уклада интимных отношений в обществе. Но уже в последующем кодифицированном акте – Уложении 1903 г. – данная норма отсутствовала, думается, прежде всего ввиду фактического ее неприменения. Следует также учесть, что описанное в ней поведение охватывалось названным в ст. 160 УК РСФСР 1922 г. составом удовлетворения половой страсти в извращенных формах. Этим составом затрагивался в первую очередь такой элемент уклада интимных отношений, как сношение нормальным половым путем, поэтому предосудительными признавались, в частности, мужеложство, нарвасадата, имитация полового акта и т. д. Уголовная ответственность за использование извращенных форм удовлетворения половой страсти наступала в силу ст. 160 УК РСФСР 1922 г. лишь при условии сопряженности таких форм с причинением физического повреждения (то есть с нарушением телесной неприкосновенности предмета воздействия) или боли (то есть не связанного с физическим повреждением болевым ощущением).

Иную позицию занял законодатель в последующем УК РСФСР 1926 г. Так, состав мужеложства был выделен в 1934 г. [11] в качестве самостоятельного: ст. 154-а объявляла уголовно наказуемым половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство), а квалифицированным его видом признавалось такое же деяние, совершенное с применением насилия или с использованием зависимо положения потерпевшего. Данная статья просуществовала относительно недолго – в 1959 г. она была исключена [8]. Вместе с тем была сохранена в качестве родовой норма ст. 151 о наказуемости полового сношения, сопряженного с растлением или удовлетворением половой страсти в извращенных формах (ч. 1), а также «без указанных отягчающих признаков» (ч. 2).

По ст. 134 УК РФ 1996 г. наказуемыми признавались половое сношение, мужеложство и лесбиянство с несовершеннолетним лицом. Иначе говоря, устанавливалась уголовная ответственность любой из упомянутых

трех форм удовлетворения половой страсти и при наличии согласия сторон. Таким образом, однополые партнеры и за добровольное вступление в половую связь в форме мужеложства или лесбиянства с несовершеннолетними лицами могли нести уголовную ответственность. Другое дело, что бросалось в глаза несоответствие заголовка ст. 134 ее тексту. Статья именовалась «Половое сношение и иные действия сексуального характера...», а в самой статье речь шла помимо полового сношения только о мужеложстве и лесбиянстве, то есть о наказуемости лишь двух извращенных форм, а не любых «иных действий» сексуального характера. Под мужеложством Пленум Верховного Суда Российской Федерации предлагал понимать сексуальные контакты между мужчинами, а под лесбиянством – сексуальные контакты между женщинами. Иные действия сексуального характера трактовались как удовлетворение половой потребности другими способами, включая понуждение женщиной мужчины к совершению полового акта путем применения насилия или угрозы его применения [9, с. 72].

В УК РСФСР 1960 г. превалировала такая форма преступного поведения, как половое сношение. Данный признак однозначно выступал в качестве обязательного в составах изнасилования (ст. 131 – половое сношение с применением физического насилия, угроз или с использованием беспомощного состояния...), полового сношения с лицом, не достигшим половой зрелости (ст. 119), полового сношения мужчины с женщиной (ст. 121). Речь шла о противоправном вступлении в половую связь, как правило, обычным (гетеросексуальным) путем. Тот же вывод можно было сделать и из текста ст. 118 кодекса, где шла речь об ответственности за понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в прочей форме. Иной смысл вкладывался законодателем в рассматриваемое понятие при формулировании ст. 121: мужеложством именовалось половое сношение мужчины с женщиной, что само собой исключало интимную связь лиц обычным (гетеросексуальным) путем. Как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, под половым сношением следует понимать совершение полового акта между женщиной и женщиной; такие преступления (за исключением выражающихся в понуждении женщины к вступлению в половую связь и развратных действиях) считаются оконченными с момента начала полового сноше-

ния. Раствления или окончания насильником полового акта в физиологическом смысле для признания деяния оконченным не требуется [9, с. 71–72].

Итогом противоречивой уголовно-правовой регламентации стало возникновение пробела в ситуации, когда жертвой насильственной половой связи, преследуемой ст. 117 УК РСФСР 1960 г., оказывался мужчина. Возникший законодательный изъян был устранен лишь в УК РФ 1996 г.: в ст. 132 была предусмотрена ответственность за насильственные действия сексуального характера, совершенные мужчиной или женщиной в отношении лица любого пола. Но это повлекло и излишество в регламентации (при мыслимом стремлении законодателя осуществить более глубокую дифференциацию ответственности): в ст. 131 была установлена наказуемость изнасилования как противоправного полового сношения гетеросексуальным путем, а в следующей за ней ст. 132 – наказуемость насильственного мужеложства, лесбиянства или иных действий сексуального характера, то есть одна норма выглядела в качестве специальной (ст. 131), а другая – в роли общей (ст. 132). При этом дифференцирующие признаки во всех частях статей, а равно санкция в них, полностью совпадали. Думается, причиной стала дань традиции (во всех кодексах выделять непременно состав изнасилования).

Недостаточно последовательно решался в упомянутых законодательных актах вопрос о возрасте преступника и потерпевших (жертвы).

УК РСФСР 1922 г. предпочитал оперировать категорией «недостижение лицом половой зрелости». Так, в ст. 159 устанавливалась наказуемость полового сношения «с лицами, не достигшими половой зрелости». Та же терминология была задействована в последующем УК РСФСР 1926 г.: в ст. 151 также говорилось об ответственности за половое сношение с лицами, не достигшими половой зрелости.

Понятие половой зрелости в уголовном законе не раскрывалось. Пленум Верховного Суда РСФСР в п. 11 постановления от 25.03.1964 № 2 (в ред. 1984 г.) разъяснял, что, «оценивая заключение судебно-медицинской экспертизы по вопросу достижения лицом половой зрелости, судам необходимо учитывать, что такое заключение должно даваться на основании критериев, указанных в § 19–23 Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы, утвержденных Министерством

здравоохранения СССР 7 января 1966 г.» [10, с. 20].

В § 20 Правил судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы под состоянием половой зрелости рекомендовалось понимать окончательную сформированность женского организма, когда половая жизнь, зачатие, беременность, роды и вскармливание ребенка являются нормальной функцией, не расстраивающей здоровья, и свидетельствуемая способна к выполнению материнских обязанностей.

При судебно-медицинской экспертизе по определению половой зрелости было рекомендовано учитывать совокупность следующих признаков развития организма свидетельствуемой и готовности ее к функции материнства:

- а) общее развитие организма;
- б) развитие половых органов и способность к совокуплению;
- в) способность к зачатию;
- г) способность к вынашиванию плода;
- д) способность к родоразрешению;
- е) способность к вскармливанию.

Каждый из этих признаков в отдельности не был решающим, только совокупность их давала возможность судебно-медицинскому эксперту правильно ответить на вопрос о половой зрелости.

В случае раннего полового созревания свидетельствуемой для решения вопроса, не связано ли оно с заболеванием желез внутренней секреции, экспертиза проводилась комиссионно, с участием врача-эндокринолога.

Согласно примечанию к § 22, о достижении половой зрелости у девушек свидетельствовали следующие антропометрические данные: рост стоя не менее 150 см, сидя – 80 см; длина туловища от VII шейного позвонка до копчика 56–58 см; окружность грудной клетки: в спокойном состоянии 78–80 см, при выдохе 73–76 см; окружность плеча в средней трети 30–31 см, окружность голени в средней трети 40–41 см; минимальные размеры таза: расстояние между вертелами 29 см, между осями – 23 см, между гребешками – 26 см; наружная конъюгата – 18 см [12].

Неуместность признака половой зрелости была очевидной, ведь по закону требовалось, чтобы факт недостижения жертвой половой зрелости осознавался преступником. Доказать это в спорных случаях практически не представлялось возможным, ибо судить, скажем, о восприятии виновным способности лица вскармливать будущего ребенка можно было лишь гипотетически.

Тем более странной выглядела попытка законодателя расширить в составах некоторых половых преступлений признаки жертвы – в редакции федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ в ч. 1 ст. 134 и 135 УК РФ потерпевшими признавались лица, не достигшие 16-летнего возраста и половой зрелости [4], содержание которой не раскрывалось, и практика тем самым была вновь обречена на субъективистское усмотрение. Не случайно вскоре законодатель отказался от дополнения признака, касающегося возраста потерпевшего: в соответствии с Федеральным законом от 28.12.2013 № 380-ФЗ прежнее описание возрастного признака в ч. 1 ст. 134 и 135 УК РФ было восстановлено [5].

Не менее противоречивая практика складывалась при формулировании законодательством в гл. 18 субъективного отношения виновного к возрасту потерпевшего. Так, в первоначальной редакции п. «д» ч. 2, п. «в» ч. 3 ст. 131 и 132, ч. 1 ст. 134 и 135 УК РФ речь шла о заведомости – «заведомо»: о несовершеннолетнем (несовершеннолетней), не достигшем четырнадцатилетнего, шестнадцатилетнего возраста. Федеральным законом от 27.07.2009 № 215-ФЗ указание на заведомость в ст. 134 и 135 было устранено и тем самым расширено основание уголовной ответственности. Но вопреки логике сохранялась ссылка на нее в ст. 131 и 132 кодекса [3]. Ведь заведомость означает знание, сознание неизбежности, а при иных формах сознания, помимо того, лицо считает существование явления возможным или вероятным либо не исключает его наличие в деле [1, с. 152–153].

Как свидетельствует история развития российского уголовного законодательства, определенные колебания наблюдались и относительно содержания и роли возрастных границ потерпевшего. Так, в первоначальной редакции ст. 131 и 132 УК РФ 1996 г. несовершеннолетие потерпевшего выступало квалифицирующим (ч. 2), а возраст до 14 лет – особо квалифицирующим признаком (ч. 3). Уголовная ответственность за насильственное половое сношение и развратные действия (ст. 134–135) наступала при сексуальном контакте с лицом, не достигшим 14 лет. Федеральным законом от 08.12.2003 № 162-ФЗ в УК РФ были внесены изменения, в том числе и в гл. 18 о половых преступлениях. В частности, насильственное половое сношение (ст. 134) и развратные действия (ст. 135) стали влечь уголовную ответственность при недостижении партнером не 14, а 16 лет. Это повлекло

расширение границ наказуемости виновных лиц.

Нестабильный подход проявился и при формулировании в законе признаков, относящихся к виновному лицу. Вначале существовала ясность лишь относительно возраста виновного в ст. 131 и 132 УК РФ, поскольку эти статьи фигурируют в ч. 3 ст. 20 УК РФ в перечне преступлений, за которые ответственность наступает для лиц, достигших ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста. Отсюда следовал логический вывод, что деяния, предусмотренные ст. 133–135, влекут ответственность с обычного, 16-летнего, возраста. Ситуация изменилась, когда изменениям подверглась диспозиция ст. 135 УК РФ – уголовно наказуемым было провозглашено совершение развратных действий без применения насилия «лицом, достигшим восемнадцатилетнего возраста». Та же формулировка признака содержится и в ст. 134. Сказанное дает основание для вывода, что субъект преступлений в ст. 134 и 135 УК РФ должен трактоваться ограничительно – им может выступать только лицо, имеющее как минимум восемнадцатилетний возраст.

Наконец, необходимо обратить внимание на серьезные изменения в дифференциации ответственности за половые преступления. Во-первых, это касается использования квалифицирующих обстоятельств. В УК РСФСР 1922 г. они вообще не использовались, в УК РСФСР 1926 г. это сделано по минимуму: в ст. 151 «Ненасильственное половое сношение» в роли отягчающих признаков выступают растление или удовлетворение половой страсти в извращенных формах, в ст. 153 «Изнасилование» – самоубийство потерпевшего, совершение деяния над лицом, не достигшим половой зрелости, а также несколькими лицами, в ст. 154-а «Мужеложство» усиливалось наказание применением насилия или использованием зависимого положения потерпевшего. Таким образом, применение квалифицирующих обстоятельств в данных редакциях весьма «бедное», нет попытки их унификации.

Несколько шире задействованы в качестве дифференцирующих обстоятельств квалифицирующие признаки в УК РСФСР 1960 г., но сделано это преимущественно к одному составу – изнасилования. В ст. 117 было выделено четыре части с усиливающими признаками: с угрозой убийством или причинением тяжкого телесного повреждения либо лицом, ранее совершив-

шим изнасилование (ч. 2), группой лиц или изнасилование несовершеннолетней (ч. 3), совершенное особо опасным рецидивистом или повлекшее особо тяжкие последствия, а равно изнасилование малолетней (ч. 4). Президиум Верховного Совета СССР в постановлении от 28.04.1980 разъяснил, что под малолетней следует понимать девочку, не достигшую четырнадцати лет [7]. Наконец, применительно к ненасильственному половому сношению (ч. 2 ст. 119) было названо удовлетворение половой страсти в извращенных формах, а относительно мужеложства – применение физического насилия, угроз, совершение этого деяния относительно несовершеннолетнего либо с использованием зависимого положения потерпевшего. И здесь, как видим, незначительны и круг деяний, подвергнутых дифференциации с помощью квалифицирующих признаков, и численность последних.

Значительная подвижка в рассматриваемом вопросе произошла в УК РФ 1996 г. В первоначальной редакции, как уже упоминалось, были выделены общий (ст. 132) и специальный (ст. 131) составы. Помимо традиционных усиливающих признаков, выделявшихся в УК РСФСР 1926 г., в этих статьях фигурировали также: особая жестокость по отношению к потерпевшей или к другим лицам; заражение потерпевшей венерическим заболеванием или ВИЧ-инфекцией; насильственные действия сексуального характера в отношении заведомо несовершеннолетней потерпевшей, а также с заведомо не достигшей 14-летнего возраста.

В последующие годы процесс дифференциации ответственности получил ускорение. Так, в связи с исключением из кодекса упоминания о неоднократности утратил силу п. «а» ч. 2 ст. 131 и 132 УК РФ; возраст потерпевшего в статье о ненасильственном половом сношении (ст. 134) был снижен до 14-ти лет [6]; унифицирован возраст виновного – им признано лицо, достигшее совершеннолетия, то есть восемнадцати лет; уточнена редакция ст. 131 и 132, осуществлена дифференциация ответственности за понуждение к действиям сексуального характера посредством введения в ст. 133 квалифицирующего признака «в отношении несовершеннолетнего (несовершеннолетней)» [4], усилена дифференциация за ненасильственное половое сношение и за развратные действия, в первую очередь, указанием в квалифицированном составе на пониженные рамки возраста потерпевшего: «с лицом, достигшим двенадцатилетнего

возраста, но не достигшим четырнадцатилетнего возраста», а также при совершении деяния в отношении двух или более лиц либо преступной группой; введено примечание к ст. 134 о том, что 1) лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч. 1 этой статьи, освобождается судом от наказания, если будет установлено, что это лицо и совершенное им преступление перестали быть общественно опасными в связи со вступлением в брак с потерпевшим; 2) в случае если разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет менее четырех лет, к последнему не применяется наказание в виде лишения свободы за совершенное деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 134 и 135 УК РФ [4]. Налицо намерение гуманизации уголовной ответственности лиц, совершивших преступления небольшой тяжести. Кроме того, в 2012 г. восстановлен в качестве максимально допустимого 16-летний возраст потерпевшего от ненасильственного полового сношения. Вместе с тем в четырех статьях главы в качестве особо квалифицирующего признака названа судимость лица за ранее совершенное преступление против несовершеннолетнего, то есть началось восстановление судимости как вида множественности в Особой части УК РФ.

Дополнительно указаны особо квалифицирующие признаки в составах половых преступлений: в отношении потерпевшей (потерпевшего), не достигшей четырнадцатилетнего возраста, и совершение названного выше квалифицированного вида преступления судимым лицом. В силу примечания к ст. 131 к преступлениям, предусмотренным п. «б» ч. 4 ст. 131 и 132 УК РФ, относятся также деяния, подпадающие под признаки преступлений, предусмотренных ч. 3–5 ст. 134 и ч. 2–4 ст. 135, совершенные в отношении лица, не достигшего 12-летнего

возраста, поскольку такое лицо в силу возраста находится в беспомощном состоянии, то есть не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий [4].

В последние годы произошло серьезное усиление также санкций статей о половых преступлениях. Так, в первоначальном варианте в гл. 18 УК РФ за «простые» преступления предусматривалось наказание в виде лишения свободы на срок от трех до шести лет, а за особо квалифицированные виды – от восьми до пятнадцати лет. После последовавшего обсуждения в российском обществе проблемы борьбы с половыми извращениями санкции данной главы были резко усилены. Так, наиболее строгий вид наказания за сексуальные проявления стал составлять от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы (это строже, чем за квалифицированные виды убийства); возможно также применение дополнительного наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двадцати лет. За квалифицированные виды развратных действий (ч. 5 ст. 135) возможное наказание – от пяти до пятнадцати лет лишения свободы с «лишением права» на срок до двадцати лет (или пожизненное лишение свободы), а за ненасильственное половое сношение квалифицированного вида (ч. 6 ст. 134) – от пятнадцати до двадцати лет лишения свободы с «лишением права» в качестве дополнительного наказания на срок до двадцати лет [4].

Сделанный выше экскурс позволяет видеть, какие зигзаги отечественное уголовное законодательство позволяет себе, исходя из сиюминутных интересов и отступлений от здравого смысла. Пожалуй, в уголовном законодательстве нет ни одной другой группы норм, которая подверглась бы столь же быстрому и далеко не всегда качественному видоизменению.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2006. 240 с.
2. Неклюдов Н. А. Уголовно-статистические этюды: статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. СПб., 1865.
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27.07.2009 № 215-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. Ст. 3921.
4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних : федер. закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2012. Ст. 1162.
5. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 380-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. Ст. 6945.
6. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 25.06.1998 № 92-ФЗ // Рос. газ. 1998. 27 июня.

7. О порядке применения статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении уголовной ответственности за изнасилование»: постановление Президиума Верховного Совета СССР от 28.04.1980 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 19. Ст. 348.
8. О признании утратившими силу законодательных актов в связи с введением в действие основ уголовного законодательства, законов об уголовной ответственности за государственные и за воинские преступления, основ законодательства о судостроительстве, положения о военных трибуналах и основ уголовного судопроизводства: указ Президиума Верховного Совета СССР от 13.04.1959 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 15.
9. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 131 и 132 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.06.2004 № 11 // Сборник постановлений пленумов верховных судов СССР, РСФСР и Российской Федерации по уголовным делам. М., 2015. 320 с.
10. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25.03.1964 № 2 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1964. № 3.
11. Об уголовной ответственности за мужеложство: постановление ЦИК СССР от 17.12.1933. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3947.htm (дата обращения: 01.06.2018).
12. Правила судебно-медицинской акушерско-гинекологической экспертизы: утв. Минздравом СССР 07.01.1966. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (дата обращения: 01.06.2018).

REFERENCES

1. Kudryavcev V. N. Obshchaya teoriya kvalifikatsii prestuplenij [General theory of the qualification of crimes]. Moscow, 2006. 240 p. (In Russ.).
2. Neklyudov N. A. Ugolovno-statisticheskie ehtudy: statisticheskij opyt issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnyh vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu [Criminal and statistical studies: statistical experience of studying the physiological significance of different ages of the human body in relation to crime]. St. Petersburg, 1865. (In Russ.).
3. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 27.07.2009 № 215-FZ [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law from 27.07.2009 No. 215-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. Art. 3921. (In Russ.).
4. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i ot del'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v celyah usileniya otvetstvennosti za prestupleniya seksual'nogo haraktera, sovershennyye v otnoshenii nesovershennoletnih: feder. zakon ot 29.02.2012 № 14-FZ [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation with a view to strengthening liability for crimes of a sexual nature committed against minors: Federal Law from 29.02.2012 No. 14-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. Art. 1162. (In Russ.).
5. O vnesenii izmenenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii i Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 28.12.2013 № 380-FZ [On Amending the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law from 28.12.2013 No. 380-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. Art. 6945. (In Russ.).
6. O vnesenii izmenenij i dopolnenij v Ugolovnyj kodeks Rossijskoj Federacii: feder. zakon ot 25.06.1998 № 92-FZ [On the introduction of changes and additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law from 25.06.1998 No. 92-FL]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 1998. 27 June. (In Russ.).
7. O poryadke primeneniya stat'i 1 Ukaza Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «Ob usilenii ugovolnoj otvetstvennosti za iznasilovanie»: postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 28.04.1980 [On the Procedure for the Application of Article 1 of the Decree of the Presidium of the Supreme Council of the USSR «On Strengthening Criminal Responsibility for Rape»: Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from 28.04.1980]. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR – Journal of the Supreme Soviet of the USSR. 1980. Iss. 19. Art. 348. (In Russ.).
8. O priznanii utrativshimi silu zakonodatel'nyh aktov v svyazi s vvedeniem v dejstvie osnov ugovolnogo zakonodatel'stva, zakonov ob ugovolnoj otvetstvennosti za gosudarstvennye i za voinskie prestupleniya, osnov zakonodatel'stva o sudoustrojstve, polozheniya o voennyh tribunalah i osnov ugovolnogo sudoproizvodstva: ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR ot 13.04.1959 [On the recognition as invalid of legislative acts in connection with the introduction of the foundations of criminal legislation, laws on criminal responsibility for state and military crimes, the fundamentals of legislation on the judicial system, the provisions on military tribunals and the basis for criminal proceedings: the decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR from 13.04.1959]. Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR – Journal of the Supreme Soviet of the USSR. 1959. Iss. 15. (In Russ.).
9. O sudebnoj praktike po delam o prestupleniyah, predusmotrennyh stat'yami 131 i 132 Ugolovnogo kodeksa Rossijskoj Federacii: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 15.06.2004 № 11 [On judicial practice in cases of crimes provided for in articles 131 and 132 of the Criminal Code of the Russian Federation: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 15.06.2004 No. 11]. Sbornik postanovlenij plenumov verhovnyh sudov SSSR, RSFSR i Rossijskoj Federacii po ugovolnym delam – Collection of resolutions of plenums of the Supreme Courts of the USSR, the RSFSR and the Russian Federation in criminal matters. Moscow, 2015. 320 p. (In Russ.).
10. O sudebnoj praktike po delam ob iznasilovanii: postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda SSSR ot 25.03.1964 № 2 [On the jurisprudence of rape cases: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR from 25.03.1964 No. 2]. Byulleten' Verhovnogo Suda SSSR – Bulletin of the Supreme Court of the USSR. 1964. Iss. 3. (In Russ.).
11. Ob ugovolnoj otvetstvennosti za muzhelozhstvo: postanovlenie CIK SSSR ot 17.12.1933 [On the criminal liability for sodomy: Resolution of the CEC of the USSR from 17.12.1933]. Availabel at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3947.htm (accessed 01.06.2018). (In Russ.).
12. Pravila sudebno-medicinskoj akushersko-ginekologicheskoy ehkspertizy: utv. Minzdravom SSSR 07.01.1966 [The rules of forensic obstetric-gynecological examination: approved by the Ministry of Health of the USSR 07.01.1966]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Svodnye statisticheskie svedeniya o sostoyanii sudimosti v Rossii za 2017 god [Summary statistics on the status of criminal record in Russia for 2017]. Availabel at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4477> (accessed 01.06.2018). (In Russ.).

Правовые проблемы пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и членов их семей

П. В. ГОЛОДОВ – профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье представлен научный анализ отдельных проблем правового регулирования пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и членов их семей; приводится опыт решения данных проблем в законодательстве Республики Беларусь; сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной деятельности, направленные на повышение уровня социальной и правовой защиты сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний.

В числе основных принципов совершенствования законодательства в исследуемой области правового регулирования выделены следующие: обеспечение социальной защищенности сотрудников, их стимулирование к закреплению на службе и служебно-должностному продвижению в сочетании с экономическим стимулированием отсроченного выхода на пенсию; установление единого подхода к порядку расчета выслуги лет и денежного довольствия для назначения пенсии, с одной стороны, и учет специфики прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и различных ее подразделениях – с другой; регламентация вопросов пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, на законодательном уровне в рамках специального закона, исключение дублирования правовых норм в иных законодательных актах; обеспечение обоснованности и объективности вносимых законодательных изменений.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; правоохранительная служба; социальная защита; правовая защита; пенсионное обеспечение.

Legal problems of pension provision for persons who served in bodies and institutions of the penal system and their families

P. V. GOLODOV – Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

The article presents a scientific analysis of some problems of legal regulation of pension provision for persons who served in institutions and bodies of the penal system and their family members; the experience of solving these problems in the legislation of the Republic of Belarus is given; proposals are formulated to improve legislation and law enforcement activities aimed at raising the level of social and legal protection for employees of the Federal Penal Service.

Among the basic principles of improving legislation in the field of legal regulation the following are highlighted: ensuring the social security of employees, encouraging them to become attached to the service and serving the job, combined with economic incentives for deferred retirement; the establishment of a unified approach to the procedure for calculating the length of service for years and of monetary allowances for the purpose of a pension on the one hand, and taking into account the specifics of the service in the penal system and its various divisions, on the other hand; regulation of issues of pension provision for persons who served in institutions and bodies of the penal system, at the legislative level within the framework of a special law, excluding duplication of legal norms in other legislative acts; ensuring the validity and objectivity of the legislative changes introduced.

Key words: penal system; law enforcement service; social protection; legal protection; pension provision.

Прохождение службы в уголовно-исполнительной системе объективно связано с деятельностью в режиме большого нервно-психического напряжения и самоотдачи, а также риском потери здоровья и жизни [2, с. 3]. Причинами этого являются ухудшение криминогенного состава спецконтингента, рост численности педагогически запущенных осужденных, лиц, имеющих психические расстройства и страдающих социально значимыми заболеваниями, а также действие множества иных экстремальных и психотравмирующих факторов, оказывающих влияние на служебную деятельность сотрудников. Учитывая данное обстоятельство, можно предположить, что особый порядок и льготные условия пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, являются важными стимулами закрепления высокопрофессиональных сотрудников на службе, их служебно-профессионального продвижения и карьерного роста. Выплата государственных пенсий является компенсацией за оказанные государству услуги и оправдывается спецификой и характером службы сотрудников уголовно-исполнительной системы [4, с. 103]. Пенсионное обеспечение – это основной вид социального обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы, вследствие чего исследование его особенностей, в частности правовой составляющей данного вопроса, представляется актуальным и значимым [3, с. 72].

По состоянию на 25.12.2017 количество действующих пенсионных дел в уголовно-исполнительной системе составляло 206 868 (195 487 – пенсии за выслугу лет, 6185 – пенсии по инвалидности, 5196 – пенсии по случаю потери кормильца). При этом численность пенсионеров достигла 208 789 чел. Сумма выплат пенсий за 2017 г. составила 43 062,2 млн руб. (2016 г. – 38 759,3 млн руб.) [18, с. 176–179].

Пенсионное обеспечение лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей регламентируется нормами Закона Российской Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской

Федерации, и их семей» (далее – Закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1) [7], Постановления Правительства Российской Федерации от 22.09.1993 № 941 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации» (далее – Постановление Правительства РФ от 22.09.1993 № 941) [9], а также ряда других нормативных правовых актов.

Проведенный нами анализ нормативно-правовых основ пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, позволил выявить ряд проблем в данной области правового регулирования и разработать предложения по их решению.

1. Одной из проблем в контексте решения задачи закрепления на службе высокопрофессиональных сотрудников, на наш взгляд, является назначение пенсии за выслугу лет по «карьерному» принципу. Суть этого состоит в том, что, согласно абз. 1 ст. 43 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1, п. 8 и абз. 1 подп. «б» п. 9 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 пенсия уволенным со службы лицам рядового и начальствующего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы при ее назначении исчисляется из сумм их денежного довольствия по последней штатной должности на момент увольнения. Исключение составляет сохранение должностного оклада лицам начальствующего состава в звании полковника внутренней службы и выше, переведенным по решению министра юстиции Российской Федерации в интересах службы по состоянию здоровья или возрасту с должностей, которые они занимали не менее трех лет, на должности с меньшим должностным окладом, имевшим на день перевода выслугу, дающую право на пенсию за выслугу лет: пенсия может исчисляться исходя из оклада по штатной должности, которую они занимали до указанного перевода (абз. 2 подп. «б» п. 9 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941). Представляется, что при перево-

де сотрудника на нижестоящую должность, если такой перевод не производится в дисциплинарном порядке или по результатам прохождения аттестации, решение этого вопроса не должно зависеть исключительно от усмотрения министра юстиции Российской Федерации и специального звания сотрудника. Кроме того, основанием для сохранения должностного оклада, на наш взгляд, должно быть не только состояние здоровья или возраст сотрудника, но и такой значимый для сотрудника факт, как сокращение его должности. Например, применительно к лицам, проходившим военную службу, учитывается их перевод на нижестоящие должности в связи с организационно-штатными мероприятиями, причем достаточными признаются только один год срока службы в должности и наличие на день перевода выслуги, дающей право на пенсию за выслугу лет (абз. 2 подп. «а» п. 9 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941).

Полагаем, что порядок сохранения должностного оклада, учитываемого для назначения пенсии, должен быть единым для всех категорий лиц, на которых распространяется действие закона о пенсионном обеспечении. Право на сохранение должностного оклада не должно зависеть от принятия решения на федеральном уровне, а также от воинского (специального) звания сотрудника. В числе оснований перевода на нижестоящую должность наряду с возрастом и состоянием здоровья следует предусмотреть организационно-штатные мероприятия (сокращение штатов), а возможно, и другие основания (например, по собственному желанию), за исключением отрицательных. Требования к стажу службы в должности на момент перевода на нижестоящую должность также должны быть унифицированы. Требование наличия на день перевода выслуги, дающей право на пенсию за выслугу лет, должно быть сохранено. Все остальные, кроме должностного оклада, составляющие денежного довольствия, учитываемые при назначении пенсии, целесообразно брать на день увольнения со службы.

Иным вариантом решения рассматриваемой нами проблемы мог бы стать отказ (или частичный отказ) на уровне законодательства от «карьерного» принципа назначения пенсий в соответствии с Законом РФ от 12.02.1993 № 4468-1 и установление иного порядка их расчета. Например, при полном отказе такой расчет мог бы производиться исходя из среднего размера денежного довольствия для исчисления пенсии (с уче-

том его индексации или пересмотра размеров) за любой пятилетний период службы сотрудника (или весь период службы), при частичном отказе – исходя из среднего должностного оклада (с учетом индексаций и повышений), остальные же составляющие денежного довольствия для исчисления пенсий берутся на день увольнения со службы (оклад по специальному званию и надбавка за выслугу лет). Например, в Великобритании с 2015 г. была введена новая схема расчета пенсий сотрудникам тюремного ведомства, согласно которой пенсионные накопления формируются в течение всего периода службы, что позволяет определить размер пенсии не только на основе последних нескольких лет службы [1, с. 22].

На наш взгляд, целесообразно закрепить в законодательстве и некоторые частные случаи, когда предусматривается сохранение должностного оклада, учитываемого при назначении пенсии, если сотрудник переводится на должность с меньшим окладом. Например, законодательством Республики Беларусь предусмотрено сохранение должностного оклада лицам начальствующего состава Следственного комитета, органов внутренних дел, перемещенным на должности руководящего, профессорско-преподавательского состава и научных работников учреждений образования, осуществляющих подготовку кадров по специальностям для Следственного комитета, органов внутренних дел Республики Беларусь, после достижения ими выслуги 15 лет и более в календарном исчислении (ч. 2 п. 18 Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 05.07.1993 № 432 «О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий и пособий военнослужащим офицерского состава, прапорщикам, мичманам, сержантам и старшинам, солдатам и матросам, проходящим военную службу по контракту, лицам начальствующего и рядового состава Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований и членам их семей» [8] (далее – Постановление СМ РБ от 05.07.1993 № 432).

2. Не вполне юридически обоснованной представляется передача законодателем на подзаконный уровень полномочий по определению порядка исчисления выслуги лет для назначения пенсии. В соответствии с абз. 3 ст. 18 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 данный порядок определяется

Правительством Российской Федерации. Вместе с тем он включает в себя не только процедурные нормы, связанные с расчетом выслуги лет, но и нормы, регламентирующие основания для льготного зачета выслуги лет, что не является, на наш взгляд, правильным. Более того, часть данной компетенции делегируется Правительством Российской Федерации вообще на ведомственный уровень, что не предусмотрено вышеназванным законодательным актом. Так, например, согласно подп. «в» п. 3 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 министром юстиции Российской Федерации определяется перечень организаций, должностей и условий для установления льготного зачета выслуги лет один месяц службы за два месяца в исправительных учреждениях, предназначенных для содержания и лечения осужденных инфекционных больных и содержания осужденных к пожизненным срокам, а также в медицинских противотуберкулезных организациях уголовно-исполнительной системы; согласно подп. «г» п. 3 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 министром юстиции Российской Федерации утверждается перечень предприятий, учреждений, организаций и должностей в центральном и территориальных органах и иных учреждениях уголовно-исполнительной системы для установления льготного зачета выслуги лет один месяц службы за полтора месяца. Представляется, что если в первом случае министр юстиции Российской Федерации определяет перечень конкретных исправительных учреждений, в которых содержатся осужденные инфекционные больные и осужденные к пожизненным срокам, а также должностей сотрудников, которые участвуют в работе с такими осужденными, то во втором случае он определяет не конкретные наименования предприятий, учреждений и организаций, а виды данных подразделений, что должно быть реализовано, на наш взгляд, на законодательном уровне, а не на уровне правового акта федерального органа исполнительной власти. Данный вывод следует из анализа содержания Приказа Минюста России от 01.12.2005 № 233 «Об утверждении перечней должностей, предприятий, учреждений, организаций уголовно-исполнительной системы, служба в которых засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях» (далее – приказ Минюста России от 01.12.2005 № 233) [15].

3. В соответствии с абз. 1 ст. 18 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 в выслугу лет для на-

значения пенсии уволенным со службы офицерам и лицам начальствующего состава органов внутренних дел, Государственной противопожарной службы, органов по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, войск национальной гвардии Российской Федерации может засчитываться время их учебы до определения на службу (но не более пяти лет) из расчета один год учебы за шесть месяцев службы. Как можно видеть, лица, проходившие службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, в данной норме не упомянуты.

Вместе с тем в соответствии с абз. 2 ч. 2 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 в выслугу лет для назначения пенсии лицам рядового и начальствующего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы засчитывается время обучения их до поступления на службу в гражданских образовательных организациях высшего образования либо в профессиональных образовательных организациях в пределах пяти лет из расчета два месяца учебы за один месяц службы. В соответствии с абз. 3 ст. 18 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 порядок исчисления выслуги лет для назначения пенсии определяется Правительством Российской Федерации. Следовательно, возможность зачета периода обучения в выслугу лет для назначения пенсии сотрудникам уголовно-исполнительной системы законодательством предусмотрена. Представляется, что данная норма должна быть закреплена на законодательном уровне в рамках абз. 1 ст. 18 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1.

Согласно п. 10 ч. 2 ст. 38 проекта федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» планируется нормативно закрепить включение в выслугу лет времени (не более пяти лет) обучения сотрудника до поступления на службу по основным образовательным программам среднего профессионального образования или высшего образования по очной форме, исчисляемого из расчета два месяца обучения за один месяц службы [5]. Вместе с тем, по нашему мнению, регламентировать данный вопрос необходимо в специальном нормативном правовом акте – Законе РФ от 12.02.1993 № 4468-1.

Законодательство Республики Беларусь решает вопрос зачета в выслугу лет периодов обучения несколько иным образом. Так, согласно п. 2 Постановления СМ РБ от 05.07.1993 № 432 лицам начальствующего и

рядового состава в выслугу лет для назначения пенсии засчитывается период получения среднего специального и (или) высшего образования, но не более четырех лет и не ранее достижения 17-летнего возраста. Российское законодательство позволяет засчитывать в выслугу лет для назначения пенсии не более двух с половиной лет от срока обучения.

4. Нуждаются в уточнении и дополнении правовые нормы, устанавливающие основания и порядок исчисления выслуги лет для назначения пенсии в случае зачисления сотрудника в распоряжение учреждения (органа) уголовно-исполнительной системы. В соответствии с п. 8.6 Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, утвержденной приказом Минюста России от 06.06.2005 № 76, на сотрудника, находящегося в распоряжении, распространяются все права, обязанности и гарантии социальной защиты, предусмотренные законодательством Российской Федерации и нормативными правовыми актами Минюста России, регламентирующими прохождение службы в учреждениях и органах УИС [14]. В силу этого данный сотрудник также имеет право на льготный зачет выслуги лет, поскольку ни Постановление Правительства РФ от 22.09.1993 № 941, ни приказ Минюста России от 01.12.2005 № 233 не предусматривают каких-либо исключений из общего правила исчисления выслуги лет в рассмотренных ситуациях. В соответствии с ч. 15 ст. 36 проекта федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» время нахождения сотрудника в распоряжении учреждения или органа планируется засчитывать в выслугу лет в календарном исчислении. Вместе с тем представляется, что применять данное положение к расчету выслуги лет для назначения пенсии не вполне обоснованно, поскольку сотрудник, находящийся в распоряжении, как правило, продолжает нести службу и исполнять ранее возложенные на него обязанности. Кроме того, потребуются внесение соответствующих изменений в ст. 36 Закона Российской Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (далее – Закон РФ от 21.07.1993 № 5473-1) [17], предусматривающую льготный зачет выслуги лет.

5. Требуется уточнения и порядок назначения пенсии бывшим сотрудникам в случае

лишения их в установленном законодательством порядке специальных званий. В соответствии с ч. 3 ст. 2 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 пенсии указанным лицам назначаются на основаниях, установленных федеральным законом «О страховых пенсиях» [12]. Полагаем, что, исходя из буквального толкования, действие данной нормы не должно распространяться на лиц, которым уже была назначена пенсия в соответствии с Законом РФ от 12.02.1993 № 4468-1. Данная норма является исключением из общего правила назначения пенсий лицам, проходившим службу, и не должна при применении подвергаться расширительному толкованию. Вместе с тем, согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации от 05.07.2011 № 863-О-О [13], выплата пенсии, ранее назначенной на основании Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1, подлежит прекращению в случае вынесения обвинительного приговора (предусматривающего лишение воинского (специального) звания) за совершенное в период прохождения службы преступление, даже если пенсия уже была назначена. Представляется, что при таких обстоятельствах необходима соответствующая корректировка с ч. 3 ст. 2 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 и приведение ее в соответствие с указанной правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации.

Кроме того, здесь необходимо учесть, что сотрудник, лишенный специального звания, может иметь травму либо заболевание, полученное при исполнении служебных обязанностей (либо в период прохождения службы), и в дальнейшем в случае утраты им трудоспособности (установление инвалидности) или в случае его смерти вследствие данной травмы (заболевания) он или члены его семьи не смогут претендовать на назначение соответственно пенсии по инвалидности либо пенсии по случаю потери кормильца в соответствии с Законом РФ от 12.02.1993 № 4468-1. То есть в ситуации причинения вреда жизни и здоровью при исполнении служебных обязанностей сотрудник и члены его семьи фактически могут быть лишены указанной социальной гарантии, несмотря на то что на момент получения травмы (вреда здоровью) сотрудник имел специальное звание и исполнял возложенные на него государственные обязанности.

Более гуманный с точки зрения социально-правовой защищенности сотрудников подход к решению данной проблемы представлен в законодательстве Респу-

блики Беларусь. Так, согласно абз. 4 ст. 42 Закона Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2050-XII «О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований» (далее – Закон РБ от 17.12.1992 № 2050-XII) при исчислении пенсий за выслугу лет лицам начальствующего и рядового состава, совершившим в период прохождения службы тяжкое или особо тяжкое преступление против интересов службы либо тяжкое или особо тяжкое преступление, сопряженное с использованием должностным лицом своих служебных полномочий, оклад по специальному званию учитывается по званию «рядовой» [6]. В соответствии с ч. 5 п. 18 Постановления СМ РБ от 05.07.1993 № 432 лицам начальствующего состава, лишенным специального звания, назначенная им пенсия пересчитывается исходя из оклада по специальному званию «рядовой».

6. В соответствии с абз. 10 подп. «б» и абз. 24 подп. «г» п. 3 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 время службы, связанной с участием в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и предотвращению загрязнения окружающей среды в зоне отчуждения (на территории, с которой было эвакуировано население в 1986 г.), засчитывается в выслугу лет в льготном исчислении: в период с 26.04.1986 по 31.12.1987 – из расчета один месяц службы за три месяца, а в период с 01.01.1988 по 31.12.1990 – из расчета один месяц службы за полтора месяца. В то же время в соответствии с абз. 1 ст. 8 Закона РФ от 15.05.1991 № 1244-1 «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (далее – Закон РФ от 15.05.1991 № 1244-1) зоной отчуждения (именовавшейся в 1986–1987 гг. 30-километровой зоной, а с 1988 г. до 15.05.1991 – зоной отселения) является территория вокруг Чернобыльской АЭС, а также часть территории Российской Федерации, загрязненные радиоактивными веществами вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС, из которых в соответствии с нормами радиационной безопасности в 1986 и 1987 гг. население было эвакуировано [11], то есть не только в 1986 г. При этом время на выполнение заданий и несение военной службы (службы) в зоне отчужде-

ния, согласно названному закону, засчитывается в выслугу лет на пенсию из расчета один месяц за три (абз. 6 ст. 23 Закона РФ от 15.05.1991 № 1244-1), то есть не только до 31.12.1987. Представляется, что положения двух названных нормативных правовых актов нуждаются в более четком согласовании и корректировке.

7. В законодательстве отсутствует единый подход к регламентации порядка расчета выслуги лет для назначения пенсии сотрудникам разных ведомств. Например, согласно абз. 5 п. 1(1) и абз. 5 п. 1(3) Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941, периоды замещения гражданином должностей в таможенных органах Российской Федерации, следственных органах и учреждениях Следственного комитета Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение специальных званий, подлежат зачету в выслугу лет для назначения пенсии лицам рядового и начальствующего состава органов внутренних дел, войск национальной гвардии Российской Федерации, а также федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы. Как можно видеть, лица, проходившие службу в УИС, здесь не фигурируют. Согласно абз. 4 п. 1 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941, в выслугу лет для назначения пенсии сотрудникам засчитывается служба в милиции (полиции), других учреждениях и формированиях органов внутренних дел (охраны общественного порядка) Российской Федерации и бывшего Союза ССР.

Пункт 8 ч. 2 ст. 38 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» устанавливает, что в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел включается период замещения гражданином должностей в таможенных органах Российской Федерации, следственных органах и учреждениях Следственного комитета Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение специальных званий [10]. Кроме того, согласно ч. 6 ст. 38 данного федерального закона периоды службы в органах внутренних дел в календарном исчислении засчитываются в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, в стаж службы в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы. Следовательно, в Постановлении Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 включение в выслугу лет

для назначения пенсии периодов замещения гражданином должностей в таможенных органах Российской Федерации, следственных органах и учреждениях Следственного комитета Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение специальных званий, должно распространяться и на лиц рядового и начальствующего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы.

Согласно п. 6 ч. 2 ст. 38 проекта федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» период замещения гражданином должностей в таможенных органах Российской Федерации, следственных органах и учреждениях Следственного комитета Российской Федерации, по которым предусмотрено присвоение специальных званий, планируется включить в выслугу лет. По нашему мнению, данное положение необходимо закрепить в Постановлении Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 или на уровне Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1.

8. Как нами уже отмечалось, прохождение службы в уголовно-исполнительной системе в значительной мере связано с действием различного рода экстремальных и психотравмирующих факторов, сопряжено с высоким физическим и психо-эмоциональным напряжением, значительными служебными нагрузками и существенным риском причинения вреда здоровью сотрудника. В связи с этим в учреждениях и органах установлен льготный зачет выслуги лет для назначения пенсии. Данное обстоятельство приводит к ситуации, когда многие сотрудники получают право на пенсию за выслугу лет, имея незначительный стаж службы в уголовно-исполнительной системе в календарном исчислении. Например, сотрудники, проходящие службу в исправительных учреждениях или местностях, для которых предусмотрен льготный зачет выслуги лет из расчета один месяц службы за два месяца, при определенных условиях (срок начала службы, служба в вооруженных силах и т. п.) могут претендовать на пенсию за выслугу лет уже в возрасте 29–30 лет, имея стаж службы в уголовно-исполнительной системе в календарном исчислении 9–10 лет. При этом размер пенсии за выслугу лет у лиц младшего начальствующего состава учреждений и органов может быть незначительным в сравнении с предусмотренным законодательством размером прожиточного минимума. Данная ситуация возникает в силу наличия небольшого стажа службы сотрудника в календарном

исчислении. Тем не менее представляется, что установление льготного зачета выслуги лет для назначения пенсии связано, прежде всего, с наличием особых условий прохождения службы и не должно рассматриваться в качестве аргумента при обосновании низкого размера пенсии сотрудника, имеющего установленную законодательством минимальную выслугу для ее назначения. Устанавливая льготный зачет выслуги лет из расчета один месяц службы за два месяца, законодатель тем самым признает риск и сложность прохождения службы, в частности в районах Крайнего Севера, учреждениях для содержания пожизненно осужденных, инфекционных больных. Не должно, на наш взгляд, быть такой ситуации, когда сотрудник вышел на пенсию за выслугу лет (пусть даже в льготном исчислении) и получает ее в размере, сопоставимом с прожиточным минимумом, тем более что размер этот в дальнейшем пенсионер увеличить уже не сможет. Иным образом обстоит дело в Республике Беларусь: в соответствии с п. «г» ст. 15 Закона РБ от 17.12.1992 № 2050-XII пенсионерам, получающим пенсии за выслугу лет, достигшим возраста, дающего право на получение пенсии по возрасту на общих основаниях, размер пенсии за выслугу лет увеличивается за каждый год стажа работы (со дня увольнения со службы до дня достижения пенсионного возраста), на 1 % соответствующих сумм денежного довольствия, но всего не более чем на 75 % этих сумм. Вместе с тем, согласно ст. 14 Закона РБ от 17.12.1992 № 2050-XII, право на пенсию за выслугу лет имеют военнослужащие, лица начальствующего и рядового состава, имеющие выслугу на военной службе и (или) службе 20 и более лет, но только при условии увольнения с военной службы или со службы по возрасту, болезни, в связи с организационно-штатными мероприятиями, по ограниченному состоянию здоровья или в связи с болезнью после увольнения с военной службы или со службы, а при увольнении по другим основаниям – при достижении предельного возраста состояния на военной службе или службе, установленного законодательными актами Республики Беларусь. Представляется, что названное условие, с одной стороны, способствует закреплению сотрудников на службе, а с другой – в определенной мере несправедливо, поскольку ставит различных сотрудников, имеющих одинаковую выслугу лет, в неравное положение. На наш взгляд, льготная пенсия является прежде всего социальной

гарантией, компенсацией за профессиональный риск. Поступая на службу, гражданин фактически добровольно отказывается от своего развития в качестве востребованного в рыночной экономике профессионала, выходя на пенсию, он практически утрачивает возможности такого развития, поскольку уже неконкурентоспособен с учетом своего возраста, состояния здоровья и карьерных перспектив.

То же самое можно сказать и про размеры пенсии по случаю потери кормильца, устанавливаемые членам семьи сотрудника уголовно-исполнительной системы, погибшего (умершего) вследствие травмы (заболевания), полученной при исполнении служебных обязанностей (в период прохождения службы), особенно если размер его должностного оклада, оклада по специальному званию и стаж службы незначительны. Полагаем, что размер данной пенсии должен составлять не менее полного денежного довольствия, которое он получал в период прохождения службы, с учетом всех его составляющих.

9. В соответствии с п. «б» ст. 21 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1 обязанность выявлять и аргументировать факт отсутствия связи увечья или заболевания с исполнением обязанностей военной службы (служебных обязанностей) лежит на военно-врачебных комиссиях. Порядок определения причинной связи увечий и заболеваний установлен в разд. IX Положения о военно-врачебной экспертизе (утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 04.07.2013 № 565 [16]), согласно которому вывод об отсутствии связи заболевания с исполнением служебных обязанностей делается на основании довольно узкого перечня критериев (подп. «а» п. 94). В связи с этим назначение пенсии по инвалидности вследствие военной травмы лицам, проходившим службу в исправительных учреждениях (в том числе в лечебно-исправительных и лечебно-профилактических учреждениях для инфекционно больных осужденных) и ставших инвалидами вследствие таких серьезных заболеваний, как туберкулез, ВИЧ-инфекция, гепатит С, не представляется возможным. Решение данной проблемы, на наш взгляд, могло бы способствовать повышению правовой и социальной защищенности сотрудников.

10. Отдельные правовые нормы, регламентирующие порядок расчета выслуги лет для назначения пенсии сотрудникам уголовно-исполнительной системы, нуждаются

в корректировке с позиций законодательной техники. Например, ст. 36 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 устанавливает льготный зачет выслуги лет для назначения пенсии из расчета два дня службы за три, а в учреждениях, предназначенных для содержания и лечения инфекционных больных и осужденных с пожизненным сроком, – один день службы за два. В то же время подп. «в» и «г» п. 3 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 устанавливают основания для льготного зачета выслуги лет из расчета один месяц службы за два месяца и один месяц службы за полтора месяца соответственно. На практике данный зачет осуществляется из расчета один день службы за два дня и два дня службы за три дня соответственно.

В соответствии с ч. 2 п. 2 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941 в выслугу лет для назначения пенсии лицам рядового и начальствующего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы засчитывается время обучения их до поступления на службу в гражданских образовательных организациях высшего образования либо в профессиональных образовательных организациях в пределах пяти лет из расчета два месяца учебы за один месяц службы. На практике данный зачет осуществляется из расчета два дня учебы за один день службы. В отношении иных категорий лиц, назначение пенсий за выслугу лет которым производится на основании Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1, может быть установлен и другой порядок зачета периодов обучения: например, один год обучения за шесть месяцев (ст. 18 Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1, ч. 1 п. 2 Постановления Правительства РФ от 22.09.1993 № 941). На наш взгляд, следует установить единый подход к формулированию содержания норм, регулирующих порядок зачета выслуги лет.

Таким образом, проведенный нами анализ нормативно-правовых основ пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, позволил выявить ряд проблем в рассматриваемой области правового регулирования. Решение данных проблем должно основываться на следующих принципах:

1. Обеспечение социальной защищенности сотрудников, их стимулирование к закреплению на службе и служебно-должностному продвижению в сочетании с экономическим стимулированием отсроченного выхода на пенсию.

2. С одной стороны, установление единого подхода к порядку расчета выслуги лет и денежного довольствия для назначения пенсии в отношении всех категорий лиц, пенсионное обеспечение которых осуществляется на основании Закона РФ от 12.02.1993 № 4468-1, с другой – учет специфики прохождения службы в уголовно-исполнительной системе и различных ее подразделениях.

3. Регламентация вопросов пенсионного обеспечения лиц, проходивших службу в

учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, на законодательном уровне в рамках специального закона (Закон РФ от 12.02.1993 № 4468-1), исключение дублирования правовых норм в иных законодательных актах, передача на подзаконный уровень правового регулирования только процессуальных (процедурных) норм.

4. Обеспечение обоснованности и объективности вносимых законодательных изменений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анискина Н. В. Реформирование системы пенсионного обеспечения сотрудников УИС: российский и зарубежный опыт // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы междунар. науч.-практ. межведомств. конф. (г. Самара, 16–17 июня 2016 г.). Самара, 2016. С. 20–23.
2. Демин В. М. Профилактика правонарушений сотрудников уголовно-исполнительной системы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 26 с.
3. Иванова В. В., Соколов Н. А. Актуальные вопросы пенсионного обеспечения сотрудников уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы кадровой работы, социальной и правовой защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы России : сб. материалов науч.-практ. семинара (г. Вологда, 17 апреля 2017 г.). Вологда, 2017. С. 71–75.
4. Мухтарова Е. А. Социальная защита сотрудников уголовно-исполнительной системы // Актуальные вопросы кадровой работы, социальной и правовой защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы России : сб. материалов науч.-практ. семинара (г. Вологда, 17 апреля 2017 г.). Вологда, 2017. С. 102–109.
5. О внесении проекта федерального закона «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации» : письмо Правительства Рос. Федерации от 01.02.2018 № 845п-П4. URL: https://legal.report/uploads/doc/2/379630-7_02022018_0120032836-1.pdf (дата обращения: 20.03.2018).
6. О пенсионном обеспечении военнослужащих, лиц начальствующего и рядового состава органов внутренних дел, Следственного комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям и органов финансовых расследований : закон Республики Беларусь от 17.12.1992 № 2050-XII (ред. от 09.01.2017, с изм. от 31.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семей : закон Рос. Федерации от 12.02.1993 № 4468-1 (ред. от 01.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий и пособий военнослужащим офицерского состава, прапорщикам, мичманам, сержантам и старшинам, солдатам и матросам, проходящим военную службу по контракту, лицам начальствующего и рядового состава Следственного комитета, Государственного комитета судебных экспертиз, органов внутренних дел, органов и подразделений по чрезвычайным ситуациям, органов финансовых расследований и членам их семей : постановление Совета министров Республики Беларусь от 05.07.1993 № 432 (в ред. от 04.10.2017). URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23776 (дата обращения: 01.02.2018).
9. О порядке исчисления выслуги лет, назначения и выплаты пенсий, компенсаций и пособий лицам, проходившим военную службу в качестве офицеров, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы или по контракту в качестве солдат, матросов, сержантов и старшин либо службу в органах внутренних дел, федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, и их семьям в Российской Федерации : постановление Правительства Рос. Федерации от 22.09.1993 № 941 (ред. от 16.08.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 01.07.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС : закон Рос. Федерации от 15.05.1991 № 1244-1 (ред. от 30.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. О страховых пенсиях : федер. закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (ред. от 28.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Климовича Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 2 Закона Российской Федерации «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, и их семей» : определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 05.07.2011 № 863-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. Об утверждении Инструкции о порядке применения Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 06.06.2005 № 76 (ред. от 12.12.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении перечней должностей, предприятий, учреждений, организаций уголовно-исполнительной системы, служба в которых засчитывается в выслугу лет для назначения пенсии на льготных условиях : приказ Минюста России от 01.12.2005 № 233 (ред. от 18.10.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе : постановление Правительства Рос. Федерации от 04.07.2013 № 565 (ред. от 30.03.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 (ред. от 28.12.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь–декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 393 с.

REFERENCES

1. Aniskina N. V. Reformirovanie sistemy pensionnogo obespecheniya sotrudnikov UIS: rossijskij i zarubezhnyj opyt [Reforming the pension system of the penitentiary system staff: Russian and foreign experience]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremennom ehstape: vzaimodejstvie nauki i praktiki : materialy mezhdunar. nauch.-prakt. mezhdvedomstv. konf. (g. Samara, 16–17 iyunya 2016 g.) – Penal system at the present stage: interaction of science and practice : materials of the international scientific and practical interdepartmental conference (Samara, June 16–17, 2016). Samara, 2016. P. 20–23. (In Russ.).
2. Demin V. M. Profilaktika pravonarushenij sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Prevention of offenses committed by employees of the penal system : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2007. 26 p. (In Russ.).
3. Ivanova V. V., Sokolov N. A. Aktual'nye voprosy pensionnogo obespecheniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Topical issues of pension provision for employees of the penitentiary system]. Aktual'nye voprosy kadrovoj raboty, social'noj i pravovoj zashchity sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii : sb. materialov nauch.-prakt. seminar (g. Vologda, 17 aprelya 2017 g.) – Actual issues of personnel work, social and legal protection of the staff of the Russian penal system : a collection of materials of the scientific and practical seminar (Vologda, April 17, 2017). Vologda, 2017. P. 71–75. (In Russ.).
4. Muhtarova E. A. Social'naya zashchita sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy [Social protection of the penitentiary system staff]. Aktual'nye voprosy kadrovoj raboty, social'noj i pravovoj zashchity sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii : sb. materialov nauch.-prakt. seminar (g. Vologda, 17 aprelya 2017 g.) – Actual issues of personnel work, social and legal protection of the staff of the Russian penal system : a collection of materials of the scientific and practical seminar (Vologda, April 17, 2017). Vologda, 2017. P. 102–109. (In Russ.).
5. O vnesenii proekta federal'nogo zakona «O sluzhbe v ugolovno-ispolnitel'noj sisteme Rossijskoj Federacii» : pis'mo Pravitel'stva Ros. Federacii ot 01.02.2018 № 845p-P4 [On the Introduction of the Draft Federal Law «On Service in the Penitentiary System of the Russian Federation» : a letter by the Government of the Russian Federation from 01.02.2018 No. 845p-P4]. Availabel at: https://legal.report/uploads/doc/2/379630-7_02022018_0120032836-1.pdf (accessed 20.03.2018). (In Russ.).
6. O pensionnom obespechenii voennosluzhashchih, lic nachal'stvuyushchego i ryadovogo sostava organov vnutrennih del, Sledstvennogo komiteta Respubliki Belarus', Gosudarstvennogo komiteta sudebnyh ehkspertiz Respubliki Belarus', organov i podrazdelenij po chrezvychajnym situacijam i organov finansovyh rassledovanij : zakon Respubliki Belarus' ot 17.12.1992 № 2050-XII (red. ot 09.01.2017, s izm. ot 31.12.2017) [On pension provision for servicemen, officers and officers of the internal affairs bodies, the Investigative Committee of the Republic of Belarus, the State Committee of Forensic Expertise of the Republic of Belarus, emergency agencies and units and financial investigation bodies : Law of the Republic of Belarus from 17.12.1992 No. 2050-XII (in red. on 09.01.2017, as amended on 31.12.2017). Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
7. O pensionnom obespechenii lic, prohodivshih voennuyu sluzhbu, sluzhbu v organah vnutrennih del, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhbe, organah po kontrolyu za oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv, uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, i ih semej : zakon Ros. Federacii ot 12.02.1993 № 4468-1 (red. ot 01.07.2017) [On the provision of pensions for persons who have completed military service, service in the internal affairs agencies, the State Fire Service, the bodies responsible for controlling the circulation of narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system, the troops of the national guard of the Russian Federation, and their families : the law of Russian Federation from 12.02.1993 No. 4468-1 (in red. on 01.07.2017)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
8. O poryadke ischisleniya vyslugi let, naznacheniya i vyplaty pensij i posobij voennosluzhashchim oficerskogo sostava, praporshchikam, michmanam, serzhantom i starshinam, soldatam i matrosam, prohodiyashchim voennuyu sluzhbu po kontraktu, licam nachal'stvuyushchego i ryadovogo sostava Sledstvennogo komiteta, Gosudarstvennogo komiteta sudebnyh ehkspertiz, organov vnutrennih del, organov i podrazdelenij po chrezvychajnym situacijam, organov finansovyh rassledovanij i chlenam ih semej : postanovlenie Soveta ministrov Respubliki Belarus' ot 05.07.1993 № 432 (v red. ot 04.10.2017) [On the procedure for calculating the length of service, the appointment and payment of pensions and allowances to military officers of the officer corps, warrant officers, sergeants, soldiers and sailors of military service under contract, officers of the Investigative Committee, the State Committee of Forensic Expertise, bodies Ministry of Internal Affairs, bodies and departments for emergency situations, financial investigation bodies and members of their families: Resolution of the Council of Ministers of the Republic of Belarus from 05.07.1993 No. 432 (in red. on 04.10.2017)]. Availabel at: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=23776 (accessed 01.02.2018). (In Russ.).
9. O poryadke ischisleniya vyslugi let, naznacheniya i vyplaty pensij, kompensacij i posobij licam, prohodivshim voennuyu sluzhbu v kachestve oficerov, praporshchikov, michmanov i voennosluzhashchih sverhsrochnoj sluzhby ili po kontraktu v kachestve soldat, matrosov, serzhantov i starshin libo sluzhbu v organah vnutrennih del, federal'noj protivopozharnoj sluzhbe Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhby, uchrezhdeniyah i organah ugolovno-ispolnitel'noj sistemy, vojskah nacional'noj gvardii Rossijskoj Federacii, i ih sem'yam v Rossijskoj Federacii : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 22.09.1993 № 941 (red. ot 16.08.2017) [On the procedure for calculating the length of service, the appointment and payment of pensions, compensation and benefits to persons who have served as officers, ensigns, warrant officers and servicemen of extra-long service or as contract soldiers, sailors, sergeants and foremen, or service in internal affairs bodies, the federal fire service of the State Fire Service, the institutions and bodies of the penal system, the troops of the national guard of the Russian Federation, and their families in the Russian Federation : decree Russian Federation from 22.09.1993 No. 941 (in red. on 16.08.2017)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
10. O sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 30.11.2011 № 342-FZ (red. ot 01.07.2017) [On the service in the internal affairs bodies of the

- Russian Federation and amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law from 30.11.2011 No. 342-FL (in red. on 01.07.2017)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
11. O social'noj zashchite grazhdan, podvergnshihya vozdeystviyu radiacii vsledstvie katastrofy na CHernobyl'skoj AEHS : zakon Ros. Federacii ot 15.05.1991 № 1244-1 (red. ot 30.10.2017) [On the social protection of citizens exposed to radiation due to the Chernobyl disaster : the law of the Russian Federation from 15.05.1991 No. 1244-1 (in red. on 30.10.2017)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
12. O strahovyh pensiyah : feder. zakon ot 28.12.2013 № 400-FZ (red. ot 28.12.2017) [On insurance pensions: Federal Law from 28.12.2013 No. 400-FL (in red. on 28.12.2017)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
13. Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Klimovicha Aleksandra Ivanovicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chast'yu tret'ej stat'i 2 Zakona Rossijskoj Federacii «O pensionnom obespechenii lic, prohodivshih voennuyu sluzhbu, sluzhbu v organah vnutrennih del, Gosudarstvennoj protivopozharnoj sluzhbe, organah po kontrolyu za oborotom narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv, uchrezhdeniyah i organah ugovolno-issledovatel'skoj sistemy, i ih semej» : opredelenie Konstitucionnogo Suda Ros. Federacii ot 05.07.2011 № 863-O-O [On the refusal to accept the complaint of citizen Klimovich Alexander Ivanovich for violation of his constitutional rights by the third part of Article 2 of the Law of the Russian Federation «On the provision of pensions for persons who passed military service, service in internal affairs bodies, the State Fire Service, the bodies controlling the traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal system, and their families» : the definition of the Russian Federation from 05.07.2011 No. 863-O-O]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
14. Ob utverzhenii Instrukcii o poryadke primeneniya Polozheniya o sluzhbe v organah vnutrennih del Rossijskoj Federacii v uchrezhdeniyah i organah ugovolno-issledovatel'skoj sistemy : prikaz Minyusta Rossii ot 06.06.2005 № 76 (red. ot 12.12.2013) [On the approval of the Instruction on the procedure for the application of the Regulations on Service in the Internal Affairs Agencies of the Russian Federation in the Institutions and Bodies of the Penal System : Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 06.06.2005 No. 76 (in red on 12.12.2013). Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
15. Ob utverzhenii perechnej dolzhnostej, predpriyatij, uchrezhdenij, organizacij ugovolno-issledovatel'skoj sistemy, sluzhba v kotoryh zaschityvaetsya v vyslugu let dlya naznacheniya pensii na l'gotnyh usloviyah : prikaz Minyusta Rossii ot 01.12.2005 № 233 (red. ot 18.10.2017) [On the approval of lists of posts, enterprises, institutions, organizations of the penal system, the service in which is included in the length of service for the purpose of granting a pension on preferential terms : Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation from 01.12.2005 No. 233 (in red. on 18.10.2017)]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
16. Ob utverzhenii Polozheniya o voenno-vrachebnoj ehkspertize : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 04.07.2013 № 565 (red. ot 30.03.2017) [On the approval of the Regulations on military medical examination : Government Decision from 04.07.2013 No. 565 (in red. on 30.03.2017). Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
17. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovolnye nakazaniya v vide lisheniya svobody : zakon Ros. Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1 (red. ot 28.12.2016) [On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of deprivation of liberty : the law of the Russian Federation from 21.07.1993 No. 5473-1 (in red. on 28.12.2016). Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
18. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugovolno-issledovatel'skoj sistemy (yanvar'–dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. – Main indicators of the penal system (January–December 2017) : information-analytical collection. Tver, 2018. 393 p. (In Russ.).

УДК 343.82

Организационно-тактические основы исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания

С. А. КОПЫТКИН – ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России;

В. В. ГОРОВОЙ – научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России

Реферат

В статье рассматриваются особенности организации и тактики исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания. Предложены алгоритмы оказания консультативной помощи сотруднику уголовно-исполнительной системы лицом, обладающим специальными познаниями в области медицины и психиатрии. Рассмотрены вопросы обеспечения безопасности сотрудников пенитенциарных учреждений при работе с осужденными данной категории. Изучен и раскрыт порядок взаимодействия представителей исправительных учреждений с организациями здравоохранения в области медицинского обслуживания осужденных, имеющих социально значимые заболевания, и по вопросам реализации иных прав и обязанностей. Излагаются организационно-тактические аспекты в сфере наблюдения за осужденными, выявления и анализа их жалоб, предлагаются практические рекомендации по осуществлению работы и общению с ними.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; социально значимое заболевание; лишение свободы; осужденный.

Organizational and tactical principles of execution the imprisonment of convicted persons with socially significant diseases

S. A. KOPYTKIN – Leading Researcher of the Department for improvement of normative-legal regulation of the Penal System of the Center for study of problems of management and organization of execution punishments of the penal system of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia;

V. V. GOROVOY – Researcher of the Department for study the problems of employment of prisoners and economic problems of functioning the penal system of the Center for study of problems of management and organization of execution punishments of the penal system of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

In the scientific article are considered the peculiarities of organization and tactics of execution of criminal punishment in form of imprisonment of convicted persons with socially significant diseases. There are proposed algorithms provide advice to the employee of the penal service by the person having special knowledge in the field of medicine and psychiatry. The problems of ensuring the security of employees of institutions of the penal system while work with prisoners sentenced to imprisonment having socially significant diseases are considered. There is studied and revealed the order of interaction of representatives of the penal system with the health care organizations in the field of health care of convicted persons with socially significant diseases, as well as interaction associated with the implementation of other rights and obligations of these categories of prisoners. There are expounded the organizational and tactical aspects in the field of surveillance of convicts, identifying and analyzes their complaints, are proposed practical recommendations on the organization and tactics of work and communication with them. The main objective of the study, the results of which are outlined in this article is the establishment of a systematic science-based regulations associated with the aspects of the methodological support of the execution of punishment against those with socially significant diseases.

Key words: penal system; socially significant diseases; imprisonment; convicted.

Вопросы исполнения наказаний в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания, тесно связаны с рядом специфических проблем, возникающих в связи с организацией, тактикой, обеспечением безопасности и иными важными компонентами правоприменительного процесса.

Обеспечение превентивных мер безопасности сотрудников, работающих с данной категорией лиц, в соответствии с ч. 4 ст. 2 Федерального закона от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [2] – одна из актуальных задач.

К сожалению, данный вопрос остается неурегулированным не только УИК РФ, но

и ведомственными приказами [3]. Отсутствие какой-либо правовой регламентации обеспечения безопасности сотрудников, работающих с осужденными, имеющими социально значимые заболевания, существенно отличает их деятельность от исполнения иных видов наказаний. Ряд ученых еще десятилетие назад применительно к сотрудникам использовал словосочетание «механизм обеспечения медицинской безопасности уголовно-исполнительной системы», под которым понималась система мер по прогнозированию и пресечению медико-биологических угроз в пенитенциарных учреждениях страны с использованием соответствующих ресурсов [1].

К таким ресурсам в контексте рассматриваемого вопроса следует отнести материально-бытовое обеспечение сотрудников и осужденных, имеющих социально значимые заболевания, и прежде всего создание (выделение) специализированного помещения, непосредственно предназначенного для содержания данной категории лиц.

В качестве дополнительной аргументации необходимости выделения таких помещений приведем ряд факторов:

- отсутствие возможности доступа осужденных, имеющих социально значимые заболевания, к иным сотрудникам и лицам, содержащимся в исправительном учреждении;
- возможность тщательной санитарно-эпидемиологической обработки такого помещения без ущерба для деятельности учреждения;
- расширение возможностей установления психологического контакта с осужденными, имеющими социально значимые заболевания;
- возможность использования технических средств безопасности, расположенных непосредственно в помещении (защитные экраны, спецсредства и др.);
- возможность осуществления контроля за осужденными, имеющими социально значимые заболевания, с помощью средств видеонаблюдения для формирования значительного объема ориентирующей информации;
- возможность блокирования действий осужденных, имеющих социально значимые заболевания, в случае возникновения нестандартных ситуаций;
- возможность обособленной работы специалистов в области медицины и психиатрии, необходимой впоследствии для дея-

тельности сотрудников уголовно-исполнительной системы.

Негативным обстоятельством, связанным с материально-техническим обеспечением, можно назвать недостаточную укомплектованность исправительных учреждений средствами безопасности различного принципа действия, наличие которых в сочетании со специализированным помещением для работы с осужденными могло бы существенно повысить степень защиты сотрудников, здоровых осужденных и иных лиц, обеспечивающих исполнение наказания.

Говоря об информационном обеспечении сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы при работе с осужденными, имеющими социально значимые заболевания, следует указать на необходимость и важность использования сотрудниками в своей профессиональной деятельности специальных знаний из различных областей медицины и психиатрии. Однако в силу объективных обстоятельств уровень профессиональной подготовки сотрудников не является одинаковым, тогда как очевидно, что от качества реализации полномочий сотрудника напрямую зависят законность и обоснованность исполнения наказания, изменения вида наказания или освобождения его от дальнейшего отбывания в связи с болезнью.

Кроме того, исполнение наказания в виде лишения свободы требует активного коммуникативного взаимодействия с осужденными, имеющими социально значимые заболевания, например:

- при производстве первоначальной беседы и воспитательной работы;
- осуществлении контроля за поведением осужденного;
- обращении с ходатайством об освобождении осужденного от дальнейшего отбывания наказания в связи с болезнью или инвалидностью;
- в процессе применения к осужденному технических средств надзора и контроля.

Очевидно, что реализация перечисленного комплекса мероприятий требует специальных знаний для выработки тактики поведения сотрудника и в отношении осужденного, имеющего социально значимые заболевания, в случае если его наличие установлено; при осуществлении мероприятий предоставляется возможность выявления признаков заболевания, которые оказывают влияние на процесс исполнения. Поми-

мо этого, специалисту могут потребоваться для анализа материалы, содержащиеся в личном деле – его учетном документе.

Таким образом, в качестве основной рекомендации, связанной с информационным обеспечением сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы, следует назвать активное использование в профессиональной деятельности консультаций специалистов в области медицины.

В дополнение сформулируем алгоритм консультирования сотрудника лицом, обладающим специальными знаниями в области медицины (психиатрии), патопсихологии:

а) предоставление в распоряжение специалиста материалов личного дела осужденного с акцентом на информации, характеризующей патологические особенности личности или поведения;

б) определение предположительной формы социально значимого заболевания, которым страдает осужденный, и соотношение этой формы с возможностью достижения основной цели и задач, поставленных в контексте исполнения наказания;

в) определение типичных для предполагаемой формы заболевания поведенческих и коммуникативных особенностей осужденного;

г) определение предположительных путей установления психологического контакта с осужденными данной категории;

д) выявление общей линии поведения сотрудника в контексте проводимого мероприятия;

е) обсуждение возможности применения конкретного тактического приема (комбинации) в ходе работы с осужденным;

ж) обсуждение предполагаемых вопросов, задаваемых сотрудником, во избежание ухудшения ситуации во время работы с осужденным;

з) фиксация результатов консультации.

Надо полагать, что к сфере информационного обеспечения можно отнести также и знание нормативно-правовой базы, связанной с лицами, имеющими социально значимые заболевания, и отдельными аспектами исполнения уголовного наказания в отношении их.

Проблемы методического и организационного обеспечения также требуют повышенного внимания, так как вызывают наиболее серьезные затруднения в практической деятельности сотрудников рассматриваемых подразделений. Одна из них – установление психологического контакта с осужденным, имеющим социально значимые заболевания. Традиционно такой контакт

возможно установить в рамках первоначальной беседы, которая выполняет следующие функции:

– истребования от осужденного информации, необходимой для исполнения приговора;

– познавательные функции, в том числе и связанные с анализом информации, предоставленной осужденным устно и содержащейся в документах;

– разъяснения (объяснения) правовых, организационных и технических аспектов исполнения наказания;

– контроля за документами, идентифицирующими личность, и др.

С нашей точки зрения, только устойчивая, психологически детерминированная коммуникация позволяет сконцентрировать внимание осужденного на исключительно важных для него условиях исполнения наказания. Приведем несколько положительно зарекомендовавших себя на практике способов установления психологического контакта с лицами данной категории:

1. Наблюдение за осужденным, изучение его внешнего облика. Уже по внешнему виду больного, его мимике, жестам, позе, предварительным анамнестическим сведениям нередко можно предположить форму того или иного заболевания. Это позволяет варьировать характер (содержание) и форму беседы с больным осужденным, а именно: содержание задаваемых вопросов, их громкость (тон), лаконичность, необходимость повторения, степень сложности и т. п. Для отнесения особенностей внешнего вида к болезненным и отличия их от бытовых, социальных, культурных и иных аналогов необходимо учитывать этиологию их появления, броскость, комплексность, сочетание с особенностями поведения [4].

2. Выявление и анализ жалоб осужденного. В большинстве случаев лица в процессе исполнения наказания недовольны своим положением и стремятся любым способом изменить его. Такое недовольство имеет широкий спектр проявлений, трансформируясь в том числе и в разнообразные жалобы с осужденными, расцениваемыми свое соматическое или психическое состояние в качестве основного повода для жалоб. Обычно коммуникативный контакт с осужденным, имеющим социально значимые заболевания, начинает стабилизироваться именно с выявления жалоб. Но здесь следует учитывать, что словесные жалобы нередко гораздо беднее имеющихся ощущений, и за ними (например, жалобы на бессонницу, головные боли, головокружение) может

скрываются целый комплекс различных социально значимых заболеваний. Помимо этого, при установлении психологического контакта возможен плавный переход от выявления и анализа жалоб к изучению их периодизации, что приближает общение к рассмотрению содержания назначенного наказания и описанию его механизма.

3. Проявление уважительного отношения и искренней заинтересованности в делах осужденного. В силу специфики поведения осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, особое внимание сотрудник исправительного учреждения должен уделять уважительному отношению к таким лицам и проявлять искреннюю заинтересованность в его делах. Осужденному не следует указывать, делать замечания в резкой, жесткой, громкой, категоричной, императивной форме – это обычно не только не улучшает контакт, но и может окончательно его разрушить или спровоцировать ответную реакцию в виде агрессии (например, в случае проведения беседы с психопатизированной личностью). Лучший контакт с осужденным достигается при спокойном общении, без повышения голоса, в официально-деловом ключе. Необходимые требования следует выдвигать в форме просьбы, пожелания, недопустима фамильярность, высокомерие, тем более указание на физиологические или психические недостатки. При налаживании коммуникативного контакта в первую очередь должны устраняться препятствия, связанные с бытующими предрассудками, опасениями, недоверием к сотруднику, в ходе чего корректируются неадекватные представления о методах и способах его работы.

Первоначальную беседу целесообразно строить таким образом, чтобы осужденный самостоятельно и свободно излагал обстоятельства и факты, интересующие сотрудника, его рассказ не прерывался, лишь по окончании допустимо расспросить об упущенных деталях. Это позволит уменьшить риск суггестии (психического внушения) со стороны сотрудника. С другой стороны, словесное описание некоторых событий бывает затруднительно для осужденных данной категории, поэтому сотрудник должен, не навязывая своей точки зрения, помочь им в адекватном их определении.

Взаимодействие, осуществляемое при исполнении наказания в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания, в широком смысле можно подразделить:

– на внутреннее (осуществляемое между субъектами, органами, организациями, являющимися частью системы правоохранительных органов);

– внешнее (осуществляемое с участием лиц, органов, организаций, не имеющих прямого отношения к правоохранительной деятельности).

Первичным звеном внутреннего взаимодействия является работа учреждений уголовно-исполнительной системы с розыскными или оперативными подразделениями территориальных органов в ходе производства первоначальных розыскных мероприятий в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания, а также получения информации по различным видам учетов.

Внешнее взаимодействие может быть обозначено следующими направлениями:

1) взаимодействие с организациями здравоохранения, связанное с медицинским обслуживанием осужденных, имеющих социально значимые заболевания, в соответствии со ст. 72.1 и 73 УК РФ;

2) взаимодействие, связанное с реализацией иных прав и обязанностей осужденных, имеющих социально значимые заболевания. Значимой является работа с военными комиссариатами по месту постоянной регистрации о постановке на учет осужденного, гражданина Российской Федерации призывного возраста. Содержание такого взаимодействия составляет информирование военных комиссариатов об исполнении наказания в отношении осужденных призывного возраста.

В рамках рассматриваемого направления осуществляется взаимодействие с религиозными организациями. В соответствии с ч. 4.1 ст. 14 УИК РФ в целях обеспечения свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в учреждениях, исполняющих уголовное наказание, ФСИН России заключает с зарегистрированными в установленном порядке централизованными религиозными организациями соглашения о взаимодействии. Территориальные органы уголовно-исполнительной системы в соответствии с указанными соглашениями вправе по согласованию с ФСИН России заключать соответствующие соглашения. Такое взаимодействие, с нашей точки зрения, может быть эффективно при работе с отдельными осужденными, имеющими социально значимые заболевания и желающими излечиться от них, поскольку экстремальная с психологической точки зрения ситуация,

связанная с возникновением или обострением социально значимых заболеваний, может быть отчасти купирована обращением осужденного к какой-либо религии. Данное обстоятельство может также помочь такому осужденному воздержаться от совершения противоправных действий.

Подводя итог, следует отметить, что проведенный анализ некоторых организаци-

онных и тактических сторон деятельности сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы представляет собой попытку сформировать систематизированные, научно обоснованные положения, связанные с методическим обеспечением исполнения наказания в отношении осужденных, имеющих социально значимые заболевания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ишков Ю. В., Карамышев С. Г. Актуальные проблемы медицинской безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2006. № 5 (34). С. 227.
2. О безопасности : федер. закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Упоров А. Г. Безопасность персонала учреждений уголовно-исполнительной системы и особенности ее правового регулирования // Вестник Кузбасского института. 2011. № 3 (6). С. 40–46.
4. Характеристика осужденных к лишению свободы, имеющих социально значимые заболевания : аналит. обзор. М., 2017. 44 с.

REFERENCES

1. Ishkov YU. V., Karamyshev S. G. Aktual'nye problemy medicinskoj bezopasnosti v uchrezhdeniyah ugovolno-ispolnitel'noj sistemy [Actual problems of medical safety in the institutions of the penal system]. Vestnik Astrahanskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta – Bulletin of Astrakhan State Technical University. 2006. Iss. 5 (34). P. 227. (In Russ.).
2. O bezopasnosti : feder. zakon ot 28.12.2010 № 390-FZ [On Security: Federal Law from 28.12.2010 No. 390-FL]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. Iss. 1. Art. 2. (In Russ.).
3. Uporov A. G. Bezopasnost' personala uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy i osobennosti ee pravovogo regulirovaniya [Security of personnel of institutions of the penal system and peculiarities of its legal regulation]. Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. Iss. 3 (6). P. 40–46. (In Russ.).
4. Harakteristika osuzhdennyh k lisheniyu svobody, imeyushchih social'no znachimye zabolevaniya : analit. obzor [Characteristics of those sentenced to deprivation of liberty with socially significant diseases : analytical overview]. Moscow, 2017. 44 p. (In Russ.).

УДК 343.82:281.93:94(470) “16–17”

Особенности заключения умалишенных преступников в России XVII–XVIII вв.

С. О. ШАЛЯПИН – заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации;

А. А. ПЛОТНИКОВ – профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент

Реферат

Исследование положения умалишенных преступников в России XVII в. представляет значительную трудность ввиду того, что специальные нормы права, регулирующие их статус, были приняты государством лишь в XVIII в. Законодательство более раннего периода, касавшееся данной категории лиц, носило фрагментарный характер, в связи с чем практика ограничения свободы правонарушителей с отклонениями психики может быть реконструирована лишь на основе анализа большого массива архивных источников, проливающих свет на формы и методы обращения с такими преступниками в судебных учреждениях (приказах) и монастырях. В статье делается попытка классификации отклонений психики, отраженных в судебно-следственных актах XVII в. Судебные инстанции того времени уже определяли возможность применения наказания в зависимости от тяжести психического состояния и наличия его обострения в момент совершения правонарушения. В целом

правовая практика допетровской России шла по пути максимального смягчения наказания умалишенным, вплоть до его полной отмены в некоторых случаях. Как правило, умалишенный не заточался в монастырь, если его поступки не содержали в себе признаков преступления или угрозы совершения такового.

Серьезные изменения в правовом поле произошли в XVIII в., когда законодательная деятельность государства стала открыто разрушать правовую автономию церкви, стремясь к абсолютному подчинению церковных институтов нуждам правительства. На протяжении первой половины XVIII в. между Синодом и карательными органами империи продолжался конфликт, связанный с тщетным стремлением церкви избавить монастыри от обязанности содержания ссыльных, в том числе умалишенных. Только в период правления Екатерины II правительством были приняты меры по созданию специальных учреждений для умалишенных и сохранению специальных отделений для них в нескольких монастырях.

Авторы приходят к следующим выводам:

- практика заключения умалишенных преступников в России до XVIII в. была слабо урегулирована правовыми средствами и формировалась опытным путем на основе совмещения института монастырской ссылки и покаяния с элементами ограниченной репрессивности государства;

- содержание умалишенных преступников в монастырях чаще всего было краткосрочным и включало обязательное «келейное правило», посещение богослужений, труд и ограничение свободы;

- в XVIII в. под влиянием государственного репрессивного законодательства заключение умалишенных преступников в монастырях подверглось обмирщению, сблизившись с формами тюремного заключения;

- эпоха Просвещения поставила перед правительством задачу освобождения институтов церкви от несвойственных ей функций, что позволило Синоду более успешно, чем ранее настаивать на постепенном освобождении монастырей от карательных функций, включая и содержание умалишенных правонарушителей.

Ключевые слова: церковно-пенитенциарная система; умалишенные преступники; Синод; Сенат; умалишенные в монастырях; российское законодательство об умалишенных XVII–XVIII вв.

Features of imprisonment of insane criminals in Russia in XVII–XVIII centuries

S. O. SHALYAPIN – Head of the Department of Theory and History of the State and Law of the Northern (Arctic) Federal M.V. Lomonosov University, PhD. in History, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation;

A. A. PLOTNIKOV – Professor of the Department of State Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor

Abstract

Investigation of the situation of insane criminals in Russia in XVII century represents a significant difficulty in view of the fact that the special rules of law regulating their status were adopted by the state only in the XVIII century. Legislation of the earlier period, related to this persons category, was fragmentary, and therefore the practice of restricting the freedom of offenders with mental disorders can be reconstructed only on the basis of an analysis of a large array of archival sources that shed light on the forms and methods of dealing with such criminals in judicial institutions (orders) and monasteries. The article makes an attempt to classify the deviations of the psyche, reflected in the forensic investigation papers of the XVII century. The courts of this time have already determined the possibility of applying punishment, depending on the severity of the mental state and the presence of its aggravation at the time of the offense. In general the legal practice of pre-Petrine Russia was on the path of maximum mitigation of punishment by the insane up to its complete abolition in some cases. As a rule, an insane was not imprisoned in a monastery, if his actions did not contain signs of a crime or a threat of committing such a crime.

Serious changes in the legal field occurred in the XVIII century, when the legislative activity of the state began to openly destroy the legal autonomy of the church, striving for the absolute subordination of church institutions to the needs of the government.

During the first half of the XVIII century between the Synod and the punitive organs of the empire there was a conflict, connected with the vain desire of the church to relieve the monasteries of the obligation to keep the exiles, including the insane. Only during the reign of Catherine II the government took measures to create special institutions for the insane and preserve special offices for them in several monasteries.

The authors come to the following conclusions:

- the practice of imprisoning insane criminals in Russia before the XVIII century was poorly regulated by legal means and was formed by experience on the basis of combining the institution of monastic exile and repentance with elements of limited repressiveness of the state;
- the safe-keeping of insane criminals in monasteries was most often short-term and included an obligatory «cell rule», visiting services, labor and restraining freedom;
- in the XVIII century under the influence of state repressive legislation the conclusion of insane criminals in monasteries was subjected to secularization, drawing closer to the forms of imprisonment;
- the Age of Enlightenment set the government the task of releasing the church institutions from its uncharacteristic functions, which enabled the Synod more successfully than before to insist on the gradual liberation of monasteries from punitive functions, including the maintenance of insane criminals.

Key words: church-penal system; insane criminals; Synod; Senate; insanes in monasteries; russian legislation on insanes in XVII – XVIII centuries.

Отечественное законодательство довольно поздно обзавелось нормами, учитывающими особый психический статус субъектов правоотношений, что сильно затрудняет исследование истории правового регулирования в российском праве вопросов, касающихся наказания умалишенных. Даже исследователи, условно выделяющие ранние (до XVIII в.) этапы развития русского законодательства о душевнобольных [4, с. 13; 26, с. 14], фактически признают, что «все указы и указы до издания Уложения царя Алексея Михайловича не закрепляли вопросов, связанных ни с регламентацией правового статуса душевнобольных, ни с призранием» [27, с. 12]. Да и акты второй половины XVII столетия не дают сколько-нибудь четкого представления относительно мнения законодателя о данной категории лиц, их специфическом статусе и особой роли в случае привлечения их к суду и наказанию. Между тем широко известно, что такие преступники, как умалишенные, не совершавшие очевидного преступления, но представлявшие угрозу общественному порядку и спокойствию, со времен Средневековья помещались в заключение в монастыри. Как отмечал И. В. Константиновский, «христианство в средние века, проводя идеи человеколюбия и благотворительности, способствовало... заведению убежища для помешанных в монастырях... от которых общество желало избавиться не потому, что они были только помешанные, но потому, что они были опасны и неудобны для домашней жизни...» [4, с. 7]. В силу специфики средневековой церковно-пенитенциарной системы в это время и известной автоно-

мии церковного права вплоть до секулярных реформ XVIII в. институт монастырского заточения умалишенных практически не нашел отражения в законодательных актах допетровского периода, что предопределило хронологические рамки большинства работ, рассматривавших данную проблему. Наиболее значительный вклад в историографию вопроса внесли дореволюционные работы И. В. Константиновского [4, с. 19–29], П. В. Верховского [1, с. 332–335] и В. Ивановского [3, с. 101–107], хотя и не посвященные обозначенной проблеме специально, но содержащие качественный ее историко-правовой обзор начиная с рубежа XVII–XVIII столетий. Кроме того, в приложении к очерку И. В. Константиновского были напечатаны выдержки из важнейших законодательных актов за два столетия о статусе умалишенных. Сами законодательные акты были опубликованы в Полном собрании законов Российской империи и дополнены позже документами синодального архива, вошедшими в Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Обширный и незаслуженно мало используемый ныне исследователями архивный материал, содержащий большое количество судебных-следственных актов XVII в. по делам о «слове и деле», в том числе с участием умалишенных, собран и опубликован Н. Я. Новомбергским [7]. В новейшей историографии данная проблема рассматривалась в весьма интересных статьях С. Ю. Смагиной [23; 24] и в диссертации В. Э. Шунк [26], которая, впрочем, в интересующей нас части почти полностью повторяет материалы

И. В. Константиновского. В настоящей публикации хотелось бы не только углубить уже сложившиеся представления об отечественном законодательстве XVIII в. относительно изоляции умалишенных преступников, но и ввести в научный оборот данные о формах и методах пенитенциарного воздействия на них, продемонстрировав известную преемственность, присущую российской правовой системе в регулировании данного вопроса.

Все попытки отыскать в раннем российском законодательстве следы системного регулирования статуса умалишенных и сделать вывод о «высоком для того времени уровне развития психиатрических мероприятий» [26, с. 16], по всей видимости, обречены на неуспех. Бытующее в научной литературе мнение о якобы имевшем место на Стоглавом Соборе 1551 г. обсуждении вопроса о содержании в монастырях сумасшедших и принятии особой нормы, регламентирующей порядок заточения «одержимых бесом и лишенных разума», не находит подтверждения в тексте самого Стоглава. Обоснованно мнение по этому поводу В. В. Лощинкина, замечая, что ссылка ряда авторов на гл. 93 Стоглава не корректна, так как в ней речь идет о запрете языческих «еллинских беснований», не связанных с состоянием помешательства их участников [6, с. 66]. Вместе с тем косвенное упоминание об умалишенных нарушителях норм церковного права содержится в вопросе 21 гл. 41, посвященном действиям «богомерзких бесовских прелестников»: «Да по погостом и по селом и по волостем ходят лживые пророки... наги и босы, и волосы отрастив и распустя, трясутся и убиваются...» [22, с. 308]. Стоглав предписывал христианам изгонять таковых «лживых пророков» из своих домов, но о каких-то иных, более строгих мерах умалчивал, полагаясь на усмотрение царской власти. Даже с учетом широкого распространения на Руси феномена добровольного юродства («Христа ради») [5, с. 95] трудно представить, чтобы среди описанных «бесовских прелестников» не встречались лица, страдающие психической патологией, которых среди юродствующих было достаточное количество. Предписание Стоглава об удалении таких лиц продиктовано не столько представлением об опасности их поведения с правовой точки зрения, сколько мерами, предпринимаемыми в рамках ограждения христианского общества от суеверий, языческих и еретических проявлений.

Важно понять, выделял ли вообще законодатель, судья, чиновник, церковный иерарх позднего Средневековья категорию «умалишенный» и, если выделял, какое юридическое содержание в нее вкладывал, с какими иными категориями сопоставлял? Ответ на этот вопрос можно найти в юридической практике XVII столетия, отразившейся в сохранившихся актах. Судя по всему, универсального термина, обозначающего юридически значимое психическое отклонение, в тот период не существовало. Анализ актового материала показывает, что наиболее общим термином можно признать состояние «вне ума», поскольку данная характеристика охватывает весьма широкий круг ментальных проблем: от полной очевидной невменяемости до временного отсутствия воспоминаний о чем-либо, например вследствие сильного опьянения. Состояние безумия упоминается еще в Судебниках XV–XVI вв., но только в связи с утратой чужого товара или заемных денег [8, с. 355; 9, с. 259, 437, 533–534]. Примечательно, что такое обстоятельство, как безумие, соседствует в статьях судебников с состоянием опьянения, в котором товар может быть пропит, что лишней раз свидетельствует о близости обоих состояний с точки зрения законодателя. Обратившись же к практике XVII столетия, найдем многочисленные подтверждения такой точки зрения: в 1627 г. стрелец Денис Иванов ложно доносил на своего сослуживца немца фон-Любцова, оправдываясь позже: «а сказал де я то слово не целым разумом: во хмелю де ко мне приступает» [7, с. 353]. Так, в 1647 г., оправдываясь в произнесении «государева слова», рязанец Федот Васильев Короваев утверждал, что говорил «во пьянстве, вне ума своего, ничего не помня» [7, с. 373]; аналогично оправдывались и многие иные случайные возглагователи «слова и дела» того времени [7, с. 152, 210–211, 225, 266, 333, 400]. Невменяемость ложно произносивших «слово и дело» «пьяным обычаем» в итоге была фактически признана в ст. 14 гл. 2 Соборного уложения 1649 г. [10, с. 30], узаконившей ранее сложившуюся практику наказывать таких преступников лишь телесно, не применяя к ним более серьезных кар. Сходная логика признания неумышленности деяния, совершенного пьяным преступником «вне ума», легла и в основу боярского приговора 1625 г. о возмещении владельцам за их убитых крестьян и холопов, допуская, что убийство могло произойти «пьяным делом, а не умышленьем» [2, с. 123].

Иным проявлением состояния «вне ума», не нашедшим уже отражения в законодательстве, но нередко упоминаемым в следственных и судебных актах XVII в., можно признать временное «отступление ума» или «исступление ума». Так, в 1640 г. старец Борщевского Троицкого монастыря близ Воронежа Авраамий Родионов подал извет на старца Селиверста Романова «во отступлении ума своего», объясняя это высшей волей – «Бог разгневался, с ума своего сбрел» [7, с. 354–358]. Отнесение внезапного исчезновения рассудка к проявлению божественной воли было, по всей видимости, не только проявлением религиозного мировоззрения, но и достаточным оправданием противоправных действий, совершенных «вне ума». Например, сидевший в Воронежской тюрьме в 1645 г. сын боярский Осип Пикалов во время похода к реке за водой временно впал в безумие: «и надо мною... в тех местех учинилось посещение Божие, отбыл ума своего, и вопил по улицам, сказывал за собою... государево слово, не ведая ничего... И после того на 3-й день милость Божия учинилась надо мною... в разум пришел по прежнему, и я... государева слова за собою никакого не ведаю, говорил то во иступлении ума своего...» [7, с. 151–152]. Аналогичным образом описывал свое душевное состояние сосланный в 1671 г. в Спасо-Прилуцкий монастырь московский стрелец Сидор Васильев: «учинилося надо мною... волею Божиею умом рехнулся» (ОПИ ГИМ¹. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 3). Тщательному исследованию относительно здравости рассудка подвергались также лица, извещавшие о произошедших с ними божественных явлениях, что вполне вытекало из представления о состоянии «вне ума» как следствии проявления воли Божией. Так, в 1647 г. в Приказ сыскных дел был прислан пономарь Николаевского греческого монастыря в Москве, говоривший, что «было де ему извещение от Бога, явились ему ангелы и велели говорить П[атриарху] и б[оярам] о государственных великих делах, а П[атриарх] де бы о тех делах известил Г[осударя]; а будет де он, чернец, о том П[атриарху] и б[оярам] говорить не станет, и ему де от Бога быть в великом истязанье» [7, с. 187].

Периодически повторяющиеся состояния «вне ума» акты XVII столетия именуют «черной немощью» или «черным недугом». Лаконичность документов данной эпохи не позволяет точно идентифицировать такое

состояние с эпилепсией, как это принято в нашей литературе. Проявление болезни в виде припадков вынуждало следствие 1632 г. в Кромах выяснять относительно некоего Панки Бирбасова, «какое он про тебя, Г[осударь], непригожее слово, и где, и к какой мере говорил, и черною болезнью он болен-ли, и в немочи-ли он то непригожее слово говорил» [7, с. 332]. Понятно, что если бы выяснилось, что «непригожее слово» о государе было сказано не в припадке, то и выводы следствия были бы весьма суровы. Ссылка на «черный недуг» в делах о «слове и деле» почти гарантированно вела к скорому окончанию следствия и мягкому наказанию [7, с. 182–186], а порой и вовсе к освобождению от наказания, как это произошло с вышеупомянутым Бирбасовым [7, с. 333] и чернавским казаком Тихоном Степановым Пищулиным, у которого «черный недуг» проявился во время тюремного сидения. После челобитной на царское имя с жалобами на свое бедственное положение и болезнь Пищулин получил в марте 1646 г. указ: «...Мы В[еликий] Г[осударь] для блаженныя памяти отца нашего Г[осударя] тюремнаго сидельца Тихонка Пищулина пожаловали, велели его из тюрьмы выпустить без наказанья...» [7, с. 141].

Наличие или частота припадков «черной немощи» устанавливались путем опроса свидетелей. Так, в 1631 г. во время следствия о произнесении «непригожего слова» о государе костромским тюремным сидельцем Иваном Гавриловым Ерыкаловым свидетели давали противоречивые показания о его психическом состоянии: одни утверждали, что «черная де немочь на нем, Ивашке, бывает всегда», другие, что «почасту», третьи, что «дни по 2 и по 3» [7, с. 317–318]. Следственные акты XVII в. показывают, что в подобном случае следовало с возможной достоверностью убедиться, произошло ли правонарушение во время такого припадка или нет.

Постоянное состояние «вне ума», не проявляющееся в каких-либо опасных формах, а скорее напоминающее тихое помешательство, именуется в актах «простотой» или «малоумием». Так, в 1631 г. бродил по Москве и говорил «государево дело» крестьянин Заонежских погостов Дорофей Иванов, который до этого был выпущен из тюрьмы на поруки у себя на родине. Будучи взят к следствию в Разрядный приказ, Иванов был возвращен в Заонежье с грамотой воеводе Степану Тарбееву, «чтоб он тому мужику наказанья не чинил, потому что он прост, кабы

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея.

не в своем уме; а велел бы ему жить в той же волости, где он жил наперед сего, во крепостяньстве по прежнему» [7, с. 325].

Наиболее опасным проявлением состояния «вне ума», известным по актам XVII столетия, можно признать «падучую болезнь», проявляющуюся в постоянном агрессивном поведении, весьма ярко описанном в челобитной кашинца Дементия Лазарева 1645 г. относительно некоего Мишки Хрисанки: «волею Божиею человекенко... мой... в уме порушился, и учал... животину бить и сечь, и людей драть во иступлении ума своего, и на лес бегал, и по многим деревням ходил, людям и всякому скоту всякие пакости чинил, и я... на чепь и в железа сажал, и он чепь и железа переломал...» [7, с. 347]. В допросах и сам Мишка, и свидетели подтверждали, что «он, Мишка, по греху своему болен падучею болезнью, и в той болезни своей во исступленье ума своего учал бить людей и животину всякую» [7, с. 349], а оказавшись в тюрьме, «дуровал, кричал, говорил, завираючи, и метался на стену, и тюремных сидельцев и... целовальника и сторожа бил... и он, Мишка, сидя в особой тюрьме, чепь изломал, и стену у избы зубом изгрыз в пол бревна, и из тюрьмы кричал...» [7, с. 350].

Примечательно, что Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах 1669 г. вводят в юридический обиход новый термин для обозначения психических больных, который не встречается в известных нам правоприменительных актах, – «бесные». Составители данных статей ссылаются на византийский Закон градский как на источник норм, запрещающих привлекать «бесных» в качестве свидетелей в повальном обыске, и освобождающих их наряду с малолетними от смертной казни за убийство [11, с. 408, 423, 429]. По всей видимости, термин является переводным, заимствованным из Кормчей, и обозначает лиц, одержимых бесами, что, как мы видели выше, вовсе не являлось для людей XVII в. обязательным признаком психической болезни. Поэтому правоприменительные акты того времени крайне редко связывают нахождение подсудимых и осужденных «вне ума» с одержимостью бесами. Как справедливо полагал И. В. Константиновский, в средневековой России «страдающие помешательством, и известные на Западе под именем одержимых бесом, не подпали такой жестокой и незаслуженной ими каре, как то было на Западе: Россия не воздвигала костров для уничтожения больных (умалишенных, маньяков, безумных),

несмотря на то что власть и общество легко смотрели на лишение жизни в других случаях» [4, с. 18].

Выше уже говорилось, что реальное положение умалишенных правонарушителей XVII столетия практически невозможно реконструировать, опираясь лишь на отрывочное законодательство. Эту лауну помогают восполнить многочисленные правоприменительные акты, создающие достаточно полную картину сложившейся в ту эпоху в отношении умалишенных преступников практики. Справедливо мнение, что в большинстве случаев в это время умалишенные правонарушители направлялись для содержания в монастыри. Не вполне верно, однако, было бы считать, что монастыри выступали подобием лечебниц, в которые помещались любые психически нездоровые лица. Такие случаи имели место, но чаще всего умалишенный не заточался в монастырь, если его поступки не содержали в себе признаков преступления или угрозы совершения такового. Известны случаи передачи сумасбродов на поруки и попечение родственников, соседей, членов сельской общины. Заточение в монастырь предполагало наличие властного веления, которое исходило бы от государственной или церковной власти, оформлялось в форме указа и имело основанием опасность общественному порядку, безопасности, благочинию, исходившую от умалишенного.

Исследование монастырских архивов позволяет утверждать, что подавляющее большинство указов о монастырском заточении умалишенных исходило от царских или патриарших приказов. Однако в ряде случаев ссыльные могли направляться в монастыри и по воле местных церковных и светских властей, как, например, произошло с опасным безумцем унским крестьянином Иваном Евсеевым Коковиным, который за свои неистовства в 1672 г. был сослан в Антониево-Сийский монастырь по приказу двинского воеводы А. И. Нестерова (ГААО¹. Ф. 56. Оп. 1. Д. 37. Л. 11об.), или в 1687 г. со священником Никитой Протасовым, который был направлен в Павлов Обнорский, а затем в Корнилиев Комельский монастырь «под начало» Вологодским и Белозерским архиепископом Гавриилом «для исправления ума» (ГАВО². Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7519. Л. 8).

Причины, заставлявшие власти озадачиваться судьбой безумных преступников, могли быть чрезвычайно разнообразны: от

¹ Государственный архив Архангельской области.

² Государственный архив Вологодской области.

совершения последними тяжких уголовных и политических преступлений до беспокойства, причиняемого домочадцам опасным и буйным поведением помешанного, нарушающего общественное благочиние.

Архивные акты свидетельствуют, что заточение в монастыре нельзя однозначно рассматривать как альтернативу казни и тюрьме исключительно для представителей высших сословий, хотя такое его использование не исключалось, и привилегированные ссыльные имели некоторые преимущества. Так, заточенный в Кирилло-Белозерский монастырь в 1655 г. «во исступлении ума» стольник Г. Я. Милославский был окружен привезенными с собой домашними слугами (ОР РНБ¹. Ф. 532. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1566). Тем не менее в монастырских кельях оказывались безумные преступники самого разного происхождения. Боярин Семен Никитич Боборыкин, зарезавший «в исступлении ума» свою жену и крестового попа Александра, был сослан «под начал» в 1687 г. в Кирилло-Белозерский монастырь (РГАДА². Ф. 196. Оп. 2. Д. 119), а в следующем году переведен в Калязин монастырь (Архив СПб ИИ РАН³. Ф. 260. Д. 527), где и скончался около 1702 г. Непредумышленное убийство, совершенное в состоянии помешательства, могло быть наказано бессрочным тюремным заключением, заменяющим смертную казнь, как о том свидетельствовал в Костроме в 1631 г. Иван Ерыкалов: «посажен де он в тюрьму за свою вину, в том, что грехам своим немощен черною немощью и в немощи зарезал стрельца до смерти» [7, с. 319]. Монастырское «подначальство» за ту же вину могло ограничиться весьма непродолжительным сроком: в 1672–1676 гг. в Кирилло-Белозерском монастыре отбывал ссылку за убийство, совершенное «вне ума», некий Федор Григорьев Сомов, освобожденный менее чем через четыре года по царской грамоте (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 342, 388). Не только убийство, но и угроза его совершения помешанным могла стать причиной монастырского заточения: в 1656 г. в Кирилло-Белозерский монастырь был сослан сын стремянного конюха Ивана Муханова, доносившего патриарху Никону, что «сын де ево, Иванов, Степан умом рушится, и ево Ивана и жену ево, а свою мать, бранит всякою неподобною бранью, и хочет

убить до смерти, а людей ево бьет» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 167. Л. 1).

Государственные преступления безумцев, заключавшиеся в основном в произнесении «слова и дела», иных «непотребных слов» и подаче ложных доносов, наказывались весьма щадящими мерами ввиду очевидного психического состояния правонарушителей. Упомянувшийся выше Дорофей Иванов, слонявшийся по Москве и в безумии произносивший «государево дело», после неудачной попытки водворить его на родину, в Заонежье, был отправлен в 1631 г. в Кожеозерский монастырь «под начало» с указанием передать его «старцу добру», который бы «к правилу его понужал без лености». Предписание же об использовании ссыльного в монастырских работах учитывало, видимо, состояние здоровья умалишенного: «работу на него положили небольшую, в какой работе его мочно быть» [7, с. 326]. Монах Борщевского монастыря Авраамий, оправдывавший «отступлением ума своего» ложный донос на старца Селиверста, в 1641 г. был подвергнут в Воронеже пытке, после чего последовал царский указ: вместо смертной казни отослать его в Борщевский монастырь под начало, «чтобы он впредь так не плутал, никаких непристойных слов ни на кого не затевал» [7, с. 358]. Примечательно, что воронежские власти, не дожидаясь царского указа, получение которого заняло несколько месяцев, отпустили безумного доносчика из тюрьмы на поруки, видимо, не без оснований ожидая самого мягкого приговора верховной власти [7, с. 357–358].

Выдача умалишенных на поруки была явлением обычным даже в тех случаях, когда их поведение представлялось опасным, если поручитель имел возможность контролировать буйного помешанного. Так, сказавший в безумии «государево дело» Мишка Хрисанка был в Разрядном приказе в 1646 г. бит батогами и отдан Дементию Лазареву, который и раньше применял весьма жесткие меры, если умалишенный нарушал порядок и мог нанести себе вред. Еще в начале следствия Лазарев показывал, что во время буйства велел Мишку «посадить в Кашине в тюрьму, чтоб без людей в деловую пору напрасной смерти не принял, и в воде не утонул... и как деловая пора минула... из тюрьмы его вынял» [7, с. 347, 351].

Случаи безмерного пьянства клириков, представителей боярства, дворянства и служилых людей нередко рассматривались в плоскости помутнения рассудка. Так, в

¹ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.

² Российский государственный архив древних актов.

³ Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук.

1687 г. игумен Ферапонтова монастыря Варлаам «за пьянство и за непристойные ево слова» был сослан под начал в Спасо-Прилуцкий монастырь с предписанием приводить его к церковному пенению и следить «чтоб он во уме своем исправился» (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 7519. Л. 3). В 1676 г. помещик Федор Горсткин, «рехнувшись ума», видимо, также на почве пьянства мучил жену и детей, разорял обитателей собственного поместья, за что по царской грамоте был сослан в Кирилло-Белозерский монастырь на непродолжительное время (РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 94). Менее четырех лет провел по патриаршему указу в данном монастыре некий Борис Зайцев, «покамест он от безмерного своего пьянства во уме исправится» (ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 64. Л. 57–59). Даже признание в ложном объявлении себя умалишенным, если предполагаемый безумец отличался неумеренной зависимостью от хмельных напитков, не влекло автоматического освобождения от заточения. Так, в 1645 г. боярин Ф. И. Годунов в пьянстве «умом рушился», за что был приговорен в Стрелецком приказе к ссылке в Соловецкий монастырь. Бурный протест опального боярина, пытавшегося даже обвинить своего пристава, что тот намерен «едуци в Соловецкий монастырь, на море выкинуть его, Федора, из лодьи в море», и его признание «...оболгал я, х[олоп] т[вой], тебе Г[осударь], будто с ума сбрел» [7, с. 149] не возымели ожидаемого действия. Непокойный боярин был водворен в Соловецкий монастырь (ОР РНБ. Ф. 717. Ед. хр. 19/1478. Л. 11), а затем переведен в Кирилло-Белозерский (РГАДА. Ф. 196. Оп. 2. Д. 29), из которого был освобожден и возвращен в Москву лишь через год. Случай с Ф. И. Годуновым примечателен также тем, что состояние помутнения рассудка из-за тяжелого пьянства как минимум дважды приводило его к заточению в монастырь: в 1645–1646 гг. он отбывал ссылку в Соловецком и Кирилло-Белозерском монастырях, а в 1650–1651 гг. – повторно в Кирилло-Белозерском монастыре (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 260. Д. 115, 120). Вопиющий пример помутнения рассудка в пьянстве представлен в деле 1695 г. о ссылке в данный монастырь Ферапонтовского игумена Филиппа, который на пути в свой монастырь «на Бородавском озере ума изступя из саней вышел, оставя слуг и лошадей ушел в лес, и в лесу нощию бродил в одной свитке и рясу с себя скинув, и слуги сыскав ево игумена на другой день привезли в монастырь», а в обители он же избивал братию, так что некоторые монахи от

него прятались (ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 9790. Л. 1–5). Можно уверенно говорить, что борьба с пьянством и совершаемыми в опьянении преступлениями в XVII в. теснейшим образом переплеталась с мерами воздействия на умалишенных преступников. Проступки и преступления, совершаемые в опьянении, зачастую рассматривались так же, как и деяния, совершенные «вне ума», а меры церковно-пенитенциарного воздействия на истинных безумцев и пьяниц были практически идентичны.

Пребывание умалишенных преступников в монастыре предопределялось указом о ссылке, который направлялся вместе с «подначальным». Монастырское начальство было в состоянии внести в этот режим лишь незначительные коррективы по своему усмотрению. Можно выделить три основных режима пребывания душевнобольных преступников в монастыре: в числе братии, в трудах (в хлебне и в поварне) и в железгах в келье (темнице). Эти режимы мало отличались от условий пребывания иных монастырских ссыльных. Во всех случаях ссыльному назначался «начальный старец», руководивший всеми сторонами жизни «подначального», определялось обязательное «келейное правило» и участие в монастырских богослужениях. По всей видимости, именно богослужения и строгий монашеский образ жизни воспринимались как путь исцеления от душевного недуга. Некоторые ссыльные, ощущая мягкость отношения к ним монастырских властей, могли и в ссылке проявить буйство и даже совершить новые преступления. Так, содержащийся в 1636–1650 гг. в Антониево-Сийском монастыре старец Александр Голубовский, который «ума иступился и говорил нелепые слова», время от времени впадал в ссылку в исступление: бил монахов, гонялся с топором за служками, грозил братии неведомыми карами [25, с. 352, 354]. Содержавшийся в том же монастыре более 11 лет «полоумный» Иаков Баев в 1679 г. убил монастырского службника Ивана Леонтиева (ГААО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 36. Л. 313–313об.). В подобных случаях применялись меры монастырского «смирения» – телесные наказания, наложение оков, строгая изоляция в келье.

В случае необходимости церковного покаяния ссыльного, которое умалишенным было недоступно с точки зрения канонического права, в качестве желательного шага в момент прояснения рассудка рассматривался постриг в монахи: беглого подьячего Павлина Давыдова, присланного «вне ума»

в Сийский монастырь в августе 1645 г., в декабре того же года по царской грамоте постригли в монахи, как только он «во уме исправился». При этом принятие пострига не означало окончания ссылки – ссыльный монах остался под строгим надзором (ГААО. Ф. 56. Оп. 1. Д. 35. Л. 410об., 414об., 436об.–437). Также постриг умалишенного, заточенного в монастырь, был возможен при его смертельной болезни, как о том ходатайствовал в 1650 г. перед патриархом Иосифом Михаил Чуровской, сообщавший, что его брат Матвей, сосланный в безумии в Кирилло-Белозерский монастырь, ныне лежит при смерти и желает принять монашеский постриг. Патриарх дал разрешение на такой постриг, если сам Матвей выразит желание (ОПИ ГИМ. Ф. 226. Ед. хр. 13. Л. 21).

Документы XVII в. часто представляют узников, сосланных за инакомыслие, помещенными. Примеров этому можно найти достаточно. Так, в 1632 г. поп нижегородского Воскресенского монастыря Иван Неронов (будущий идеолог старообрядчества) отправился в ссылку в Николо-Корельский монастырь за то, что «в людех многую смуту чинил и людей учил... и вещенником лял и еретиками называл» (Архив СПб ИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. Д. 240. Л. 32). Патриаршие дьяки в указе о ссылке не преминули отметить, что Иван «во иступлении ума бысть и ныне не в совершенном разуме» (Архив СПб ИИ РАН. Колл. 12. Оп. 2. Д. 240. Л. 32). В 1636 г. по царскому указу был сослан в Сийский монастырь старец Александр Голубовский, который «ума иступился и говорит нелепые слова». Безумному старцу было категорически запрещено покидать обитель и что-либо писать, в связи с чем не разрешалось давать ему бумагу и чернила [25, с. 348]. В 1660 г. черный поп костромского Никольского монастыря Никон был судим и приговорен к ссылке в Кожеозерский монастырь за раскольничье высказывание в отношении новоисправленных церковных книг. В царской же грамоте, посланной в данную обитель, суть проступка ссыльного не раскрывалась, но предписывалось «держатъ под крепким началом покаместа он будет в совершенном разуме и никою к нему припускать и говорить ни с кем ничего не велел» (РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 161. Л. 1, 3).

Освобождение умалишенного преступника из монастыря чаще всего происходило по его челобитной или обращению ближайших родственников ссыльного (ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 67. Л. 14–17). Вернувшись в разум, монастырские «подначальные» стре-

мились не медлить с просьбой об освобождении, адресованной в те инстанции, которые препроводили их в ссылку. Так, в 1671 г. московский стрелец Сидор Васильев писал на царское имя из Спасо-Прилуцкого монастыря, что «милостию всемилостиваго Спаса и молитвами преподобных отца Дмитрия и благоверного князя Игнатия стал в старом своем уме в целости» (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 3), а в 1679 г. драгун Тихон Иванов из того же монастыря бил челом, что он «в совершенство разума пришел» (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 6об.). Челобитная, отправляемая в Москву, требовала подтвердительной грамоты монастырских властей, которая удостоверяла бы достаточную степень здравомыслия челобитчика (ОПИ ГИМ. Ф. 61. Ед. хр. 148. Л. 6) и извещала, что «ныне он в целости ума, никакова сумобродства за ним нет» (ОПИ ГИМ. Ф. 484. Ед. хр. 68. Л. 25).

Анализ обширного актового материала, раскрывающего практику содержания умалишенных преступников в монастырях в XVII столетии, позволяет установить, что судебные инстанции (как церковные, так и государственные) того времени уже ставили возможность применения того или иного наказания в зависимости от тяжести психического состояния и наличия его обострения в момент совершения правонарушения. В целом правовая практика допетровской России шла по пути смягчения наказания умалишенным, вплоть до его полной отмены в некоторых случаях. Сама практика замены жесткого уголовного наказания, предусмотренного законом, заточением в монастырь уже свидетельствует о стремлении вывести умалишенных преступников из-под прямого действия уголовно-карательных мер.

Церковно-пенитенциарная система, сложившаяся в России еще в средневековый период, продолжала развиваться и в секулярную эпоху XVIII столетия. Более того, под влиянием всепроникающих идей европейского легизма практика монастырского заточения, фактически имевшая самое широкое распространение, но почти не закреплённая нормативно, оказалась в XVIII в. в центре конфликта высших государственных и церковных органов, стремившихся на протяжении многих десятилетий найти приемлемые формы ее законодательной регламентации при осознании сомнительности такой регламентации с точки зрения канонического права. Как писал В. Ивановский, «еще страннее и необъяснимее с точки зрения канонических принципов являются те

постановления Петровского и следующих за ним законодательств, которые делают монастыри местом ссылки всевозможных преступников» [3, с. 101]. Одной из проблем, связанных с функционированием церковно-пенитенциарной системы, оказавшихся в центре внимания властей того времени, была проблема содержания умалишенных преступников под надзором в монастырях, решавшаяся в контексте более широкого вопроса о возможности помещения в обители всех сумасшедших, не находящихся на попечении у родственников. Обширная переписка Синода с Сенатом, Тайной канцелярией и коллегиями по этому поводу, как и немалое число распоряжений высших государственных инстанций XVIII в. по вопросам содержания умалишенных в монастырях, изучена далеко не полно. Проблема необходимости и возможности заточения умалишенных преступников в православные монастыри в XVIII в. была одним из камней преткновения в отношениях между государственными органами и иерархами Синода, которых сложно было заподозрить в нелояльности к существующей власти, но которые, тем не менее, проявляли редкую настойчивость в попытках избавить монашеские обители от необходимости содержать «изумленных» правонарушителей. Однако законодательная активность Петра I по вопросу о призрании умалишенных вообще и содержании умалишенных преступников в частности была крайне противоречива: с одной стороны, при нем готовился указ об открытии специальных лечебниц для убогих, с другой – неуклонно расширялась практика использования монашеских обителей для решения различных государственных задач: от призрания солдат-инвалидов до помещения умалишенных, несовершеннолетних, престарелых и прочих преступников.

Борьба, разгоревшаяся вокруг этой проблемы, отразилась в комплексе законодательных и распорядительных актов XVIII столетия. Очевидно, первые распоряжения о массовой монастырской ссылке престарелых, увечных и «изумленных» преступников исходили от Петра I, на что прямо ссылается императрица Екатерина I в своем указе от 15 марта 1727 г. [12, с. 761]. Однако Синод в противовес царским распоряжениям исполнял с 1723 г. некий указ, записанный «по словесному объявлению от членов того Синода» Феодосия Яновского, Феофана Прокоповича и Феофилакта Лопатинского, прекращающий прием в духовное ведомство для рассылки по монастырям преступников из Преображенской канцелярии и прочих

судебно-карательных органов империи, в котором говорилось, что Петр Великий, «будучи в саду Ея Величества... рассуждая о сумазбродных и под видом изумления бываемых, каковые наперед сего, аки бы для исцеления и воумления, посылались во монастыри, таковых отныне посылать в монастыри отрек» [15, с. 149]. В 1726 г. Синод резко отреагировал на сенатское распоряжение о ссылке в Иверский монастырь дворянина Дмитрия Молостова за некое непотребное письмо к Казанскому митрополиту. При этом иерархи ссылались на отсутствие возможности надлежащим образом следить за ссылкой и на то, что «быть такому подозрительному человеку во оном монастыре не надлежит, дабы между братиею какого соблазна и протчих потребностей не произошло» [16, с. 372–373]. В итоге весьма острой переписки с сенаторами Синод согласился отослать Молостова в Троице-Сергиев монастырь в «крепкую келью, именуемую Максимовская», но принципиально своей позиции не поменял. Для того чтобы заставить синодалов принимать умалишенных преступников в монастыри, понадобился вышеупомянутый именной указ Сенату из Верховного тайного совета 1727 г.

Но пассивное сопротивление Синода недавно узаконенной практике помещения сумасшедших преступников в обители не прекратилось. Так, в феврале 1728 г. в высшем церковном учреждении отказались принимать из Преображенского приказа «изумленных» преступников Пантелея Ключева и Якова Иванова, ссылаясь на отсутствие средств, подвод и караульных для доставки ссылкой в монастыри Белгородской епархии и тонко намекнув Преображенскому приказу, что в указе 1727 г. велено ссылать сумасшедших преступников напрямую в монастыри, а не переправлять их в Синод [17, с. 125–127]. В том же году Синод еще дважды отказывал Преображенскому приказу в приеме умалишенных ссылкой [17, с. 113–114, 266–267]. Невзирая на упорство церковных властей, государственные органы стремились расширить практику монастырской ссылки не только «изумленных» преступников, но и просто умалишенных, представлявших опасность для окружающих или оказавшихся без надлежащей опеки родных. Как справедливо заметил П. В. Верховской, «приноровившись к тому, что очень удобным во многих отношениях местом заключения важных политических преступников и сумасшедших могут служить монастыри, правительство уже и не думало о построении для них особых домов и тюрем» [1, с. 333].

Стремясь остановить поток сумасшедших ссыльных в обители, в марте 1735 г. Синод готовился подать императрице Анне Иоанновне доклад, в котором указывал на вопиющий случай гибели по недосмотру в Симоновом монастыре умалишенного Даниила Ширяева. Однако разговор Феофана Прокоповича с главой Канцелярии тайных розыскных дел А. И. Ушаковым остановил уже подготовленную бумагу. При этом сам Феофан предложил отвести специально для умалишенных один монастырь – Александро-Свирский [1, с. 333]. Тем временем сама канцелярия обратила внимание императрицы на содержащихся в ее застенках пятерых сошедших с ума колодников. И 6 сентября 1735 г. Анна Иоанновна не только решила судьбу этих пятерых, но и установила порядок действий Канцелярии и Синода в подобных ситуациях: «...ежели по делам Тайной канцелярии случаются поврежденные в уме... которым, по надлежащем в Тайной канцелярии наказании, свободы дать не можно, для отсылки ж в монастыри отсылать их в Синод же» [14, с. 575]. Синодалы вынуждены были согласиться с указом самодержицы, приняв рассылку и содержание умалишенных колодников на счет духовного ведомства [18, с. 150–153]. Право Тайной канцелярии ссылать безумных преступников мужского и женского пола в монастыри было вторично подтверждено и резолюцией императрицы от 5 апреля 1738 г. [13, с. 768].

Деятельную попытку избавить монастыри от тяжелой обязанности содержать умалишенных преступников предпринял Синод в начале царствования Елизаветы Петровны, которая, как известно, благосклонно относилась к мнениям архиереев Синода. В 1742 г. ростовский митрополит Арсений Мацеевич отослал обратно в Синод служанку баронессы Шафировой Анну Филиппову, к которой в монастырской ссылке вернулся рассудок [20, с. 303–304], а в 1743 г. категорически отказался принять в один из монастырей своей епархии присланного из Тайной канцелярии умалишенного преступника Ивана Крылова, отослав в Синод весьма откровенное обоснование своего отказа: «де монастыри устроены и снабжены награждением для пребывания богоугодного честных и беспорочных и не подозрительных лиц, вечного спасения желающих... а не для содержания сумасбродов, воров и смертных убийц, колодников, для которых де довольно есть устроенных по их заслугам острогов, тюрем и арестантских изб для содержания и хранения их в светской команде» [20, с. 358]. Очевидно, настроение Арсения раз-

деляли и другие архиереи, что проявилось в энергичных попытках Синода избавиться от обязанности принимать в обители колодников. Вскоре данный орган отказался принимать колодников в Александро-Невский монастырь, ссылаясь на отсутствие у него хорошей ограды и частое его посещение знатными особами [20, с. 353–354]. Позже, отвечая на требование Берг-коллегии принять в один из монастырей Тобольской епархии умалишенного крестьянина Зота Куликова и каторжанина Карпа Пузанова, Синод заявил: «чтоб смертных убийцев и каторжных невольников, кои явятся во изумлении, в монастыри принимать, указов Святейший Синод не имеет» [20, с. 447–452]. Описанный выше несчастный случай с безумным крестьянином Даниилом Ширяевым, содержавшимся в Симоновом монастыре, вновь стал поводом для обращения синодалов к императрице 23 сентября 1743 г. с просьбой окончательно прекратить отсылку умалишенных преступников в монастыри [20, с. 410–411]. Однако, по всей видимости, обращение не было удостоено высочайшего внимания. Практика монастырской ссылки «изумленных» преступников продолжилась. Синод в меру своих сил мог лишь пресекать некоторые случаи явного злоупотребления подобным наказанием со стороны органов государства. Так, 4 апреля 1744 г. Синод оспорил сенатский указ, предписывающий массовую ссылку в монастыри лиц, обвиняемых в «богопротивных сборищах и ложных учениях», на том основании, что «таковых злодеев за опасность от побегу в монастырях содержать... никак не надежно и не кем» [21, с. 60–61]; 11 мая 1744 г. отказался принять в монастырь умалишенного Федора Паршина, вина которого в каком-либо преступлении Тайной канцелярией доказана не была, порекомендовав определить его в угличский смиренный дом [21, с. 99]; 22 августа того же года по просьбе Арсения Мацеевича настаивал на немедленном изъятии из монастыря и переводе в провинциальную канцелярию пришедшего в разум колодника Ивана Крылова [21, с. 192–193].

Период екатерининских реформ 60–80-х гг. XVIII в. внес в практику монастырской ссылки в России принципиально новые черты. Законодательство этого периода стремится заново наметить стертую ранее грань, отделявшую сферу светской юрисдикции и светских наказаний от области церковной. В полной мере эта тенденция коснулась и вопроса о содержании умалишенных колодников в обителях. Еще в правление Петра

III принимается решение о необходимости строительства для содержания умалишенных дольгауза по европейскому образцу. В декабре 1762 г. Екатерина II принимает решение до возведения дольгауза размещать сумасшедших в двух специально отведенных для этого обителях – Новгородском Зеленецком и Московском Андреевском монастырях [19, с. 75–76], переданных в ведение Синодального экономического правления. 6 ноября 1766 г. в Синоде оглашается высочайшее повеление «о переведении сосланных из бывшей Тайной Канцелярии, для исправления в уме, в разные монастыри колодников... для лучшего за ними присмотра, Суздальской епархии в Спасо-Евфимиев монастырь» [19, с. 379–380]. Так началась история специального тюремного отделения для умалишенных, просуществовавшего еще более века. Однако использовать действующие монастыри в качестве своеобразных домов умалишенных Синод категорически отказался. В 1768 г. он отказал сибирскому губернатору Чичерину в его просьбе о размещении умалишенных в сибирских обителях, рекомендовав ему для та-

ких целей использовать один из упраздненных монастырей [19, с. 522–524]. Открытие в губерниях с 1775 г. приказов общественного призрения перевело вопрос содержания умалишенных в принципиально новую плоскость. Отныне монастыри более не рассматривались как учреждения, подходящие для пребывания сумасшедших преступников. И хотя отдельные случаи заточения в монастыри с согласия Синода еще отмечались (дело капитана Ефимовича 1775 г.), постепенно подобная практика прекратилась. Уже в 1777 г. синодалы на запрос Адмиралтейской коллегии о заточении в монастырь комиссара Ефимова, в безумии исколовшего матроса кортиком, кратко ответили, что Синод не принимает безумцев. Эпоха Просвещения изменила взгляды законодателя и чиновника не только на личность умалишенного, но и на место церковных институтов в регулировании общественных отношений. В конце XVIII в. процесс поглощения церковной юрисдикции светским законодательством логически привел государство к отказу от поддержания в неизменном виде церковно-пенитенциарной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Верховской П. В. Населенные недвижимые имения Св. Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб., 1909. 345 с.
2. Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века : тексты. Л., 1986. 264 с.
3. Ивановский В. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей (опыт историко-канонического исследования). Харьков, 1905. 174 с.
4. Константиновский И. В. Русское законодательство об умалишенных, его история и сравнение с иностранными законодательствами. СПб., 1887. 285 с.
5. Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976. 204 с.
6. Лоцинкин В. В. Становление и развитие российского уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых в отношении психически больных лиц, совершивших общественно опасные деяния в дореволюционной России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2012. № 3 (5). С. 65–71.
7. Новомбергский Н. Я. Слово и дело Государевы (процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. 593 с.
8. Памятники русского права. Вып. 3. Памятники права периода образования Русского централизованного государства XIV–XV вв. М., 1955. 528 с.
9. Памятники русского права. Вып. 4. Памятники права периода укрепления Русского централизованного государства XV–XVII вв. М., 1956. 632 с.
10. Памятники русского права. Вып. 6. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. М., 1957. 504 с.
11. Памятники русского права. Вып. 7. Памятники права периода создания абсолютной монархии. Вторая половина XVII вв. М., 1963. 510 с.
12. Полное собрание законов Российской империи (или ПСЗ-1). СПб., 1830. Т. 7. 925 с.
13. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 9. 1025 с.
14. ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 10. 997 с.
15. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи (или ПСПиР). Т. 3. СПб., 1875. 260 с.
16. ПСПиР. Т. 5. СПб., 1881. 606 с.
17. ПСПиР. Т. 6. СПб., 1889. 457 с.
18. ПСПиР. Т. 9. СПб., 1905. 628 с.
19. ПСПиР: Царствование государыни императрицы Екатерины II. СПб., 1910. Т. 1. 831 с.
20. ПСПиР: Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1899. Т. 1. 536 с.
21. ПСПиР: Царствование государыни императрицы Елисаветы Петровны. СПб., 1907. Т. 2. 476 с.
22. Российское законодательство X–XX веков : в 9 т. М., 1985. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. 520 с.
23. Смагина С. Навязчивые идеи XVIII века // Новый журнал. 1998. № 1. С. 145–154.
24. Смагина С. Ю. Переписка Сената, Синода и Тайной канцелярии о призрении сумасшедших в XVIII веке // Печать и слово Санкт-Петербурга. (Петербургские чтения – 2012) : в 2 ч. : сб. науч. тр. СПб., 2013. Ч. 1. С. 201–208.
25. Страничка из прошлого Антониево-Сийского монастыря (по неизданным документам из архива Сийского монастыря) // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1913. № 8. С. 346–355.
26. Шунк В. Э. Российское законодательство XVIII–XX веков о душевнобольных (историко-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 188 с.

27. Шунк В. Э. Российское законодательство XVIII–XX веков о душевнобольных (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 30 с.

REFERENCES

1. Verhovskoj P. V. Naselennye nedvizhimye imeniya Sv. Sinoda, arhiereskikh domov i monastyrej pri blizhajshih preemnikah Petra Velikogo [The inhabited real estate of the Holy Synod, the bishops' houses and monasteries with the immediate successors of Peter the Great]. St. Petersburg, 1909. 345 p. (In Russ.).
2. Zakonodatel'nye akty Russkogo gosudarstva vtoroj poloviny XVI – pervoj poloviny XVII veka : teksty [Legislative acts of the Russian state of the second half of the 16th – first half of the 17th century : texts]. Leningrad, 1986. 264 p. (In Russ.).
3. Ivanovskij V. Russkoe zakonodatel'stvo XVIII i XIX vv. v svoih postanovleniyah otnositel'no monashestvuyushchih lic i monastyrej (opyt istoriko-kanonicheskogo issledovaniya) [Russian legislation of the XVIII and XIX centuries in their decisions on monastic persons and monasteries (the experience of historical canonical research)]. Kharkov, 1905. 174 p. (In Russ.).
4. Konstantinovskij I. V. Russkoe zakonodatel'stvo ob umalishennyh, ego istoriya i sravnenie s inostrannymi zakonodatel'stvami [Russian legislation on the insane, its history and comparison with foreign laws]. St. Petersburg, 1887. 285 p. (In Russ.).
5. Lihachev D. S., Panchenko A. M. «Smekhovoj mir» Drevnej Rusi [«Laughing world» of Ancient Russia]. Leningrad, 1976. 204 p. (In Russ.).
6. Loshchinkin V. V. Stanovlenie i razvitie rossijskogo ugolovnogogo zakonodatel'stva o prinuditel'nyh merah medicinskogo haraktera, primenyaemyh v otnoshenii psichicheski bol'nyh lic, sovershivshih obshchestvenno opasnye deyaniya v dorevolucionnoj Rossii [Formation and development of the Russian criminal law on compulsory medical measures applied to mentally ill persons who committed socially dangerous acts in pre-revolutionary Russia]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law. 2012. Iss. 3 (5). P. 65–71. (In Russ.).
7. Novombergskij N. YA. Slovo i delo Gosudarevy (processy do izdaniya Ulozheniya Alekseya Mihajlovicha 1649 goda) [The word and deed of the Sovereign (the processes before the publication of the Code of Alexei Mikhailovich of 1649)]. Moscow, 1911. Vol. 1. 593 p. (In Russ.).
8. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 3. Pamyatniki prava perioda obrazovaniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XIV–XV vv. [Monuments of Russian law. Iss. 3. Monuments of the law of the period of the formation of the Russian centralized state XIV–XV centuries]. Moscow, 1955. 528 p. (In Russ.).
9. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 4. Pamyatniki prava perioda ukrepleniya Russkogo centralizovannogo gosudarstva XV–XVII vv. [Monuments of Russian law. Iss. 4. Monuments of law of the period of strengthening of the Russian centralized state of the XV–XVII centuries]. Moscow, 1956. 632 p. (In Russ.).
10. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 6. Sobornoe ulozhenie carya Alekseya Mihajlovicha 1649 g. [Monuments of Russian law. Iss. 6. The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich 1649]. Moscow, 1957. 504 p. (In Russ.).
11. Pamyatniki russkogo prava. Vyp. 7. Pamyatniki prava perioda sozdaniya absolyutnoj monarhii. Vtoraya polovina XVII w. [Monuments of Russian law. Iss. 7. Monuments of the law of the period of the creation of an absolute monarchy. Second half of the XVII centuries]. Moscow, 1963. 510 p. (In Russ.).
12. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (ili PSZ-1) [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. 7. 925 p. (In Russ.).
13. PSZ-1 [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. 9. 1025 p. (In Russ.).
14. PSZ-1 [Complete collection of laws of the Russian Empire]. St. Petersburg, 1830. Vol. 10. 997 p. (In Russ.).
15. Polnoe sobranie postanovlenij i rasporyazhenij po vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya Rossijskoj imperii (ili PSpIR). T. 3. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 3]. St. Petersburg, 1875. 260 p. (In Russ.).
16. PSpIR. T. 5. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 5]. St. Petersburg, 1881. 606 p. (In Russ.).
17. PSpIR. T. 6. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 6]. St. Petersburg, 1889. 457 p. (In Russ.).
18. PSpIR. T. 9. [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire. Vol. 9]. St. Petersburg, 1905. 628 p. (In Russ.).
19. PSpIR: Carstvovanie gosudaryni imperatricy Ekateriny II [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire: The reign of Empress Catherine II]. St. Petersburg, 1910. Vol. 1. 831 p. (In Russ.).
20. PSpIR: Carstvovanie gosudaryni imperatricy Elisavety Petrovny [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire: The reign of Empress Elizabeth Petrovna]. St. Petersburg, 1899. Vol. 1. 536 p. (In Russ.).
21. PSpIR: Carstvovanie gosudaryni imperatricy Elisavety Petrovny [Complete collection of resolutions and orders on the department of the Orthodox confession of the Russian Empire: The reign of Empress Elizabeth Petrovna]. St. Petersburg, 1907. Vol. 2. 476 p. (In Russ.).
22. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov : v 9 t. [Russian legislation of the 10th–20th centuries : in 9 vol.]. Moscow, 1985. Vol. 2. Legislation of the period of formation and strengthening of the Russian centralized state. 520 p. (In Russ.).
23. Smagina S. Navyazchivye idei XVIII veka [Obsessions of the XVIII century]. Novyj zhurnal – New magazine. 1998. Iss. 1. P. 145–154. (In Russ.).
24. Smagina S. YU. Peregiska Senata, Sinoda i Tajnoj kancelyarii o prizrenii sumasshedshih v XVIII veke [Correspondence between the Senate, the Synod and the Secret Chancery on the Charity of the Madmen in the 18th Century]. Pechat' i slovo Sankt-Peterburga. (Peterburgskie chteniya – 2012) : v 2 ch. : sb. nauch. tr. – The seal and the word of St. Petersburg. (Peterburg Readings – 2012) : in two parts : collection of scientific papers. St. Petersburg, 2013. Part 2. P. 201–208. (In Russ.).
25. Stranichka iz proshlogo Antonievo-Sijskogo monastyrya (po neizdannym dokumentam iz arhiva Sijskogo monastyrya) [A page from the past of the Antonievo-Siysky Monastery (from unreleased documents from the archive of the Siya Monastery)]. Izvestiya Arhangel'skogo obshchestva izucheniya Russkogo Severa – News of the Arkhangelsk Society for the Study of the Russian North. 1913. Iss. 8. P. 346–355. (In Russ.).
26. SHunk V. EH. Rossijskoe zakonodatel'stvo XVIII–XX vekov o dushevnobol'nyh (istoriko-pravovoj aspekt) : dis. ... kand. jurid. nauk [Russian legislation of the XVIII–XX centuries on the mentally ill (historical and legal aspect) : the diss. ... PhD. in Law]. Nizhny Novgorod, 2007. 188 p. (In Russ.).
27. SHunk V. EH. Rossijskoe zakonodatel'stvo XVIII–XX vekov o dushevnobol'nyh (istoriko-pravovoj aspekt) : avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk [Russian legislation of the XVIII–XX centuries on the mentally ill (historical and legal aspect) : author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Nizhny Novgorod, 2007. 30 p. (In Russ.).

К вопросу об установлении круга потерпевших при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа

Н. Д. РАТНИКОВА – заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса Воронежского аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук, доцент;

А. В. РАТНИКОВ – заместитель прокурора г. Нововоронежа Воронежской области

Реферат

В статье рассматриваются проблемные вопросы установления круга лиц, которые могут выступать потерпевшими при совершении посягательств на жизнь сотрудников правоохранительных органов. Система правоохранительных органов в целях обеспечения общественной безопасности и общественного порядка должна в полной мере защищать жизнь своих сотрудников, подверженных риску преступных посягательств в ходе обеспечения правопорядка.

Анализ диспозиции ст. 317 УК РФ приводит к выводу, что законодательная формулировка не в полной мере позволяет правильно устанавливать круг потерпевших и вследствие этого имеют место ошибки в уголовно-правовой оценке указанных деяний.

На основе действующих норм уголовного законодательства и правоприменительной практики по делам о совершении посягательств на жизнь правоохранителей можно выявить проблемы при отграничении от смежных составов преступлений, посягающих на жизнь. В диспозиции ст. 317 УК РФ законодатель недостаточно корректно сформулировал объективные признаки посягательства, что не позволяет четко определить круг потерпевших по данным преступлениям. С нашей точки зрения, можно выделить два вида потерпевших по данной статье: сотрудник правоохранительного органа и его близкий, через которого виновный воздействует на правоохранителя.

Отсутствие законодательного закрепления перечня правоохранительных органов вызывает полемику среди ученых, поэтому вносятся предложения об отнесении к числу потерпевших по ст. 317 УК РФ сотрудников частных детективных и охранных структур.

В целях обеспечения уголовно-правовой охраны жизни правоохранителей предлагается в диспозиции ст. 317 УК РФ расширить круг лиц, признаваемых потерпевшими, включив в их число всех сотрудников, несущих государственную правоохранительную службу, и дополнить данную статью примечанием, в котором закрепить перечень правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность, прохождение службы в которых дает основание для признания потерпевшими по ст. 317 УК РФ как сотрудников, так и их близких.

К л ю ч е в ы е с л о в а : потерпевший; состав преступления; сотрудник; правоохранительный орган; посягательство; убийство.

On the issue of establishing the circle of the victims in the encroachment on the life of the law enforcement officer

N. D. RATNIKOVA – Head of the Department of Criminal Law and Criminal Process of the Voronezh Agrarian Emperor Peter the Great University, PhD. in Law, Associate Professor;

A. V. RATNIKOV – Deputy Prosecutor of the Novovoronezh in the Voronezh region

Abstract

The article deals with the problematic issues of establishing the circle of persons who can act as victims in committing encroachments on the lives of law enforcement officers. The system of law enforcement bodies in order to ensure public safety and public order should fully protect the lives of its employees who are at risk of criminal encroachments in the course of ensuring law and order.

Analysis of the disposition of Art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation leads to the conclusion that the legislative formulation does not fully allow the correct determination of the range of victims and, as a result, there are errors in the criminal-legal assessment of these acts.

Based on the current norms of criminal law and law enforcement practice in cases of attacks on the lives of law enforcement officers, problems can be identified by distinguishing them from related crimes that encroach on life. In the disposition of Art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation the legislator did not correctly formulate objective signs of encroachment, which makes it impossible to clearly define the range of victims of these crimes. From our point of view we can distinguish two types of victims under this article: a law enforcement officer and his close, through whom the perpetrator acts on the law enforcement officer.

The lack of legislative consolidation of the list of law enforcement bodies raises controversy among researchers, therefore proposals are made to be included in the number of victims under Art. 317 of the Criminal Code of the Russian Federation employees of private detective and security structures.

In order to ensure the criminal law protection of the life of law enforcers is proposed in the disposition of Art. 317 of the Criminal Code to expand the circle of persons recognized as victims including their number of employees carrying state law enforcement service and to supplement this article note, which fix the list of law enforcement agencies to ensure public order and safety serving in that provides a basis for recognition victims under Art. 317 of the Criminal Code as their employees, so their close ones.

Key words: victim; corpus delicti; employee; law enforcement agency; encroachment; murder.

Современное государство не может нормально функционировать без охраны общественной безопасности, порядка управления и правопорядка в целом. Созданная государством система правоохранительных органов нуждается в правовой защите своих представителей, и к числу правовых гарантий относятся нормы российского уголовного законодательства, охраняющие их жизнь, здоровье, честь и достоинство. Сотрудники правоохранительных органов подвержены риску преступных посягательств в ходе выполнения своих служебных обязанностей по поддержанию правопорядка в обществе, предупреждению совершения правонарушений и преступлений. Для эффективной борьбы с преступностью и охраны интересов личности, общества и государства необходимо обеспечить защиту жизни и здоровья не только сотрудников правоохранительных органов, а также их близких, которые подвергаются опасности в связи с правоохранительной деятельностью их родственников.

Согласно официальным статистическим данным в 2016 г. было зарегистрировано 308 преступлений по ст. 317 УК РФ, в 2015 г. – 342, а в 2014 г. – 308. При этом следует учитывать, что статистика не в полной мере отражает реальную криминогенную ситуацию, поскольку не все посягательства на жизнь сотрудников правоохранительных органов регистрируются как преступления, предусмотренные данной статьей.

Ввиду недостаточной четкости законодательных формулировок диспозиции ст. 317

УК РФ имеют место ошибки в уголовно-правовой оценке указанных преступлений.

Все вышеизложенное указывает на необходимость как теоретического, так и практического анализа юридической природы и практики применения уголовного законодательства и выработки предложений, направленных на уточнение законодательной конструкции нормы о защите жизни сотрудника правоохранительного органа и его близких.

Следует отметить, что УК РСФСР 1960 г. содержал более четкий перечень лиц, которые могли считаться потерпевшими при посягательстве на жизнь сотрудника правоохранительного органа. Например, диспозиция ст. 191.2 указывала в качестве потерпевших при посягательстве работников милиции, народных дружинников, что давало возможность, несмотря на более узкий круг потерпевших, четко квалифицировать преступное посягательство на жизнь указанных правоохранителей. Также в ст. 191.5 было указано, что к числу потерпевших относились военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел и иные лица, выполняющие обязанности по охране государственной границы.

На основе анализа действующих норм российского уголовного законодательства и правоприменительной практики по делам о совершении посягательств на жизнь правоохранителей можно сделать вывод о наличии некоторых проблем при применении ст. 317 УК РФ и отграничении от смежных преступлений. В диспозиции указанной статьи законодатель недостаточно корректно

сформулировал объективные признаки посягательства и круг потерпевших по данному составу преступления.

Установление круга потерпевших основывается на связи с непосредственным объектом преступления. Согласно устоявшимся в теории уголовного права взглядам именно общественные отношения являются объектом любого преступного посягательства. На основании объекта преступного посягательства определяется содержание преступления и характер его общественной опасности, что позволяет правоохранительным органам давать правильную квалификацию преступных деяний и проводить профилактическую работу.

По мнению В. С. Ткаченко, представление о «личности как дополнительном объекте, “попутно” охраняемом при обеспечении порядка управления, противоречит конституционному положению об отношении к человеку как к высшей ценности, которое получило развитие в действующем уголовном законодательстве» [6, с. 13]. Из этого следует, что в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, признается личность работника полиции, выступающего потерпевшим.

На наш взгляд, посягательство на сотрудников правоохранительных органов осуществляется в связи с тем, что они реализуют управленческие функции и являются представителями государства в области обеспечения законного порядка управления. Поэтому целесообразно признать в качестве непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, общественные отношения, возникающие между гражданами и представителями власти при осуществлении управленческой деятельности правоохранительными органами, но при этом жизнь правоохранителей служит необходимым условием для охраны порядка управления в указанной сфере.

С нашей точки зрения, можно выделить два вида потерпевших по ст. 317 УК РФ: сотрудник правоохранительного органа или военнослужащий, на которого посягает преступник, и близкие сотрудника или военнослужащего, которые являются средством для воздействия на правоохранителей. Близкие выступают потерпевшими от посягательства и одновременно являются средством совершения преступления. Несмотря на то что они не относятся к числу сотрудников или военнослужащих, однако признаются потерпевшими по рассматриваемой статье. Поэтому жизнь указанных лиц охраняется уголовным

законодательством не как обычных граждан в соответствии с нормами гл. 16 УК РФ, а как представителей правоохранителей, и при совершении убийства или покушения на убийство их жизнь не рассматривается как основной объект преступления.

Таким образом, при совершении преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, жизнь близкого правоохранителя является необходимым, но дополнительным объектом состава и выступает как средство воздействия на сотрудника или военнослужащего.

Близкие правоохранителя или военнослужащего косвенно вовлечены в процесс принятия управленческих решений, они через правоохранителя имеют возможность повлиять на деятельность по охране общественного порядка и общественной безопасности, поэтому совершение посягательства на их жизнь нарушает общественные отношения в сфере управления.

Важным моментом для правильной квалификации общественно опасных деяний, предусмотренных ст. 317 УК РФ, выступает установление лиц, которые являются потерпевшими при посягательстве на жизнь правоохранителей в связи с выполнением служебных обязанностей по обеспечению общественного правопорядка. Изменения в системе правоохранительных органов России и установление новых приоритетов в сфере жизненных ценностей вызвали ряд вопросов в определении круга потерпевших по ст. 317 УК РФ.

Диспозиция ст. 317 УК РФ предусматривает, что потерпевшими по данному составу могут выступать сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и их близкие. Поскольку в Российской Федерации федеральный закон «О правоохранительной службе» не принят, то отсутствует единообразное толкование категорий лиц, относящихся к сотрудникам данных органов.

Так, отдельные ученые к сотрудникам правоохранительных органов относят лиц, «занимающих должности в суде, органах прокуратуры, юстиции, МВД, ФСБ, таможенных органах (судьи, прокуроры, следователи, лица, производящие дознание, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, сотрудники органов внутренних дел и т. д.)» [4, с. 574].

Такая трактовка потерпевших вызывает ряд вопросов. В частности, в ст. 295 УК РФ установлена уголовная ответственность за совершение посягательства на жизнь лиц,

ведущих предварительное расследование или отправляющих правосудие, диспозиция указанной статьи содержит перечень лиц, относящихся к потерпевшим: судья, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, судебный пристав. Таким образом, сотрудник прокуратуры, лицо, производящее дознание, не могут быть одновременно потерпевшими по ст. 295 и по ст. 317 УК РФ, между тем не всегда можно четко определить, в каком случае они выполняют полномочия по производству предварительного расследования и осуществлению правосудия, а в каком охраняют общественный порядок и обеспечивают общественную безопасность.

Имеется другое мнение, в соответствии с которым к сотрудникам правоохранительных органов относят «штатных сотрудников различных служб и подразделений органов внутренних дел, органов ФСБ, ФСО, СВР, таможенных органов, постоянно или временно осуществляющих деятельность по охране общественного порядка или обеспечивающих общественную безопасность. Посягательство на жизнь прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава должно квалифицироваться по ст. 295 УК РФ» [7, с. 694].

Диспозиция ст. 317 УК РФ указывает, что уголовно наказуемо воспрепятствование законной деятельности правоохранителей в сфере обеспечения общественного порядка и общественной безопасности. Данную деятельность осуществляет определенный круг сотрудников правоохранительных органов, имеющих на основании закона соответствующие полномочия. В ст. 2 Федерального закона от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» закрепляется, что следующие категории лиц, относящиеся к правоохранительным и контролирующим органам, подлежат государственной защите:

1) сотрудники, ведущие оперативно-розыскную деятельность;

2) сотрудники органов внутренних дел, охраняющие общественный порядок и общественную безопасность, исполняющие судебные решения по уголовным делам, а также постановления органов дознания, следствия и прокуратуры;

3) сотрудники уголовно-исполнительной системы;

4) военнослужащие внутренних войск МВД России, органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации, не-

посредственно участвующие в задержании вооруженных преступников, членов незаконных вооруженных формирований и организованных групп;

5) военнослужащие и сотрудники Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, осуществляющие охрану общественного порядка и обеспечивающие общественную безопасность;

6) военнослужащие Вооруженных Сил Российской Федерации, принимавшие непосредственное участие в борьбе с терроризмом;

7) военнослужащие органов внешней разведки Российской Федерации, непосредственно участвующие в специальных операциях или выполняющие специальные задания для обеспечения безопасности страны;

8) сотрудники Федеральной службы безопасности;

9) сотрудники Следственного комитета Российской Федерации;

10) судебные приставы;

11) лица, ведущие контроль за исполнением законодательства, осуществляющие выявление и пресечение правонарушений;

12) сотрудники Федеральной службы охраны;

13) работники таможенной и налоговой служб, антимонопольных органов, Федеральной службы по финансовому мониторингу и Счетной палаты Российской Федерации;

14) близкие вышеперечисленных лиц.

Анализ ст. 2 данного федерального закона позволяет сделать вывод, что не все лица, указанные в статье, являются сотрудниками правоохранительных органов, жизнь которых подлежит уголовно-правовой охране на основании ст. 317 УК РФ. Только на основе изучения особенностей функций, выполняемых конкретным государственным органом, можно отнести их сотрудников к потерпевшим по данной статье кодекса при посягательстве на их жизнь.

Следует отметить, что федеральный закон, определяющий бланкетную основу для признания потерпевшим от преступления по ст. 317 УК РФ, называет лиц, ведущих оперативно-розыскную деятельность. На органы, осуществляющие такую деятельность, в соответствии с федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» возлагаются следующие задачи: выявление, пресечение и раскрытие преступлений. При реализации указанных задач работники оперативных подразделений выполняют

функции, направленные на охрану общественного порядка и безопасности, поэтому могут признаваться потерпевшими по ст. 317 УК РФ.

В соответствии со ст. 13 федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» ведение такой деятельности возложено на органы внутренних дел, Федеральную службу безопасности, Федеральную службу охраны, Федеральную таможенную службу, Службу внешней разведки, Федеральную службу исполнения наказаний.

Потерпевшими при совершении посягательств, предусмотренных ст. 317 УК РФ, как свидетельствует судебная статистика, в 95 % случаев выступали именно сотрудники полиции (большинство посягательств совершено в отношении лиц, несущих патрульно-постовую службу в общественных местах (26 %), участковых уполномоченных полиции (25 %), сотрудников, ведущих оперативно-розыскную деятельность (24 %)).

К числу военнослужащих, которые могут признаваться потерпевшими по ст. 317 УК РФ, относятся военнослужащие войск национальной гвардии, участвующие в задержании вооруженных преступников, участников незаконных вооруженных формирований и преступных групп; внутренних войск МВД России и органов военной полиции; Вооруженных Сил Российской Федерации, непосредственно принимающие участие в борьбе с терроризмом; органов внешней разведки, непосредственно участвующие в специальных операциях или выполняющие специальные функции по обеспечению безопасности Российской Федерации.

Диспозиция анализируемой статьи содержит указание, что в качестве потерпевших могут быть близкие правоохранителей, обеспечивающие общественный порядок и общественную безопасность. Разъяснение для судебно-следственных органов, кого следует считать близкими лицами, было дано в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», где указывается, что кроме близких родственников сотрудника таковыми могут признаваться и иные лица, которые состоят в родстве или свойстве (родственники супруга) с сотрудником, а также иные лица, чья жизнь, здоровье заведомо для виновного дороги для потерпевшего: друзья, сожитель, невеста, жених и т. п. [1, с. 17].

Несмотря на то что близкие правоохранителей не вступают в управленческие

правоотношения, особые отношения с сотрудниками позволяют оказывать влияние на последних и нарушать их правомерную деятельность. «Поэтому цель преступления может быть достигнута и получен желаемый результат не только путем воздействия на сотрудника или военнослужащего, но и на лицо, жизнь и здоровье которого дороги для них» [5, с. 20].

Для признания потерпевшим по ст. 317 УК РФ уголовным законом предусмотрено наличие двух обстоятельств: 1) осуществление деятельности по охране общественного порядка; 2) выполнение функций по обеспечению общественной безопасности.

Под общественным порядком ряд исследователей понимают многоплановое социальное явление и рассматривают его «как социальную категорию в широком смысле, т. е. систему связей и отношений, неприкосновенность которых гарантируется всей политической системой государства, обществом» [3, с. 17].

Анализ правоприменительной практики по квалификации преступлений, посягающих на служебную деятельность и личность сотрудников правоохранительных органов, показывает, что необходимо выработать более эффективный механизм защиты общественных отношений при осуществлении правоохранительной деятельности и совершенствовать действующие нормы уголовного закона.

Отсутствие законодательного закрепления перечня правоохранительных органов вызывает полемику среди ученых. Ими вносятся предложения об отнесении к числу потерпевших по ст. 317 УК РФ сотрудников частных детективных и охранных структур. Так, А. Ю. Пономарев предлагает в данный перечень добавить сотрудника негосударственной охранно-сыскной структуры [3, с. 17]. Автор считает, что подобные нововведения позволят повысить эффективность охранной деятельности частных охранных структур по защите интересов личности и общества. Вместе с этим необходимо предусмотреть для сотрудников охранных и детективных структур уголовную ответственность за превышение должностных полномочий.

Также некоторые авторы полагают, что к числу правоохранительных органов относится адвокатура, которая занимается правоохранительной деятельностью по защите прав, свобод граждан, организаций.

С такими предложениями нельзя согласиться, поскольку полномочия сотрудника

государственного правоохранительного органа существенным образом отличаются от прав и обязанностей работника частных охранно-детективных организаций и адвокатских объединений.

В целях обеспечения уголовно-правовой охраны жизни правоохранителей, на наш взгляд, нуждаются в совершенствовании нормы ст. 317 УК РФ. Необходимо в диспозиции данной статьи расширить круг лиц, признаваемых потерпевшими по ст. 317 УК РФ от посягательства на жизнь правоохранителей, включив в их число всех сотрудников, несущих правоохранительную службу. Сформулировать диспозицию статьи можно следующим образом: «Посягательство

на жизнь сотрудника правоохранительного органа, Росгвардии, военнослужащего в целях воспрепятствования законной деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности, а равно посягательство на близких указанных в законе лиц с той же целью...».

При этом закрепить в примечании к ст. 317 УК РФ перечень государственных органов, которые относятся к правоохранительным, обеспечивающим общественный порядок и общественную безопасность, прохождение службы в которых дает основание для признания потерпевшими по ст. 317 УК РФ как самих сотрудников, так и их близких.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной практике по делам об убийстве : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27.01.1999 № 1 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1999. № 3.
2. Никонов И. Е. Ответственность за преступления против лиц и их близких в связи с исполнением ими своей служебной деятельности или выполнением общественного долга : моногр. М., 2008. 174 с.
3. Пономарев А. Ю. Проблемы осуществления охранно-сыскными структурами правоохранительной деятельности // Административное право и процесс. 2008. № 5. С. 14–17.
4. Российское уголовное право: Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, В. С. Комиссарова, А. И. Рагорова. М., 2008. 664 с.
5. Скутин С. Л. Проблемы уголовно-правовой борьбы с преступными посягательствами на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, охраняющих общественный порядок : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1995. 24 с.
6. Ткаченко В. С. Уголовно-правовая охрана личности сотрудника правоохранительных органов, обеспечивающих общественный порядок и общественную безопасность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 13.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагорова, А. И. Чучаева. М., 2009. 739 с.

REFERENCES

1. O sudebnoj praktike po delam ob ubijstve : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 27.01.1999 № 1 [On judicial practice in cases of murder : Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 27.01.1999 No. 1]. Byulleten' Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1999. Iss. 3. (In Russ.).
2. Nikonov I. E. Otvetstvennost' za prestupleniya protiv lic i ih blizkih v svyazi s ispolneniem imi svoej sluzhebnoj deyat'nosti ili vypolneniem obshchestvennogo dolga : monogr. [Responsibility for crimes against persons and their relatives in connection with the performance by them of their official activities or the performance of public duty : monograph]. Moscow, 2008. 174 p. (In Russ.).
3. Ponomarev A. Yu. Problemy osushchestvleniya ohranno-sysknymi strukturami pravoohranitel'noj deyat'nosti [Problems of the security-detective structures of law enforcement activities]. Administrativnoe pravo i process – Administrative Law and Process. 2008. Iss. 5. P. 14–17. (In Russ.).
4. Rossijskoe ugovolnoe pravo: Osobennaya chast' / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, V. S. Komissarova, A. I. Raroga [Russian criminal law: A special part ; ed. by L. V. Inogamova-Hegaj, V. S. Komissarov, A. I. Rarog]. Moscow, 2008. 664 p. (In Russ.).
5. Skutin C. L. Problemy ugovolno-pravovoj bor'by s prestupnymi posyagatel'stvami na zhizn', zdorov'e i dostoinstvo rabotnikov milicii, ohranyayushchih obshchestvennyj poryadok : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Problems of criminal and legal struggle against criminal encroachments on the life, health and dignity of police officers guarding public order : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1995. 24 p. (In Russ.).
6. Tkachenko V. S. Ugolovno-pravovaya ohrana lichnosti sotrudnika pravoohranitel'nyh organov, obespechivayushchih obshchestvennyj poryadok i obshchestvennuyu bezopasnost' : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal legal protection of the personality of a law enforcement officer who provides public order and public safety : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1998. P. 13. (In Russ.).
7. Ugolovnoe pravo Rossijskoj Federacii. Osobennaya chast' / pod red. L. V. Inogamovoj-Hegaj, A. I. Raroga, A. I. Chuchaeva [The Criminal Law of the Russian Federation. Special part ; ed. by L. V. Inogamova-Hegaj, A. I. Rarog, A. I. Chuchaev]. Moscow, 2009. 739 p. (In Russ.).

Отдельные аспекты залога как способа, обеспечивающего надлежащее исполнение обязательств

Е. П. ГЛАДНЕВА – доцент кафедры гражданского права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент;

П. П. ЗГОННИКОВ – кандидат юридических наук, доцент

Реферат

В статье рассматриваются исторические и основные общетеоретические подходы к исследованию вещных прав, обеспечивающих надлежащее исполнение обязательств, в частности залога. Говорится о том, что залог существовал и в дореволюционном российском праве. Проводится сравнительный анализ местоположения норм о залоге в гражданском законодательстве начиная с ГК РСФСР 1922 г. Отмечается существование в современном германском праве такого вида вещного права, как право реализации чужой вещи.

Указывается, что в современном российском гражданском праве предметом залога могут быть вещи и имущественные права, виды залога различаются по основаниям: по месту нахождения заложенного имущества (твердый залог, заклад); предмету залога (залог имущества и залог прав); степени связанности заложенного имущества с землей (залог движимого имущества и залог недвижимого имущества (ипотека)). Выделяется особый вид залога – последующий залог.

Авторами раскрывается порядок обращения взыскания на заложенное имущество, основанием которого является неисполнение или ненадлежащее исполнение должником главного обязательства. Делается вывод о том, что к обеспечительным правам, то есть залогоу, относится и залог недвижимости – ипотека, вещная природа которого в научной литературе оспаривается.

Ключевые слова: ограниченные вещные права; залог; обращение взыскания; ипотека; обязательство.

Some aspects of mortgage as a way to ensure execution of obligations

E. P. GLADNEVA – Associate Professor of the Civil Law Department of the Central Branch of the Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Associate Professor;

P. P. ZGONNIKOV – Ph.D. in Law, Associate Professor

Abstract

The article deals with historical and basic general theoretical approaches to the research of proprietary rights that ensure the proper execution of obligations, in particular mortgage. The author claims that the mortgage also existed in prerevolutionary Russian law. Further is made a comparative analysis of the location of mortgage standards in civil law beginning with the Civil Code of the RSFSR of the 1922. It is said that in the modern German law there is no this kind of property right as the right to sell someone else's things.

The article points out that in modern Russian civil law the subject of the pledge can be things and property rights. Types of mortgage are considered, which are distinguished on the grounds: at the location of the pledged property (fixed mortgage, mortgage); the subject of mortgage (mortgage of property and mortgage of rights); degree of connectedness of the pledged property with the land (mortgage of movable property and mortgage of immovable property (hypothecation)).

There is a special type of mortgage - a subsequent mortgage. The authors disclose the procedure for foreclosure on mortgaged property, the basis of which is the failure or improper performance of the principal obligation by the debtor. It is concluded that to security rights, that is to mortgage is also a mortgage of real estate - a mortgage, whose real nature is disputed in scientific literature.

Key words: limited proprietary rights; mortgage; foreclosure; hypothecation; obligation.

В дореволюционном российском праве залог существовал в виде залога в «кредитных установлениях». Для получения кредита ссудополучатель должен был представить в банк правоустанавливающие акты на недвижимость, а также свидетельство старшего нотариуса или суда о принадлежности имени залогодателя и свободе от запрещений. Строения полагалось обязательно застраховать. Сам банк должен был произвести оценку имущества, и сумма, выдаваемая под залог, ставилась в известное процентное отношение к сумме оценки. Сумма займа выдавалась чаще всего закладными листами, или деньгами, то есть обеспеченными залоговым имуществом обязательствами банка. Закладные листы реализовывались самим банком или заемщиком. Заем под залог предполагал обычно продолжительный срок, ибо предусматривал постепенную уплату долга – процент по займу уплачивался совместно с процентом погашения. В отличие от простого залогодержателя банк мог потребовать от залогодателя воздерживаться от каких-либо вредных и обесценивающих залог действий. При этом собственник с согласия банка мог распорядиться (продать, подарить) заложенной недвижимостью с переводом долга без уничтожения первого залога [7, с. 297; 9]. «Главная особенность залога в кредитном установлении состоит в праве этого последнего произвести самостоятельную продажу, без посредства суда», – писал Г. Ф. Шершеневич [23, с. 345].

Следует обратить внимание на то, что еще в ГК РСФСР 1922 г. правила о залоге находились в разделе «Вещное право». Признавались как предмет залога вещи, определенные родовыми признаками (ст. 93), «долговые требования» и право застройки (ст. 87), хотя эти виды имущества и не могли являться объектами вещных прав. В ГК РСФСР 1964 г. не было категории вещных прав, и в нем залог стал рассматриваться исключительно как способ обеспечения надлежащего исполнения обязательств.

В современном германском праве выделяется такой вид вещного права, как «*Verwertungsrechte*» – «право реализации» чужой вещи (залог и «вещные обременения» рентного типа) [16, с. 210].

Е. А. Суханов среди трех групп вещных прав выделяет и «права на получение известной ценности из чужой вещи, например залоговое право или право на получение вещи за счет стоимости недвижимой вещи» [20, с. 43].

В ныне действующем ГК РФ вещные права, обеспечивающие надлежащее исполнение обязательств, к числу которых относятся залоговое право, право удержания и ипотека (залог недвижимости), составляют отдельную группу ограниченных вещных прав.

В соответствии с п. 1 ст. 334 ГК РФ «в силу залога кредитор по обеспеченному залогом обязательству (залогодержатель) имеет право в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения должником этого обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества (предмета залога) преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит заложенное имущество (залогодателя)».

Как указывает Д. С. Дерхо, залог как способ обеспечения исполнения обязательства представляет собой одну из наиболее устойчивых, а потому востребованных форм защиты имущественных прав кредитора, поскольку позволяет «получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами залогодателя» [11, с. 2].

В научной литературе встречаются различные мнения по совершенствованию залога. Так, В. В. Скворцов полагает, что необходимо внедрение в гражданское законодательство «модели залога в качестве права присвоения (фидуциарного залога)» [18, с. 147]. Иные авторы высказывают более осторожную точку зрения о том, что обеспечительная фидуциарная сделка как минимум не противоречит закону [3, с. 202], третьи считают фидуциарный залог неприемлемым для российской действительности [8, с. 104]. Мы придерживаемся последней точки зрения, поскольку действующее гражданское законодательство не устанавливает возможность передать залоговое имущество в собственность залогодержателя. Предлагаемая конструкция фидуциарного залога вообще не гарантирует интересы должника, но зато в полной мере гарантирует интересы кредитора.

Залог – это способ обеспечения исполнения обязательства, который позволяет залогодержателю получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами должника (п. 1 ст. 334 ГК РФ).

Предметом залога могут выступать вещи и имущественные права (ст. 336 ГК РФ). По мнению законодателя, заложены могут быть определенные права залогодателя или совокупность прав (требований, вытекающих

из самостоятельных обязательств) или все обязательственные права [21, с. 23–24]. Как отмечается в литературе, не всегда обязательственные права на практике оцениваются как достаточно надежное обеспечение, потому нередко они являются составной частью предмета залога наряду с недвижимостью и другим имуществом. Залог обязательственных прав устанавливается при получении кредита на строительство объектов недвижимости (право требования на строящийся объект), получении кредита под залог коммерческой недвижимости (права арендатора), получении кредита на контрактное финансирование (право требования по договору поставки) [24, с. 15–16].

По действовавшему ранее Закону Российской Федерации от 29.05.1992 № 2872-1 «О залоге» было возможно предоставление в качестве залога принадлежащего залогодателю права владения и пользования, иных обязательственных прав (требований). По действующему в настоящий момент законодательству применяется более широкий подход. К примеру, ст. 75 Федерального закона от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» к оборотоспособным имущественным правам относит дебиторскую задолженность, права требования в качестве взыскателя по исполнительному документу, права аренды недвижимого имущества, исключительные права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, за исключением случаев, когда в соответствии с законодательством Российской Федерации на них не может быть обращено взыскание, права требования по договорам об отчуждении и использовании исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, принадлежащие лицензиату права использования результата интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, другие принадлежащие должнику имущественные права.

Согласно ст. 335 ГК РФ сторонами залога являются залогодатель и залогодержатель. Установлена письменная форма договора о залоге, если закон или соглашение сторон не предусматривает нотариальную форму. Залог возможен либо на основании договора (п. 1 ст. 341 ГК РФ) либо закона (п. 5 ст. 488 ГК РФ).

Классификация залога возможна по следующим основаниям:

1) по месту нахождения заложенного имущества (ст. 338 ГК РФ):

– твердый залог, не предусматривающий передачу имущества; разновидностью такого залога является залог товара в обороте (ст. 357 ГК РФ);

– заклад, предусматривающий передачу заложенного имущества; разновидность – залог в ломбарде (ст. 358 ГК РФ).

2) предмету залога:

– залог имущества;

– залог прав;

3) степени связанности заложенного имущества с землей:

– залог движимого имущества;

– залог недвижимого имущества (ипотека).

Отдельный вид – последующий залог (ст. 342 ГК РФ).

По мнению Л. Ю. Василевской, следует различать понятия «залог требования» как залоговое правоотношение (обеспечительное, залоговое обязательство) и «право залога» как право залогодержателя на принадлежащее залогодателю требование, вытекающее из соответствующего обязательства между залогодателем и его должником [5, с. 6–7]. Анализ правового регулирования показал, что право залога возникает в основном на основании договора, в отдельных случаях – на основании закона.

Основанием обращения взыскания на заложенное имущество является неисполнение или ненадлежащее исполнение должником главного обязательства (п. 1 ст. 348 ГК РФ) [13, с. 211].

Порядок обращения взыскания предполагает, что требование залогодержателя в отношении недвижимого имущества удовлетворяется из стоимости продажи заложенного недвижимого имущества по решению суда или на основании нотариально удостоверенного соглашения (ст. 349 ГК РФ), а в отношении движимого имущества – без обращения в суд. При этом в случае судебного порядка обращения взыскания на заложенное имущество право залогодержателя подтверждается вступившим в силу решением суда, при внесудебном порядке – фактом получения уведомления, направленного залогодержателем должнику и залогодателю. Следовательно, решение суда, исполнительная надпись нотариуса и полученное уведомление о начале обращения взыскания выступают основанием для реализации предмета залога [12, с. 25–26].

Процедура реализации права залога состоит из двух стадий: 1) обращение взыскания на предмет залога; 2) реализация предмета залога. Причем именно в этой

последовательности. По мнению Н. Ю. Расказовой, законодатель не позволяет залогодержателю реализовать предмет залога, минуя стадию обращения взыскания, поскольку именно «в процессе обращения взыскания выясняются вопросы, касающиеся обоснованности притязаний залогодержателя. Во-первых, отвечает ли должник за нарушение основного обязательства, поскольку при отсутствии этого обязательства лишение залогодателя предмета залога недопустимо. Во-вторых, о наличии оснований для отказа залогодержателю в осуществлении его права» [17, с. 13–14].

Это означает, что имущество, полученное в залог, не может быть обращено залогодержателем непосредственно в свою пользу в случае неисполнения залогодателем главного обязательства, оно должно быть продано с публичных торгов.

Как указывает Н. Ю. Расказова, «обращение взыскания на предмет залога – совокупность юридических действий, в результате совершения которых залогодержатель подтверждает свое право приступить к реализации заложенного имущества» [17, с. 14–15].

В силу залога залогодержатель в случае неисполнения должником обязательства имеет право получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами лица, которому принадлежит это имущество (залогодателя), за изъятиями, установленными законом.

В Определении Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2016 № 305-ЭС 16-7885 по делу № А40-5734/2015 установлена особенность обращения взыскания на заложенное имущество должника, в отношении которого введена процедура банкротства. Эта особенность предполагает, что с момента открытия конкурсного производства обращение взыскания на заложенное имущество осуществляется в деле о банкротстве путем подачи заявления о включении обеспеченных залогом требований в реестр требований кредиторов в качестве залоговых [30].

В указанном деле банк предъявил свои требования в рамках процедуры конкурсного производства. Однако в отсутствие залогового счета и определений об обращении взыскания, предусмотренных п. 2 ст. 18.1 Федерального закона Российской Федерации от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», «с момента установления залогового требования в

процедуре конкурсного производства залоговый кредитор вправе претендовать на преимущественное получение предоставленного контрагентом должника денежного исполнения по заложенному требованию». Потому с этого момента конкурсный управляющий как лицо, осуществляющее исполнение судебного акта об обращении взыскания на заложенное требование, будет иметь обязанность открыть специальный банковский счет должника, на котором будут аккумулироваться как денежные платежи по заложенному требованию, поступившие после открытия конкурсного производства, так и выручка от реализации заложенного требования при его продаже в рамках конкурсного производства.

Суд акцентировал внимание на том обстоятельстве, что общие положения п. 4 ст. 138 данного закона о продаже имущества на торгах должны применяться с учетом особенностей такого объекта залога, как имущественное требование, и цели конкурсного производства, заключающейся в максимальном наполнении конкурсной массы и соразмерном удовлетворении за ее счет требований кредиторов. Следовательно, судебная практика исходит из того, что при условии открытия залогового счета права по договору банковского счета могут являться предметом залога.

По мнению Л. Ю. Василевской, открытие залогового счета залогодателя, «к которому применяются правила о договоре залога прав по договору банковского счета», не всегда может решить проблему защиты интересов сторон договора залога требований [4, с. 10–12]. По ее мнению, с которым нельзя не согласиться, необходимо открывать не залоговый, а номинальный счет [5, с. 5–6].

В установленных законом порядке и случаях удовлетворение требования кредитора по обеспеченному залогом обязательству (залогодержателя) может осуществляться путем передачи предмета залога в собственность залогодержателя (п. 1 ст. 334 ГК РФ).

Статья 359 ГК РФ определяет, что «кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержки других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено. Удержанием вещи могут обеспечиваться также требования, хотя и не связанные с оплатой

вещи или возмещением издержек на нее и других убытков, но возникшие из обязательства, стороны которого действуют как предприниматели. Кредитор может удерживать находящуюся у него вещь, несмотря на то, что после того, как эта вещь поступила во владение кредитора, права на нее приобретены третьим лицом».

Объектом первого и второго права могут быть и недвижимые, и движимые вещи. Объектом залога могут быть некоторые имущественные права. Их содержание включает возможность принудительной реализации вещей помимо воли их собственника, то есть прекращение самого основного вещного права – права собственности. И то и другое из названных выше обстоятельств не относится к другим видам ограниченных вещных прав. Указанные особенности залога, как и весьма близкого к нему института удержания, обусловили давние, но не прекращающиеся до настоящего времени теоретические споры о его вещно-правовой или обязательственно-правовой природе [18, с. 244; 19, с. 225; 7, с. 240].

В соответствии с п. 1 ст. 334 ГК РФ залогодержатель имеет определенное непосредственно законом, а не соглашением сторон право удовлетворить свои требования из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами. Данное право является обременением в отношении предмета залога и следует за ним вне зависимости от смены собственников. Кроме того, пока еще являющийся собственником залогодатель по общему правилу вправе распоряжаться предметом залога только с согласия залогодержателя (п. 2 ст. 346 ГК РФ). Залогодержатель может защитить свое право от разнообразных посягательств третьих лиц, включая и собственника, у которого при определенных условиях залоговый кредитор имеет право истребовать заложенное имущество или требовать устранения препятствий в осуществлении своих прав (ст. 347 ГК РФ). Все это свидетельствует о вещно-правовой природе залога.

Обращая внимание на особенности этого института, следует исходить из его изначального назначения, заключающегося в обеспечении возврата кредита, гарантированного вещью («реальный кредит»), а не в обеспечении доступа к использованию чужого имущества, что имеет место в случае с другими ограниченными вещными правами. Другими словами, залоговое правоотношение в силу своей правовой природы

зависимо от основного обязательственного (кредитного) правоотношения, возникает с целью обеспечения его. Однако с течением времени цели реализации залоговых прав расширились в связи с растущими потребностями имущественного оборота, залоговое правоотношение оторвалось от обязательственного, сделав залоговое право самостоятельным институтом путем введения возможности «абстрактного обременения недвижимости, не находящегося в зависимости от обязательственного требования» «в форме «оборотной ипотеки», которая свободно отчуждается залогодержателем третьим лицам, и залоговых свидетельств, ставших ценными бумагами («вещными векселями»), заключавшими в себе право на получение периодических платежей [18, с. 261–262]. Следует отметить, что отечественное гражданское право до самого последнего времени не признавало таких возможностей и традиционно рассматривает залог в строго обеспечительном смысле [16, с. 11].

Безусловно, договор залога, как и договор купли-продажи, порождает не только вещные, но и обязательственные отношения между залогодателем (должником) и залогодержателем (кредитором). В качестве примера можно привести условия использования и хранения заложенного имущества, его страхования и т. д. Тем не менее наличие этих отношений не превращает залоговое право ни в смешанное, вещно-обязательственное, ни в чисто обязательственное, как нередко утверждается в современной отечественной литературе [7, с. 115, 297]. Залоговое право является абсолютным вещным правом и, как отмечено выше, имеет все признаки ограниченных вещных прав. Следует отметить, что европейская цивилистика имеет такой же взгляд на это право, который является общепринятым.

К обеспечительным правам, то есть залого, относится и залог недвижимости – ипотека, вещная природа которого в научной литературе оспаривается [22, с. 225; 7, с. 240]. Ипотека переводится с древнегреческого как «основание», «залог» [2; с. 8], ее возникновение обусловлено появлением частной собственности, особенно на земельные участки. Активное развитие этих процессов в Древней Греции способствовало возникновению ипотечных отношений. Например, использовался залог с оставлением недвижимости во владении должника и с предоставлением кредитору права распорядиться ею в случае неуплаты долга

в установленный срок. Земельный участок, обремененный ипотекой, должник (залогодатель) не имел права продавать третьим лицам.

Возникшая в Древней Греции ипотека оказала существенное влияние на развитие римского частного права, которое выработало несколько форм вещных обеспечений, ставших фундаментом для последующего развития института залога. Первоначальной формой залога в Древнем Риме была фидуция, предполагающая, что должник в обеспечение своего долга должен был передать во владение или собственность кредитору какое-либо имущество, а кредитор – вернуть имущество после того, как должник погасит свой долг. Получение кредита оформлялось в виде договора пактум фидуция, устанавливающего личные отношения между кредитором и должником и походившего на усложненный договор купли-продажи. Последующее развитие и усложнение экономических связей, однако, привело к замене на другую форму залога – пигнус, предполагавшей, что имущество должно передаваться не в собственность кредитора, а во временное владение, с последующим возвращением предмета залога по получении удовлетворения по основному обязательству. В случае допущения просрочки исполнения обязательства кредитор приобретал право самостоятельной продажи предмета залога. Однако пигнус также не отвечал всем требованиям экономической жизни в силу необходимости большей гибкости в регулировании отношений, в частности того, чтобы должник не был лишен возможности пользоваться заложенной вещью. По этим причинам римское право восприняло форму греческого залога, то есть ипотеку [8, с. 33]. В данном случае залог не требовал передачи заложенного имущества во владение залогодержателю, при этом права владения и пользования и даже отчуждения заложенного имущества оставались за залогодателем [15, с. 32].

Статьей 1 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ (в ред. от 25.11.2017) «Об ипотеке (залоге недвижимости)» установлено, что «по договору о залоге недвижимого имущества (договору об ипотеке) одна сторона – залогодержатель, являющийся кредитором по обязательству, обеспеченному ипотекой, имеет право получить удовлетворение своих денежных требований к должнику по этому обязательству из стоимости заложенного недвижимого имущества другой стороны – залогодателя пре-

имущественно перед другими кредиторами залогодателя, за изъятиями, установленными федеральным законом».

Общие правила о залоге, установленные ГК РФ, применяются к отношениям по договору об ипотеке в случаях, когда указанным кодексом и законом не установлены иные правила. Залог земельных участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества может возникать лишь постольку, поскольку их оборот допускается законами [14, с. 13].

Залог земельных участков является вещно-обязательственным правоотношением, порождающим связи между залогодателем и залогодержателем, а также между залогодержателем и вещью. Таким образом, с одной стороны, «залог – это способ обеспечения исполнения обязательства должником путем установления относительной правовой связи через вещь с кредитором, а с другой – это непосредственная правовая связь залогодержателя с данной вещью» [14, с. 8].

Статья 62 федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» определяет, что по договору об ипотеке могут быть заложены только те земельные участки, которые не исключены из оборота или не ограничены в обороте. Перечень вышеуказанных земель приведен в ст. 27 Земельного кодекса Российской Федерации. Пунктом 2 ст. 6 данного закона предусмотрено, что залог не допускается, если имущество изъято из оборота, на него не может быть обращено взыскание, такое имущество подлежит обязательной приватизации либо его приватизация запрещена. В силу ст. 30 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» объекты социально-культурного (здравоохранения, культуры и спорта) и коммунально-бытового назначения могут быть приватизированы в составе имущественного комплекса унитарного предприятия, за исключением используемых по назначению: объектов транспорта и энергетики, предназначенных для обслуживания жителей соответствующего поселения. Объекты социально-культурного и коммунально-бытового назначения, не включенные в подлежащий приватизации имущественный комплекс унитарного предприятия по основаниям, указанным в п. 1 указанной статьи, подлежат передаче в муниципальную собственность в порядке, установленном законодательством. То есть указанный закон установил запрет на при-

ватизацию используемых по назначению объектов энергетики, предназначенных для обслуживания жителей соответствующего поселения, что позволяет обеспечить публичные интересы в сохранении социально значимых объектов. Передача таких объектов в качестве предмета ипотеки является одним из оснований для признания сделки недействительной, поскольку сделка нарушает запрет, установленный в п. 2 ст. 6 федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)». Следовательно, объекты энергетики, предназначенные для обслуживания жителей, не могут быть предметом ипотеки в обеспечение обязательств коммерческой организации перед другой коммерческой организацией, поскольку в противном случае на них может быть обращено взыскание, в результате чего они могут перейти в частную собственность. Указанная позиция подтверждается многочисленной судебной практикой [27; 28].

Таким образом, предметом договора об ипотеке могут являться земельные участки, находящиеся в собственности граждан и юридических лиц и предоставленные для садоводства, животноводства, индивидуального жилищного, дачного и гаражного строительства, земельные участки личного подсобного и фермерского хозяйства.

Ипотека здания или сооружения допускается только с одновременной ипотекой по тому же договору земельного участка, на котором расположено здание или сооружение, либо его части, которые функционально обеспечивают данный объект.

Так, в частности, Девятнадцатый арбитражный апелляционный суд в своем постановлении от 05.12.2017 № 19АП-5779/2016 по делу № А64-3830/2016 указал, что спорные газопроводы высокого и низкого давления относятся к объектам электроэнергетики коммунально-бытового назначения и предназначены для поставки газа населению области, а доказательств наличия иных газопроводов, по которым может осуществляться транспортировка газа в данный населенный пункт, не представлены. Суд первой инстанции правомерно пришел к выводу о том, что на данные объекты не может быть обращено взыскание. Земельные участки, являющиеся предметом залога по договору ипотеки, используются под размещение и пользование соответствующего газового

оборудования: ШРП, задвижек, газораспределительного и газорегуляторного оборудования, которые могут использоваться для поставки газа населению области. Отсутствие оснований для обращения взыскания на газопроводы высокого и низкого давления свидетельствуют об отсутствии оснований для обращения взыскания на земельные участки, на которых расположены спорные объекты [29].

Когда речь идет об общей собственности на указанные земельные участки, ипотека может быть установлена только на принадлежащий гражданину или юридическому лицу земельный участок, который выделен в натуре из земель, находящихся в общей долевой или совместной собственности.

При этом необходимо учитывать разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 6, Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации № 8 от 01.07.1996 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (п. 45 постановления), согласно которым правило об одновременной ипотеке здания и земельного участка под ним применяется только в случае, если залогодатель является собственником либо арендатором земельного участка [25]. Так, Верховный Суд Российской Федерации при рассмотрении кассационной жалобы отметил, что доводы, изложенные в жалобе, заслуживают внимания, так как на момент заключения договоров ипотеки каким-либо правом в отношении земельных участков, на которых находились спорные объекты, должник не обладал [26].

В настоящее время допускается ипотека сельскохозяйственных угодий, входящих в состав земель сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и полевых земельных участков, личных подсобных хозяйств.

Не допускается обращение взыскания на заложенный земельный участок из состава земель сельскохозяйственного назначения до истечения работ с учетом времени, необходимого для реализации продукции. Это действует до 1 ноября года, в котором предусмотрено исполнение обеспечиваемого ипотекой обязательства или его части, если договором не предусмотрена другая дата [1, с. 180].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов А. П., Рыженков А. Я., Черноморец А. Е. Земельное право России : учеб. / под ред. А. П. Анисимова. Элиста, 2006. 410 с.

2. Базанов И. А. Новейшие течения в вотчинном праве в связи с современным строем народного хозяйства. М., 2004. 589 с.
3. Бирюкова Л. А. Фидуциарная собственность как способ защиты кредитора // Актуальные проблемы гражданского права / под ред. С. С. Алексеева. М., 2000. 202 с.
4. Василевская Л. Ю. Договор счета эскроу: проблемы правовой квалификации // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2016. № 2. С. 46–48.
5. Василевская Л. Ю. Особенности правовой конструкции залога обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 6. С. 5–9.
6. Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. 2009. № 4.
7. Гаджиев Г. А., Пепеляев С. Г. Предприниматель – налогоплательщик – государство. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации : учеб. пособие. М., 1998.
8. Гонгало Б. М. Общие положения об обеспечении обязательств и способах обеспечения обязательств // Цивилистические записки : межвуз. сб. науч. тр. М., 2001. 222 с.
9. Гражданское право. Часть первая : учеб. для вузов / под ред. Т. И. Илларионовой, Б. М. Гонгало, В. А. Плетнева. М., 1998. 384 с.
10. Грачев И. С. Ипотека в России: время требует правовых гарантий. М., 1997. 156 с.
11. Держо Д. С. Залог в силу закона. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Евдокимова Е. А. К вопросу о необходимости и формах публичного контроля за реализацией права залога // Закон. 2017. № 8. С. 24–30.
13. Згонников П. П. Некоторые аспекты ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора // Актуальные проблемы государственного права и административной реформы в Российской Федерации : сб. межвуз. науч. конф. / сост. Н. М. Дудин, Е. Р. Сухарева. Воронеж, 2006. Вып. 2. 230 с.
14. Моисеев М. Н. Правовые проблемы залога земельных участков в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. 178 с.
15. Новицкий И. Б. Римское право. М., 1997. 245 с.
16. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 2001. 353 с.
17. Рассказова Н. Ю. Залог движимого имущества // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве : сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2010. С. 7–42.
18. Скворцов В. В. Развитие залога в коммерческой сфере // Актуальные проблемы коммерческого права : сб. ст. / под ред. Б. И. Путинского. М., 2002. 262 с.
19. Об ипотеке (залоге недвижимости) : федер. закон от 16.07.1998 № 102-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 29. Ст. 3400.
20. Суханов Е. А. О понятии и видах вещных прав в российском гражданском праве // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 42–50.
21. Харитонов Ю. С. Залог исключительных прав в системе способов обеспечения исполнения обязательств // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5 : Юриспруденция. 2015. С. 22–25.
22. Хвостов В. М. Система римского права : учеб. М., 1996. 522 с.
23. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 2005. 461 с.
24. Эмухвари Р. Р. Залог обязательственных прав: проблемы права и практики // Российский судья. 2017. № 8. С. 15–20.
25. О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации № 6, Пленума Высш. Арбитраж. Суда Рос. Федерации № 8 от 01.07.1996. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 04.12.2017 № 308-эс17-12218 по делу № А63-1120/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
27. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 19.05.2017 по делу № А32-23355/2016, постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.06.2016 по делу № А40-102056/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
28. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 26.06.2016 по делу № А44-7368/2015 и от 23.08.2013 по делу № А26-3693/2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
29. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 05.12.2017 № 19АП-5779/2016 по делу № А64-3830/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
30. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2016 № 305-ЭС 16-7885 по делу № А40-5734/2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Anisimov A. P., Ryzhenkov A. YA., Chernomorec A. E. Zemel'noe pravo Rossii : ucheb. [The land law of Russia : textbook ; ed by A. P. Anisimov]. Elista, 2006. 410 p. (In Russ.).
2. Bazanov I. A. Novejshie techeniya v votchinnom prave v svyazi s sovremennym stroem narodnogo hozyajstva [The newest trends in patrimonial law in connection with the modern system of the national economy]. Moscow, 2004. 589 p. (In Russ.).
3. Biryukova L. A. Fiduciarnaya sobstvennost' kak sposob zashchity kreditora [Fiduciary ownership as a way to protect the creditor]. Aktual'nye problemy grazhdanskogo prava / pod red. S. S. Alekseeva – Actual problems of civil law ; ed. by S. S. Alekseev. Moscow, 2000. 202 p. (In Russ.).
4. Vasilevskaya L. YU. Dogovor scheta ehskrou: problemy pravovoj kvalifikacii [Escrow account agreement: problems of legal qualifications]. EHlektronnoe prilozhenie k «Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu» – Electronic application to the «Russian Law Journal». 2016. Iss. 2. P. 46–48. (In Russ.).
5. Vasilevskaya L. YU. Osobennosti pravovoj konstrukcii zaloga obyazatel'stvennyh prav [Features of the legal design of the pledge of obligations rights]. Aktual'nye problemy rossijskogo prava – Actual problems of Russian law. 2017. Iss. 6. P. 5–9. (In Russ.).
6. Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo suda Rossijskoj Federacii – Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2009. Iss. 4. (In Russ.).
7. Gadzhiev G. A., Pepelyaev S. G. Predprinimatel' – nalogopatel'shchik – gosudarstvo. Pravovye pozicii Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii : ucheb. posobie [Gadzhiev G. A., Pepelyaev S. G. Entrepreneur – taxpayer – the state. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation : tutorial]. Moscow, 1998. (In Russ.).
8. Gongalo B. M. Obshchie polozheniya ob obespechenii obyazatel'stv i sposobah obespecheniya obyazatel'stv [General provisions on securing obligations and how to secure obligations]. Civilisticheskie zapiski : mezhvuz. sb. nauch. tr. – Civilizational notes : interuniversity collection of scientific papers. Moscow, 2001. 222 p. (In Russ.).

9. Grazhdanskoe pravo. CHast' pervaya : ucheb. dlya vuzov / pod red. T. I. Illarionovoj, B. M. Gongalo, V. A. Pletneva [Civil law. Part One : textbook for universities ; ed. by T. I. Illarionova, B. M. Gongalo, V. A. Pletnev]. Moscow, 1998. 384 p. (In Russ.).
10. Grachev I. S. Ipoteka v Rossii: vremya trebuuet pravovyh garantij [Mortgage in Russia: time requires legal guarantees]. Moscow, 1997. 156 p. (In Russ.).
11. Derho D. S. Zalog v silu zakona [The mortgage by operation of law]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
12. Evdokimova E. A. K voprosu o neobhodimosti i formah publichnogo kontrolya za realizaciej prava zaloga [On the issue of the need and forms of public control over the implementation of the pledge right]. Zakon – Law. 2017. Iss. 8. P. 24–30. (In Russ.).
13. Zgonnikov P. P. Nekotorye aspekty otvetstvennosti za neispolnenie ili nenadlezhashchee ispolnenie uslovij dogovora [Some aspects of liability for non-performance or improper performance of the contract]. Aktual'nye problemy gosudarstvennogo prava i administrativnoj reformy v Rossijskoj Federacii : sb. mezhvuz. nauch. konf. / sost. N. M. Dudin, E. R. Suhareva – Actual problems of state law and administrative reform in the Russian Federation : collection of interuniversity scientific conference ; compilers N. M. Dudin, E. R. Sukhareva. Voronezh, 2006. Iss. 2. 230 p. (In Russ.).
14. Moiseev M. N. Pravovye problemy zaloga zemel'nyh uchastkov v Rossijskoj Federacii : dis. ... kand. jurid. nauk [Legal problems of land plots in the Russian Federation : the diss. ... PhD. in Law]. Volgograd, 2006. 178 p. (In Russ.).
15. Novickij I. B. Rimskoe pravo [Roman law]. Moscow, 1997. 245 p. (In Russ.).
16. Pokrovskij I. A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava [The main problems of civil law]. Moscow, 2001. 353 p. (In Russ.).
17. Rasskazova N. YU. Zalog dvizhimogo imushchestva [Pledge of movable property]. Mery obespecheniya i mery otvetstvennosti v grazhdanskom prave : sb. st. / otr. red. M. A. Rozhkova – Measures of maintenance and measures of responsibility in civil law : collection of articles ; ed. by M. A. Rozhkova. Moscow, 2010. P. 7–42. (In Russ.).
18. Skvorcov V. V. Razvitie zaloga v kommercheskoj sfere [Development of collateral in the commercial sphere]. Aktual'nye problemy kommercheskogo prava : sb. st. / pod red. B. I. Putinskogo – Actual problems of commercial law : a collection of articles ; ed. by B. I. Putinsky. Moscow, 2002. 262 p. (In Russ.).
19. Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti) : feder. zakon ot 16.07.1998 № 102-FZ [On the mortgage (real estate pledge) : On the mortgage (real estate pledge): the federal law from 16.07.1998 No. 102-FZ]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. Iss. 29. Art. 3400. (In Russ.).
20. Suhanov E. A. O ponyatii i vidah veshchnyh prav v rossijskom grazhdanskom prave [On the concept and types of real rights in Russian civil law]. ZHurnal rossijskogo prava – Journal of Russian Law. 2006. Iss. 12. P. 42–50. (In Russ.).
21. Haritonova YU. S. Zalog isklyuchitel'nyh prav v sisteme sposobov obespecheniya ispolneniya obyazatel'stv [Pledge of exclusive rights in the system of enforcement of obligations]. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 5 : Yurisprudenciya – Bulletin of Volgograd State University. Series 5 : Jurisprudence. 2015. P. 22–25. (In Russ.).
22. Hvostov V. M. Sistema rimskogo prava : ucheb. [Roman law system: a textbook]. Moscow, 1996. 522 p. (In Russ.).
23. SHershenevich G. F. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izdaniyu 1907 g.) [Textbook of Russian Civil Law (from the edition of 1907)]. Moscow, 2005. 461 p. (In Russ.).
24. EHmuhvari P. P. Zalog obyazatel'stvennyh prav: problemy prava i praktiki [Pledge of Mandatory Rights: Problems of Law and Practice]. Rossijskij sud'ya – Russian judge. 2017. Iss. 8. P. 15–20. (In Russ.).
25. O nekotoryh voprosah, svyazannyh s primeneniem chasti pervoj Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii № 6, Plenuma Vyssh. Arbitrazh. Suda Ros. Federacii № 8 ot 01.07.1996 [On some issues related to the application of part one of the Civil Code of the Russian Federation : Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 8 from 01.07.1996]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
26. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 04.12.2017 № 308-ehs17-12218 po delu № A63-1120/2015 [The definition of the Supreme Court of the Russian Federation from 04.12.2017 No. 308-es17-12218 in case No. A63-1120/2015]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
27. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 19.05.2017 po delu № A32-23355/2016, postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 02.06.2016 po delu № A40-102056/2014 [Decree of the Arbitration Court of the North Caucasus District from 19.05.2017 in case No. A32-23355/2016, the decision of the Arbitration Court of the Moscow District from 02.06.2016 in case No. A40-102056/2014]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
28. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Zapadnogo okruga ot 26.06.2016 po delu № A44-7368/2015 i ot 23.08.2013 po delu № A26-3693/2012 [Decree of the Arbitration Court of the North-Western District from 26.06.2016 in the case No. A44-7368/2015 and from 23.08.2013 in case No. A26-3693/2012]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
29. Postanovlenie Devyatnadcatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 05.12.2017 № 19AP-5779/2016 po delu № A64-3830/2016 [Decree of the Nineteenth Arbitration Appeal Court from 05.12.2017 No. 19AP-5779/2016 in case No. A64-3830/2016]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
30. Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 17.10.2016 № 305-EHS 16-7885 po delu № A40-5734/2015 [The definition of the Supreme Court of the Russian Federation from 17.10.2016 No. 305-ES 16-7885 in case No. A40-5734/2015]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).

УДК 343.85

К вопросу о реализации меры безопасности в виде выдачи оружия, специальных средств и средств оповещения об опасности сотрудникам уголовно-исполнительной системы и их близким

О. В. КИРИЛОВСКИЙ – старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Одним из эффективных способов обеспечения государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких является применение мер безопасности, предусмотренных ст. 5 федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов».

Применение меры безопасности в виде выдачи оружия и специальных средств наиболее целесообразно в отношении сотрудников пенитенциарной службы, поскольку они владеют табельным оружием, специальными средствами, обладают навыками обращения с ними.

Анализ отдельных положений данного закона и Порядка выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите, являющимся близким лицом сотрудника уголовно-исполнительной системы, показал наличие между ними противоречий в части отсутствия полномочий у органов и учреждений ФСИН России по выдаче оружия защищаемым лицам. Для устранения выявленного противоречия предлагается включить в соответствующий порядок органы и учреждения уголовно-исполнительной системы.

Еще один правовой пробел выявлен в ходе анализа оснований применения физической силы, оружия, специальных средств сотрудниками системы исполнения наказаний. Законодатель определил границы, в пределах которых может быть реализовано право на применение оружия, специальных средств и физической силы, а именно территории исправительных учреждений и следственных изоляторов. Однако правоприменительная практика показывает, что обеспечение личной безопасности защищаемого лица должно быть гарантировано и вне пределов территорий учреждений. В целях устранения соответствующего противоречия необходимо внести изменения в ст. 28 закона «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» для расширения пределов применения оружия, специальных средств и физической силы вне территорий учреждений в случае реализации мер безопасности в отношении защищаемого лица.

К л ю ч е в ы е с л о в а : государственная защита; меры безопасности; сотрудники уголовно-исполнительной системы; выдача оружия, специальных средств; меры государственного принуждения.

On the implementation of security measures in the form of the issuance of weapons, special means and means of alerting the personnel of the penal system and their relatives

O. V. KIRILOVSKY – Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

One of the effective ways to ensure the state protection of employees of the penal system and their relatives is the application of security measures provided for in Art. 5 of the Federal Law «On State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Control Authorities».

The use of security measures in the form of arms and special means is most expedient for the staff of the penal service since they possess the service weapon, special means and have the skills to use them.

The analysis of certain provisions of this law and the procedure for issuing weapons to persons subject to state protection, which is a close person of the officer of the penal system, showed the existence of contradictions between them in the absence of powers of the bodies and institutions of the Federal Penal Service of Russia to extradite weapons to protected persons. To eliminate the revealed contradiction it is proposed to include in the appropriate order the bodies and institutions of the penal system.

Another legal gap was revealed in the course of analysis of the grounds for the use of physical force, weapons, special means by the staff of the penal system. The legislator defined the boundaries within which the right to use weapons, special means and physical force can be realized, namely the territory of correctional facilities and remand centers. However law enforcement practice shows that ensuring the personal safety of the protected person must be guaranteed outside the territories of institutions too. In order to eliminate the corresponding contradiction it is necessary to amend Art. 28 of the Law «On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of deprivation of liberty» to expand the limits of the use of weapons, special means and physical force outside the territories of institutions in the event of the implementation of security measures against the protected person.

Key words: state protection; security measures; staff of the Penal System; delivery of weapons; special means; measures of state coercion.

Оперативная обстановка в учреждениях, исполняющих уголовные наказания, остается сложной и напряженной. Так, на 1 января 2018 г. на их территориях зарегистрировано 971 преступление, что на 1,6 % больше, чем в 2017 г. Неблагоприятное состояние общей преступности в учреждениях неразрывно связано с уровнем защищенности сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких от противоправных посягательств. В 2017 г. возбуждено 224 уголовных дела по фактам неправомерных действий в отношении персонала учреждений со стороны осужденных, что на 17 % меньше, чем в 2016 г., но уровень посягательств на жизнь и здоровье персонала остается значительным. За тот же период причинен вред здоровью 46 сотрудников в связи с осуществлением ими служебной деятельности (2016 г. – 41), за пределами территорий учреждений зарегистрировано 5 случаев насилия (2016 г. – 4) [3].

Применение мер безопасности является одним из основных и эффективных средств обеспечения государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких.

Применение мер безопасности в отношении защищаемого лица является гарантом его личной безопасности. По мнению Г. А. Майстренко, под личной безопасностью сотрудников уголовно-исполнительной системы и членов их семей подразумевается состояние защищенности их жизненно важных интересов от каких-либо угроз, как реальных, так и потенциальных [5].

Правовой основой в сфере обеспечения государственной защиты сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких является федеральный закон «О

государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [10], ст. 5 которого предусматривает следующие меры безопасности:

- 1) личная охрана, охрана имущества и жилища;
- 2) выдача специальных средств и оружия;
- 3) помещение защищаемого лица в безопасное место на определенное время;
- 4) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;
- 5) изменение места работы (учебы), перевод на другую работу (службу);
- 6) переселение на другое место временного или постоянного жительства;
- 7) изменение внешности защищаемого лица, замена его документов.

Предложенный законодателем перечень мер безопасности, на наш взгляд, основан на результатах правоприменительной практики государственной защиты в зарубежных странах, имеющих длительный опыт ее использования, что подтверждают научные исследования в данной области. Указанные меры безопасности могут применяться как отдельно, так и в сочетании друг с другом, с соблюдением условий и оснований проведения каждой конкретной меры [6, с. 19].

Первые три меры, согласно С. С. Галахову, применяются в 95 % случаев и позволяют без привлечения значительных материальных и финансовых затрат результативно обеспечить безопасность защищаемых лиц из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких [1]. Одной из данных мер безопасности является выдача специальных средств и оружия.

Справедливо отмечено Г. Ю. Каримовой и Н. В. Маликовой, что выдача оружия сотрудникам ФСИН России как лицам, обла-

дающим навыками и владеющим табельным оружием, в случае если обеспечить личную охрану защищаемому лицу затруднительно, будет оптимальным способом обеспечить их безопасность [4].

В соответствии со ст. 7 рассматриваемого закона с учетом характера угрозы для здоровья и жизни лиц им могут быть выданы специальные средства, оружие, средства личной защиты и оповещения об опасности при условии, что обеспечить безопасность иными средствами невозможно. Оружие и специальные средства выдаются только во временное пользование, до момента устранения реальной угрозы.

Для удобства исследования вопроса реализации меры безопасности в виде выдачи специальных средств, оружия, на наш взгляд, ее необходимо рассматривать как совокупность определенных элементов, характеризующихся совершением последовательных действий, связанных, во-первых, с выдачей защищаемым лицам оружия, специальных средств, во-вторых, с пользованием оружием и специальными средствами (ношением, хранением, обращением и т. д.) и, в-третьих, с обстоятельствами их применения. Стоит отметить, что применение оружия и специальных средств не является обязательным и носит факультативный характер, поскольку связано с объективными обстоятельствами, не зависящими от воли защищаемого лица.

Проанализируем каждый этап, раскроем его содержание, правовую основу, выявим организационные и правовые недостатки и предложим пути их совершенствования.

Первым элементом реализации меры безопасности в виде выдачи специальных средств, оружия является их выдача, то есть совершение установленных действий, направленных на выявление оснований и соблюдение порядка ее производства. С учетом того что сотрудники уголовно-исполнительной системы в связи со своим должностным положением имеют право на хранение и ношение оружия, они могут получить свое табельное оружие на постоянное ношение. Порядок и условия получения оружия предусмотрены приказом ФСИН России «Об утверждении инструкции о порядке постоянного ношения и хранения боевого огнестрельного оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудниками уголовно-исполнительной системы» [8].

Для получения оружия защищаемое лицо должно подтвердить наличие условий хранения оружия (металлический ящик с вну-

тренним замком, прикрепленный к полу и стене, к которому отсутствует свободный доступ посторонних лиц и детей), выполнить упражнения курса стрельб, сдать зачеты по знанию материальной части оружия и мер безопасности при обращении с ним.

Защищаемое лицо из числа близких лиц сотрудника уголовно-исполнительной системы при решении вопроса о выдаче ему оружия не должно иметь ограничений, установленных федеральным законом «Об оружии». По мере накопления практического опыта по применению мер безопасности увеличивается число близких лиц сотрудников, признаваемых в качестве защищаемых (родители, жена, муж, дети и т. д.). В случае необходимости выдачи им оружия порядок выдачи установлен постановлением Правительства Российской Федерации «О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите» [7].

Анализ отдельных положений закона о государственной защите и указанного постановления в части выдачи оружия защищаемому лицу, являющемуся близким лицом сотрудника уголовно-исполнительной системы, показал наличие между ними противоречий.

Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 12 закона о государственной защите применение и осуществление мер безопасности, в том числе выдача оружия, возлагается в отношении сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы и их близких на указанные органы. Согласно п. 2 постановления выдача защищаемым лицам оружия осуществляется специальными подразделениями ряда органов, обеспечивающих выполнение мер безопасности (федеральной службы безопасности, органов внутренних дел, таможенных органов и т. д.). В данном перечне учреждений и органов ФСИН России нет. Следовательно, на них возложена обязанность осуществления меры безопасности в виде выдачи оружия в отношении защищаемых лиц, являющихся близкими лицами сотрудников уголовно-исполнительной системы, однако непосредственная выдача ими оружия производиться не может. Данное противоречие должно быть устранено путем включения учреждений и органов уголовно-исполнительной системы в перечень субъектов, за которыми закреплена выдача оружия защищаемым лицам.

Вторым элементом реализации указанной меры безопасности выступают обстоятельства, определяющие условия и ха-

рактер пользования выданным оружием, специальными средствами (ношение, хранение, обращение с ними).

К боевому огнестрельному оружию, которое может быть выдано защищаемому лицу, можно отнести 5,45-мм пистолет самозарядный малокалиберный (ПСМ) и 9-мм пистолет Макарова, состоящие на вооружении уголовно-исполнительной системы. К оружию выдаются принадлежности (кобура, пистолетный ремешок и т. д.).

Защищаемые лица обязаны принять необходимые меры к сохранности выданного оружия, боеприпасов, специальных средств, соблюдать установленные требования к их ношению и хранению. В случае несоблюдения установленных законодательством правил обращения с оружием, а также порчи или утраты в отношении нарушителей могут быть применены меры государственного принуждения [9], выражающиеся в привлечении защищаемого лица к административной ответственности по признакам административного правонарушения, предусмотренного ч. 4–4.1 ст. 20.8 КоАП РФ («Нарушение правил хранения, ношения оружия и патронов к нему», «Ношение огнестрельного оружия лицом в состоянии алкогольного опьянения»), ч. 2–3 ст. 20.13 КоАП РФ («Стрельба из оружия в населенных пунктах или в других не отведенных для этого местах»). В случае нарушений лицом правил хранения или ношения выданного оружия, при этом если эти деяния повлекли наступление последствий в виде смерти человека или иные тяжкие последствия, нарушитель может быть привлечен к уголовной ответственности по признакам преступления, предусмотренного ст. 224 УК РФ.

Стоит обратить внимание на особенности привлечения к ответственности за совершенные административные правонарушения защищаемыми лицами из числа сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Так, в соответствии ч. 1 ст. 2.5 КоАП РФ сотрудники за совершенные административные правонарушения несут дисциплинарную ответственность, кроме ряда административных правонарушений, указанных в ч. 2 данной статьи. Административные правонарушения в сфере нарушения правил хранения и ношения и обращения с выданным оружием, предусмотренные ч. 4–4.1 ст. 20.8 и ст. 20.13 КоАП РФ, среди правонарушений, предусмотренных ч. 2 ст. 2.5, законодателем не предусмотрены.

Таким образом, защищаемые лица из числа сотрудников ФСИН России, совершившие указанные правонарушения и преступления, подлежат дисциплинарной и уголовной ответственности соответственно, а защищаемые лица из числа близких или родных, не являющихся сотрудниками, за совершение тех же противоправных деяний подлежат административной и уголовной ответственности.

Заключительным (факультативным) элементом в реализации исследуемой меры безопасности в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких могут выступать обстоятельства, связанные с возникновением оснований для применения и непосредственным применением выданного оружия, специальных средств защищаемыми лицами.

Применение оружия и специальных средств защищаемыми лицами, а также сотрудниками подразделений, обеспечивающих их безопасность, осуществляется на основании и в порядке, предусмотренном гл. 5 закона «Об органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [2] и ст. 24 закона «Об оружии».

В соответствии с законом «Об органах и учреждениях, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» сотрудники уголовно-исполнительной системы применяют оружие, специальные средства и физическую силу на территории исправительных учреждений, прилегающих к ним режимных территориях. Применение специальных средств и оружия является одним из основных средств, обеспечивающих безопасность, и правовым средством государственной защиты сотрудников ФСИН России. Законодатель определил границы, в пределах которых данное право может быть реализовано сотрудниками для защиты своей жизни, здоровья и имущества, а также других граждан, находящихся на территории исправительных учреждений.

Как показывает ведомственная статистика, вред здоровью сотрудников в связи с выполнением ими служебных обязанностей причиняется в том числе и за пределами территорий учреждений уголовно-исполнительной системы.

Посягательства на имущество сотрудника и его близких также предполагают повреждение либо уничтожение различными общественно опасными способами (поджог, взрыв, разрушение и т. д.) его имущества

(квартира, загородный дом, дача, земельный участок, транспортное средство и т. д.), находящегося за пределами учреждения. Гарантировать защищаемым лицам, а также органам, обеспечивающим их безопасность, реализацию своего права на применение оружия, специальных средств и физической силы без правовой регламентации их применения за пределами учреждений, исполняющих наказания, следственных изоляторов невозможно. Подобный правовой пробел должен быть устранен.

Таким образом, мера безопасности в виде выдачи специальных средств и оружия, применяемая в отношении сотрудников уголовно-исполнительной системы и их близких, является эффективным средством обеспечения безопасности защищаемых лиц, поскольку сотрудники имеют навыки обращения с табельным оружием.

В целях совершенствования порядка и правил применения указанной меры безопасности предлагается внести изменения в отдельные нормативные правовые акты:

1) в постановлении Правительства Российской Федерации «О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите» п. 2 изложить в следующей редакции:

2. Выдача защищаемым лицам оружия и боеприпасов к нему производится в соответствии со статьей 12 Федерального закона «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» специальными подразделениями органов внутренних дел,

органов федеральной службы безопасности, федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в сфере деятельности войск национальной гвардии Российской Федерации, таможенных органов, органов государственной охраны, органов и учреждений уголовно-исполнительной системы, а также командованием соответствующих военных учреждений либо соответствующих органов военной полиции Вооруженных Сил Российской Федерации (далее именуются органы, обеспечивающие безопасность);

2) в законе «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» абз. 1 ст. 28 изложить в следующей редакции:

Сотрудники уголовно-исполнительной системы применяют физическую силу, специальные средства, оружие на территориях учреждений, исполняющих наказания, прилегающих к ним территориях, на которых установлены режимные требования, и на охраняемых объектах в порядке, предусмотренном Законом и другими законами, а в случае осуществления мер государственной защиты, предусмотренных законом от 20.04.1995 № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов», защищаемые лица из числа сотрудников уголовно-исполнительной системы, субъекты, обеспечивающие безопасность защищаемых лиц, – за пределами территории указанных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Галахов С. С. Правовые и прикладные проблемы применения мер безопасности в территориальных органах ФСИН России // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. 2015. № 2. С. 30–37.
2. Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы : закон Рос. Федерации от 21.07.1993 № 5473-1 // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Рос. Федерации. 1993. № 33. Ст. 1316.
3. О недостатках в организации режима и обеспечении надзора за подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными в исправительных учреждениях и следственных изоляторах в 2017 году : информ. письмо ФСИН России от 26.02.2018 исх. № 03-12891. Документ опубликован не был.
4. Каримова Г. Ю., Маликова Н. В. Правовое регулирование выдачи оружия как меры безопасности, применяемой в отношении судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов // Российский судья. 2013. № 13. С. 37–40.
5. Майстренко Г. А. Безопасность сотрудников уголовно-исполнительной системы как государственная форма защиты и пути ее решения // Российский следователь. 2016. № 6. С. 43–45.
6. Пилипенко В. Г., Девяшин Д. Г. Правовые основы обеспечения личной безопасности сотрудника уголовно-исполнительной системы : учеб. пособие. Томск, 2014.
7. О порядке выдачи оружия лицам, подлежащим государственной защите : постановление Правительства Рос. Федерации от 17.07.1996 № 831 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 31. Ст. 3723.
8. Об утверждении инструкции о порядке постоянного ношения и хранения боевого огнестрельного оружия, боеприпасов и специальных средств сотрудниками уголовно-исполнительной системы : приказ ФСИН России от 11.05.2006 № 223 // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2008. № 6.
9. Старостин С. А. Проблемы производства по административным делам об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 4 (32). С. 16–19.
10. О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов : федер. закон от 20.04.1996 № 45-ФЗ // Рос. газ. 1995. 26 апр.

REFERENCES

1. Galahov S. S. Pravovye i prikladnye problemy primeneniya mer bezopasnosti v territorial'nyh organah FSIN Rossii [Legal and Applied Problems of Application of Security Measures in Territorial Bodies of the Federal Penal Service of Russia]. Deyatel'nost' organov vnutrennih del po obespecheniyu bezopasnosti lic, podlezhashchih gosudarstvennoj zashchite v sovremennyh usloviyah: voprosy teorii i praktiki – The activities of the internal affairs bodies to ensure the safety of persons subject to state protection in modern conditions: theory and practice. 2015. Iss. 2. P. 30–37. (In Russ.).
2. Ob uchrezhdeniyah i organah, ispolnyayushchih ugovnyye nakazaniya v vide lisheniya svobody : zakon Ros. Federacii ot 21.07.1993 № 5473-1 [On institutions and bodies that carry out criminal penalties in the form of deprivation of liberty: law of the Russian Federation from 21.07.1993 No. 5473-1]. Vedomosti S'ezda narodnyh deputatov i Verhovnogo Soveta Ros. Federacii – Gazette of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the Russian Federation. 1993. Iss. 33. Art. 1316. (In Russ.).
3. O nedostatках v organizacii rezhima i obespechenii nadzora za podozrevaemymi, obvinyaemymi i osuzhdennymi v ispravitel'nyh uchrezhdeniyah i sledstvennyh izolyatorah v 2017 godu : inform. pis'mo FSIN Rossii ot 26.02.2018 iskh. № 03-12891 [On the shortcomings in the organization of the regime and the provision of supervision of the suspects, accused and convicted in prisons and pre-trial detention centers in 2017 : information letter of the Federal Penal Service of Russia from 26.02.2018 No. 03-12891]. Dokument opublikovan ne byl – The document was not published. (In Russ.).
4. Karimova G. YU., Malikova N. V. Pravovoe regulirovanie vydachi oruzhiya kak mery bezopasnosti, primenyaemoy v otnoshenii sudej, dolzhnostnyh lic pravoohranitel'nyh i kontroliruyushchih organov [Legal regulation of the issue of arms as a security measure applied to judges, law enforcement and regulatory officials]. Rossijskij sud'ya – The Russian judge. 2013. Iss. 13. P. 37–40. (In Russ.).
5. Majstrenko G. A. Bezopasnost' sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy kak gosudarstvennaya forma zashchity i puti ee resheniya [Safety of the staff of the penal system as a state form of protection and ways to solve it]. Rossijskij sledovatel' – Russian Investigator. 2016. Iss. 6. P. 43–45. (In Russ.).
6. Pilipenko V. G., Devyashin D. G. Pravovye osnovy obespecheniya lichnoj bezopasnosti sotrudnika ugovolno-ispolnitel'noj sistemy ; ucheb. posobie [The legal basis for ensuring the personal safety of the officer of the penal system : tutorial]. Tomsk, 2014. (In Russ.).
7. O poryadke vydachi oruzhiya licam, podlezhashchim gosudarstvennoj zashchite : postanovlenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 17.07.1996 № 831 [On the procedure for issuing weapons to persons subject to state protection: Decree of the Government of the Russian Federation from 17.07.1996 No. 831]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. Iss. 31. Art. 3723. (In Russ.).
8. Ob utverzhenii instrukcii o poryadke postoyannogo nosheniya i hraneniya boevogo ognestrel'nogo oruzhiya, boeprirasov i special'nyh sredstv sotrudnikami ugovolno-ispolnitel'noj sistemy : prikaz FSIN Rossii ot 11.05.2006 № 223 [On approval of the instruction on the procedure for the permanent carrying and storage of firearms, ammunition and special means by the officers of the penal system : the order of the FSIN of Russia as of 11.05.2006 No. 223]. Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noj sistemy – Journal of the penal system. 2008. Iss. 6. (In Russ.).
9. Starostin S. A. Problemy proizvodstva po administrativnym delam ob administrativnom nadzore za licami, osvobodivshimisya iz mest lisheniya svobody [Problems of production in administrative cases on administrative supervision of persons released from places of deprivation of liberty]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2015. Iss. 4 (32). P. 16–19. (In Russ.).
10. O gosudarstvennoj zashchite sudej, dolzhnostnyh lic pravoohranitel'nyh i kontroliruyushchih organov : feder. zakon ot 20.04.1996 № 45-FZ [On the State Protection of Judges, Officials of Law Enforcement and Supervisory Bodies: Federal Law from 20.04.1996 No. 45-FL]. Ros. gaz. – The Russian Newspaper. 1995. April 26. (In Russ.).

УДК 343.825

Обеспечение реализации свободы совести и свободы вероисповедания как средство исправления осужденных

А. М. РУДАКОВ – научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России

Реферат

В статье предложено правовое и психолого-педагогическое обоснование включения обеспечения реализации свободы совести и свободы вероисповедания в состав средств исправления осужденных, предложена авторская модель такого обеспечения в форме политического информирования, философского и идеологического просвещения осужденных в опосредованной форме, которая предполагает именно свободный выбор, осуществляемый осужденными в направлении дополнения и изменения прежде сформированного у них мировоззрения.

В работе основной акцент сделан на формирование общественного мнения в среде осужденных и трансляцию его положений в их я-концепцию посредством убеждений. Эффективность предлагаемого механизма реализации гипотетического средства исправления осужденных в виде обеспечения реализации ими свободы совести и свободы вероисповедания обусловлена преодолением имеющегося

в когнитивном элементе я-концепции осужденного эзотерического разрыва, предполагающего отсутствие понимания им причинно-следственных связей: источник информации – мои знания. Как полагает автор, каждый человек стремится заполнить пробелы в актуальном мировоззрении, и сведения об источниках информации будут особо интересны осужденным, помогут им раскрыть истинные намерения субъектов, сформировавших их криминальные убеждения, а также методы и средства ухищренного формирования деструктивных убеждений и установок. Важно отметить, что предлагаемые формы обеспечения реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных не носят директивного характера, а рассчитаны именно на свободный выбор осужденных при их изучении. Задача сотрудников исправительных учреждений состоит в обеспечении доступности этой информации для осужденных, а также в создании благоприятных условий для ее усвоения.

В заключении статьи приведены преимущества обеспечения реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных как средства их исправления перед иными средствами: воспитательной работой, получением общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия; раскрыты предполагаемые результаты такого обеспечения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : свобода совести; свобода вероисповедания; убеждения; исправление; уважительное отношение; исправление; средства исправления.

Ensuring the realization of freedom of conscience and freedom of religion as a means of correcting convicts

A. M. RUDAKOV – Researcher of the Research Laboratory of the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The author proposes a legal and psychological-pedagogical justification for including the provision of freedom of conscience and religious freedom in the means of correcting convicts; an author's model of such provision is offered in the form of political information, philosophical and ideological education of convicts in an indirect form, which presupposes the free choice exercised by convicted persons in the direction of completing and changing the worldview that they formed before them.

The main focus of the work is the formation of public opinion among convicts and the translation of its provisions into their self-concept through convictions. The effectiveness of the proposed mechanism for implementing a hypothetical means of correcting convicts in the form of ensuring the exercise of their freedom of conscience and freedom of religion is due to the overcoming of the self-concept of the condemned esoteric gap that exists in the cognitive element, implying a lack of understanding of cause and effect relationships: the source of information is my knowledge. As the author believes each person seeks to fill in the gaps in the current worldview, and information about sources of information will be of particular interest to convicts, help them to disclose the true intentions of the subjects who formed their criminal beliefs as well as methods and means of cleverly forming destructive beliefs and attitudes. It is important to note that the proposed forms of ensuring the exercise of freedom of conscience and freedom of religion for convicts are not of a directive character but are formed specifically for the free choice of convicts when studying them. The task of prison staff is to make this information available to convicts as well as to create favorable conditions for its assimilation.

The article concludes with the advantages of ensuring the realization of freedom of conscience and freedom of religion for convicts as a means of correcting them before other means: educational work, general education, vocational training and social impact; the expected results of such provision are disclosed.

Key words: freedom of conscience; freedom of religion; beliefs; correction; respectful attitude; correction; means of correction.

Согласно ст. 9 УИК РФ исправление осужденных – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование право-

послушного поведения. Таким образом, юридическое понятие «исправление» включает в себя два вида психолого-педагогического воздействия: формирование и стимулирование, что, как справедливо определил

П. В. Голодов, соответствует двум основным типам мотивирования человеческого поведения – внутреннему и внешнему [1, с. 32]. Вместе с тем такие ученые, как А. В. Бриллиантов, Ю. Е. Пудовочкин, С. И. Курганов, П. В. Голодов, считают, что перечень средств исправления осужденных, приведенный в ч. 2 ст. 9 УИК РФ, является исчерпывающим и его дополнение нецелесообразно, однако полагаем, что обеспечение реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных как средство их исправления необходимо включить в этот перечень ввиду того, что потенциал его исправительной эффективности не раскрыт полностью. В рамках данной статьи представим расширенное толкование предлагаемого средства исправления и обоснуем целесообразность его применения.

В толковых словарях под исправлением понимается процесс изменения к лучшему, освобождение от каких-либо недостатков, пороков; улучшения как результат освобождения от недостатков, погрешностей [16, с. 201]; переделывания на лучший лад, изменения, становления добросовестным [2, с. 56]. Э. Лукас под исправлением понимает процесс, запускаемый импульсом – желанием изменить что-то неправильное, устранить духовный или психологический дискомфорт [7, с. 156].

Средство – прием, способ действий для достижения чего-либо, а также предмет, приспособление, необходимые для осуществления какой-либо деятельности [16, с. 649–650]. В психолого-педагогическом аспекте средство – это материальные объекты и предметы духовной культуры, предназначенные для организации и осуществления педагогического процесса и выполняющие функции развития учащихся; предметная поддержка педагогического процесса, а также разнообразная деятельность, в которую включаются воспитанники: труд, игра, учение, общение, познание [3, с. 44; 12, с. 21].

Под формированием сознания в психолого-педагогическом аспекте понимаются акты социального поведения в реальной деятельности, в ходе которой складываются моральные понятия, а также чувства, привычки и другие неосознанные компоненты нравственного облика личности [6, с. 47].

По мнению А. В. Кирьяковой «исправление» – это отношение. Отношение к людям и деятельности – это субъективная сторона отражения действительности, результат взаимодействия со средой. Осознание сво-

их отношений рождает соответствующие чувства и эмоции, которые стимулируют деятельность и влияют на развитие направленности личности [6, с. 36]. В свою очередь, направленность личности – одно из важнейших свойств личности, которое выражается в целях и мотивах поведения, потребностях, интересах, идеалах, убеждениях и установках [11, с. 275, 321]. Формирование отношения – это оценка значимости объектов и предметов окружающего мира для индивида [14, с. 231]. Синонимом формирования отношений в психологии можно назвать интериоризацию – формирование стабильных структурно-функциональных единиц сознания через усвоение внешних действий с предметами и овладение внешними знаковыми средствами, усвоение информации, знаний, ролей и ценностных предпочтений. Важно отметить, что для завершения процесса формирования высших психических функций требуется еще обеспечение процесса интеллектуализации (или рационализации) [8, с. 185].

В свою очередь, уважительное отношение – указание на важность определенных отношений для человека, придание этим отношениям высокой ценности (значимости, смысла), а также высокая оценка средств в системе ценностей, построение на основе такой оценки соответствующих общественных отношений, выражающихся в том числе в стремлении к приобщению к нему (или к ним), либо его (или их) присвоение и использование. Уважение носит аксиологический характер и соотносится с оценочными компонентами общественного мнения, убеждений и я-концепции, обуславливается их когнитивным и чувственно-эмоциональными компонентами [10, с. 43]. Необходимо подчеркнуть, что смысл, вкладываемый во все эти понятия, из которых формируются уважение и неуважение, определяется характером общества и присущих ему социальных отношений [13, с. 362]. Именно через выбор цели и смысла жизни как основ определения системы ценностей и значимости отношений и проявляется свобода человека [20, с. 219]. Важно сделать акцент на том, что в отличие от взаимоотношения отношение не предполагает ожидания зеркального поведения или оценки, что позволяет пресечь реактивность восприятия и поведения (конформности) и сформировать проактивность.

Как правило, в места лишения свободы направляются индивиды с я-концепцией с искаженным содержанием (эгоцентрическим,

узкогедонистическим, криминальным) ее элементов. В целом под я-концепцией понимается относительно устойчивая, более или менее осознанная, переживаемая как неповторимая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он строит взаимодействие с другими людьми и относится к себе [11, с. 635]. Важно отметить, что ее элементы (когнитивный; чувственно-эмоциональный, эстетический; аксиологический (оценочный, смысловой); поведенческий [21, с. 51]) формируются из компонентов общественного мнения посредством убеждений, преобладающих в процессе социализации личности. Когнитивный уровень ответственен за информационную сторону формирования я-концепции, эстетический – за чувственно-эмоциональную реакцию, аксиологический элемент проявляется в форме итоговой оценочной интерпретации и определения значимости, после которой следует волевой акт [9, с. 35–37].

Убеждения осуществляют посредническую функцию между элементами общественного мнения и элементами я-концепции по соответствующим каналам формирования: когнитивный, эмоциональный, аксиологический. Вместе с тем под убеждениями Б. Г. Мещеряков и В. П. Зинченко понимают представления, знания, идеи, ставшие мотивами поведения человека и определяющие его отношение к разным сферам действительности. Важно отметить, что формирование убеждений происходит на основе личного опыта человека в результате его деятельности и связано с признанием и непосредственным переживанием их истинности и с потребностью реализовать их в жизни. Именно личный опыт порождает у человека определенные чувства и переживания, отношение к окружающему [8, с. 501–502]. В социологическом аспекте, согласно Р. С. Немову, убеждения проявляются в виде социальной установки, как устойчивое отношение человека или группы людей к кому-либо или к чему-либо. Объектами социальной установки могут быть сам человек, окружающие его люди или группы людей, социальные процессы и события, предметы материальной или духовной культуры и т. п. [10, с. 449].

Результатом процесса формирования убеждений является убежденность – особое качество личности, определяющее общую направленность всей ее деятельности и выступающее регулятором ее сознания и поведения. Убежденность выражается в субъективном отношении личности к своим

поступкам и убеждениям, связанном с глубиной и обоснованной уверенностью в истинности знаний, принципов и идеалов, которыми она руководствуется. Осознанные на основе убежденности личные потребности, ценностные ориентации и социальные нормы органически включаются в содержание форм жизнедеятельности и определяют поведение личности. Убежденность зависит от опыта личности и ее отношений с обществом. Она основывается на знаниях прежде всего мировоззренческого характера, которые оказывают определяющее влияние на волю человека, составляют содержание мотивов деятельности, формируют установки личности. Убежденность является идейно-психологической основой развития таких волевых качеств, как решительность, стойкость, верность идеалам. Но она может принимать и извращенные формы, когда личность некритически усваивает определенные представления, догматически воспринимает непререкаемость некоторых принципов и авторитетов (предубеждений) [11, с. 531].

Обратимся к правовому толкованию понятия «убеждение». Согласно ч. 1 ст. 3 федерального закона «О свободе совести и о религиозных объединениях» в понятие «свобода совести и свобода вероисповедания» включено право свободно выбирать и менять, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними [17]. В категории «иных» законодатель рассматривает следующие убеждения: политические [3; 18], философские [19] и идеологические [15]. В соответствии с изложенным в порядке обеспечения сотрудниками исправительных учреждений реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных наряду с организацией богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, осуществлением обучения религии и религиозным воспитанием необходимо ввести следующие формы: политическое информирование, идеологическое и философское просвещение. Это обусловлено тем, что в системе убеждений осужденных имеются уязвимые места: в когнитивном элементе отсутствуют знания о субъектах, формирующих убеждения, об их истинных намерениях и целях управления общественным мнением (по терминологии А. Л. Дворкина, эзотерический разрыв). Реализация предлагаемых мероприятий позволит создать когнитивный диссонанс в структуре я-концепции осужденных. Согласно теории когнитивного диссонанса противо-

речие или конфликт в знаниях (в когнитивной сфере) человека о каком-либо объекте, значимом для него, вызывают неприятные эмоции, от которых он стремится избавиться путем приведения соответствующих знаний к согласованию, или когнитивному консонансу [10, с. 173].

Задачей сотрудников при обеспечении реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в предлагаемых формах является предоставление политической информации и интерпретация фактов, идеологическое и философское просвещение посредством привлечения специалистов в очной и заочной (телерадиотрансляции) формах для достижения у осужденных состояния когнитивного диссонанса и последующего когнитивного консонанса как результата самостоятельного дополнения или изменения осужденными имеющихся у них знаний таким образом, чтобы они способствовали преодолению эзотерического разрыва и сформировали новую систему «новый источник убеждений – смыслы – оценки – знания – чувства и эмоции – волевой акт», в которой бы элементы я-концепции личности осужденного пришли в гармонию друг с другом через преодоление внутриличностных конфликтов [10, с. 173].

Обозначим отличия обеспечения реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных как гипотетического средства исправления от средств исправления, указанных в ч. 2 ст. 9 УИК РФ (воспитательная работа, получение общего образования, профессионального обучения и общественное воздействие).

Во-первых, в соответствии с ч. 2 ст. 13 Конституции Российской Федерации никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной, что предполагает отсутствие единой оценочно-смысловой шкалы при организации воспитательной работы с осужденными, получения ими общего образования, профессионального обучения и общественного воздействия. Под целью, которая предполагается при реализации перечисленных средств исправления, понимается, как правило, «предвосхищаемый полезный результат, определяющий целостность и направленность поведения» [11, с. 583], который на практике выражается словами в адрес осужденного: «это тебе надо». Такая цель лишена смысла (общественного значения) и ориентирует человека на его прежнюю личностную узкогедонистическую паразитическую направленность. Вместе с тем неред-

ко для осужденного предлагаемые новые знания, умения и навыки «проигрывают» прежним «проверенным» криминальным навыкам в достижении той же цели («я лучше знаю, что мне надо»).

Во-вторых, меры воспитательного, образовательного или общественного характера не имеют общего смысла и ориентируются на ресоциализацию осужденного после освобождения, как правило, не составляют систему, рассогласованы, в том числе по субъектному составу, нацелены на отдельные элементы я-концепции осужденного: воспитательная работа ориентируется преимущественно на чувственно-эмоциональный, образование – на когнитивный, общественное воздействие происходит ситуационно.

В-третьих, без подготовки элементов я-концепции осужденного к восприятию новой информации (преодоления эзотерического разрыва посредством обличения субъектов, формирующих криминальные убеждения, их истинных целей, способов и средств; развенчания ложных идеалов, самостоятельного и добровольного отречения от них самих осужденных) любые меры воспитательного, образовательного или общественного характера будут иметь кратковременный эффект.

В-четвертых, меры воспитательного, образовательного или общественного характера имеют, как правило, директивную форму, что скорее дает отталкивающий эффект, поскольку осужденные априори не доверяют сотрудникам правоохранительных органов, а потому такая информация на уровне сознания или интроекции, вероятнее всего, будет отвергнута осужденными. Вместе с тем обеспечение реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных предполагает организованное сотрудниками распространение информации, формирующей убеждения, как правило, опосредованно – в местах, удобных для ознакомления с нею (аннотированные стенды и выставки в комнатах длительных и краткосрочных свиданий, жилых помещениях, спортзалах, местах для курения и иных местах преимущественного пребывания осужденных в личное время; каталоги видео- и аудиоматериалов для личного, группового и массового просмотра или прослушивания и т. п.).

Таким образом, обеспечение реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в этимологическом аспекте содержит в себе признаки понятия «средство, направленное на исправление осужденных». В семантическом аспекте пред-

лагаемое средство предполагает комплекс мер по изменению отношения осужденных к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития посредством воздействия на чувственно-эмоциональный элемент я-концепции когнитивными средствами политического информирования. Стимулирование правопослушного поведения у осужденных осуществляется через обнаружение смысла жизни и организацию деятельности для его реализации средствами логотерапии, экзистенциального анализа, организации богослужений, религиозных обрядов, религиозного, философского и идеологического просвещения.

Организационно-правовой механизм обеспечения реализации свободы совести и свободы вероисповедания осужденных в качестве средства исправления предполагает обеспечение свободного выбора осужденными предлагаемых им структурированных концептуальных систем знаний с целью самостоятельного формирования, дополнения, исправления картины мира, что в результате позволит:

- пресечь окончательную интериоризацию криминальных знаний посредством преодоления эзотерического разрыва;
- развить критическое мышление (обнаруживать намерения за формой их реализации);
- развенчать ложных авторитетов и гедонистические идеалы, культивирующие по-

требление как критерий достоинства человека;

- раскрыть социальный и духовный аспекты природы человека, цель и смысл его жизни, тем самым вновь сакрализовав профанированный масс-медиа образ человека;
- показать значимость человека, общества, труда, норм, правил и традиций человеческого общежития в иных идеологических плоскостях;
- оказать помощь осужденным в обнаружении смысла жизни и принятии соответствующей ему системы ценностей, в осмыслении прежнего криминального опыта и последующих за ним страданий. Важно обратить внимание на то, что смысл жизни именно обнаруживается, а значит, аспекты его реализации являются формой внешнего воздействия на осужденного в виде стимулов правопослушного поведения [7, с. 27];
- изменить отношение к труду как к способу самоактуализации, поиску и обнаружению личных талантов, их проявлению (смена реактивности на проактивность);
- сформировать патриотический взгляд на общество как группу единомышленников, коллег, соратников, братьев и сестер. В этом аспекте важно отметить, что интеграцию осужденных в общество необходимо производить именно на идейной патриотической основе, возбудив «в умах положительную силу, которая противодействовала всему несродному» [4, с. 125].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голодов П. В. Средства исправления осужденных: проблемы классификации и правовой регламентации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 2 (34). С. 30–34.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1981. Т. 2. 779 с.
3. Джумаева Н. Э., Сохибов А. Р. Педагогические термины и понятия. Карши, 2014. 70 с.
4. Жирков Г. В. История цензуры в России XIX–XX вв. : учеб. пособие. М., 2001. 368 с.
5. О средствах массовой информации : закон Рос. Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 02.07.2013) // Ведомости Съезда народных Депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1992. № 7. Ст. 300.
6. Кирьякова А. В. Теория ориентации личности в мире ценностей : моногр. Оренбург, 1996. 187 с.
7. Лукас Э. Учебник логотерапии. Представление о человеке и методы. М., 2017. 256 с.
8. Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. СПб., 2003. 632 с.
9. Михайлов В. А. Общественное мнение: структурно-функциональный подход // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 2. С. 35–49.
10. Немов Р. С. Психологический словарь. М., 2007. 560 с.
11. Психологический словарь. Ростов н/Д, 2004. 640 с.
12. Словарь педагогического обихода. Псков, 2003. 71 с.
13. Словарь по этике. М., 1989. 447 с.
14. Сурова Л. В. Педагогика духовного развития : сб. ст. разных лет. Можайск, 2014. 470 с.
15. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 (ред. от 05.02.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
16. Ушаков Д. Н. Толковый словарь современного русского языка. М., 2013. 800 с.
17. О свободе совести и о религиозных объединениях : федер. закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ (ред. от 06.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 39. Ст. 4465.
18. О политических партиях : федер. закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 07.05.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 29. Ст. 2950.
19. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 05.04.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
20. Франкл В. Логотерапия и экзистенциальный анализ: статьи и лекции. М., 2016. 344 с.
21. Франц В. А. Управление общественным мнением : учеб. пособие. Екатеринбург, 2016. 135 с.

REFERENCES

1. Golodov P. V. Sredstva ispravleniya osuzhdennykh: problemy klassifikatsii i pravovoj reglamentatsii [Remedies for convicts: problems of classification and legal regulation]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 2 (34). P. 30–34. (In Russ.).
2. Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t. [Explanatory dictionary of the living Great Russian language : in 4 vol.]. Moscow, 1981. Vol. 2. 779 p. (In Russ.).
3. Dzhumaeva N. E.H., Sohibov A. R. Pedagogicheskie terminy i ponyatiya [Pedagogical terms and concepts]. Karshi, 2014. 70 p. (In Russ.).
4. ZHirkov G. V. Istoriya cenzury v Rossii XIX–XX vv. : ucheb. posobie [The history of censorship in Russia XIX–XX centuries : tutorial]. Moscow, 2001. 368 p. (In Russ.).
5. O sredstvakh massovoj informatsii : zakon Ros. Federatsii ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 02.07.2013) [On the mass media : the law of the Russian Federation from 27.12.1991 No. 2124-1 (in red. on 02.07.2013)]. Vedomosti S'ezda narodnykh Deputatov Rossijskoj Federatsii i Verhovnogo Soveta Rossijskoj Federatsii – Gazette of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation. 1992. Iss. 7. Art. 300. (In Russ.).
6. Kir'yakova A. V. Teoriya orientatsii lichnosti v mire cennostej : monogr. [Theory of personality orientation in the world of values: monograph]. Orenburg. 1996. 187 p. (In Russ.).
7. Lukas E.H. Uchebnik logoterapii. Predstavlenie o cheloveke i metody [Textbook of logotherapy. The idea of man and methods]. Moscow, 2017. 256 p. (In Russ.).
8. Meshcheryakov B. G., Zinchenko V. P. Bol'shoj psichologicheskij slovar' [Great psychological dictionary]. St. Petersburg, 2003. 632 p. (In Russ.).
9. Mihajlov V. A. Obshchestvennoe mnenie: strukturno-funktsional'nyj podhod [Public opinion: structural and functional approach]. Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Tver State University. 2015. Iss. 2. P. 35–49. (In Russ.).
10. Nemov R. S. Psichologicheskij slovar' [Psychological dictionary]. Moscow, 2007. 560 p. (In Russ.).
11. Psichologicheskij slovar' [Psychological dictionary]. Rostov-on-Don, 2004. 640 p. (In Russ.).
12. Slovar' pedagogicheskogo obihoda [Dictionary of pedagogical usage]. Pskov, 2003. 71 p. (In Russ.).
13. Slovar' po ehlike [Dictionary of Ethics]. Moscow, 1989. 447 p. (In Russ.).
14. Surova L. V. Pedagogika duhovnogo razvitiya : sb. st. raznykh let [Pedagogy of spiritual development : a collection of articles from different years]. Mzhaysk, 2014. 470 p. (In Russ.).
15. Trudovoj kodeks Rossijskoj Federatsii ot 30.12.2001 (red. ot 05.02.2018) [Labor Code of the Russian Federation from 30.12.2001 (in red. on 05.02.2018)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. Iss. 1 (part 1). Art. 3. (In Russ.).
16. Ushakov D. N. Tolkovyj slovar' sovremennogo russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the modern Russian language]. Moscow, 2013. 800 p. (In Russ.).
17. O svobode sovesti i o religioznykh ob'edineniyah : feder. zakon ot 26.09.1997 № 125-FZ (red. ot 06.07.2016) [On Freedom of Conscience and on Religious Associations: Federal Law from 26.09.1997 No. 125-FL (in red. on 06.07.2016)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. Iss. 39. Art. 4465. (In Russ.).
18. O politicheskikh partiayah : feder. zakon ot 11.07.2001 № 95-FZ (red. ot 07.05.2013) [On political parties : the Federal Law from 11.07.2001 No. 95-FZ (in red. on 07.05.2013)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2001. Iss. 29. Art. 2950. (In Russ.).
19. O personal'nykh dannyh : feder. zakon ot 27.07.2006 № 152-FZ (red. ot 05.04.2013) [On Personal Data : Federal Law from 27.07.2006 No. 152-FL (in red. on 05.04.2013)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2006. Iss. 31 (part 1). Art. 3451. (In Russ.).
20. Frankl V. Logoterapiya i ehkzistentsial'nyj analiz: stat'i i lektsii [Logotherapy and existential analysis: articles and lectures.]. Moscow, 2016. 344 p. (In Russ.).
21. Franc V. A. Upravlenie obshchestvennym mneniem : ucheb. posobie [Management of public opinion : tutorial]. Ekaterinburg, 2016. 135 p. (In Russ.).

УДК 343.85

Риски, вызванные массовым использованием беспилотных летательных аппаратов, для уголовно-исполнительной системы

А.И. БЫКОВ – научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России

Реферат

В статье раскрывается взгляд на проблему доставки запрещенных предметов, вещей на территорию исправительных учреждений и следственных изоляторов Федеральной службы исполнения наказаний. Акцентируется внимание на активном развитии технологий, в частности на появлении беспилотных летательных аппаратов и их неправомерном использовании при доставке запрещенных предметов на территорию учреждений уголовно-исполнительной системы, а также на отсутствии в исправительных учреждениях и следственных изоляторах специальных средств противодействия беспилотникам, что позволяет как осужденным, так и гражда-

нам за пределами исправительных учреждений осуществлять противоправные действия по доставке запрещенных предметов. Предлагаются варианты решения рассматриваемой проблемы. Результаты исследования могут иметь как теоретическую, так и практическую значимость в деятельности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний и иных органов внутренних дел.

Ключевые слова: беспилотный летательный аппарат; БПЛА; исправительное учреждение; запрещенные предметы; беспилотник; доставка.

Risks for the penal system caused by the mass use of unmanned aerial vehicles

A. I. BYKOV – Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

The article reveals a view on the problem of the delivery of prohibited items, things to the territory of correctional facilities and pre-trial detention centers of the Federal Penal Service. The author emphasizes the active development of technologies, which entails the modernization of society as a whole. The historical background of the appearance of unmanned aerial vehicles is given and an analysis of their functional component is carried out. Examples of methods for the delivery of prohibited items are given and the modern application of unmanned vehicles for these purposes is analyzed. The author also focuses attention on the fact that in correctional institutions and pre-trial detention centers there are no special means of counteraction to drones, which allows both convicts and citizens outside the penal institutions to carry out unlawful actions to deliver prohibited items. The variants of solving the problem under consideration are proposed. The results of the research can have both theoretical and practical significance in the work of the employees of the Federal Penal Service and other internal affairs bodies.

Key words: unmanned aerial vehicle; UAV; correctional institution; prohibited items; drone; delivery

Бурное развитие технологий в настоящее время влияет на большинство процессов жизнедеятельности граждан, что сопровождается их улучшением и модификацией. Однако часть технологий используется в неправомыслии целях. Одним из таких изобретений является беспилотный летательный аппарат (БПЛА, беспилотник).

История данного аппарата берет начало в конце XIX в., в 1899 г., когда Никола Тесла воплотил идею радиоуправляемых объектов в реальность и продемонстрировал первый беспилотник. В 1910 г. Чарльз Кеттеринг, английский военный инженер, начал такой аппарат взрывчаткой.

Все разработки подобного рода относились к военно-стратегическим. Так, в 1933 г. английские военные инженеры использовали беспилотник для тренировок летчиков в качестве мишени. Он был схож с бипланом Fairy Queen [2, с. 68]. Во время Второй мировой войны СССР использовал БПЛА ТБ-3 в целях разрушения мостов, Германия создала радиоуправляемые бомбы Henschel Hs 293 и Fritz X, а также «самолет-ракета» Фау-1 и Фау-2, США применяли беспилотники в целях тренировки пилотов, а также соз-

дали беспилотный ударный бомбардировщик Interstate TDR-1, идентичный немецкому Фау-1.

По окончании войны многие страны начали разработку беспилотных летательных аппаратов, которые не только использовались в военных целях, но и выполняли задачи разведки, транспортировки, наблюдения, фото- и видеосъемки.

В 1990-х гг. появляются беспилотники, построенные на летательной схеме вертолета и осуществляющие вертикальный взлет, что позволило выполнять задачи военной и гражданской направленности. Массовое производство таких аппаратов в начале XXI в. связано с возможностью их многофункционального использования в разных сферах жизнедеятельности человека: спасательной, строительной, научной, сельскохозяйственной, кинематографической, энергетической и др. Функционал летательного аппарата зависит от его оснащения, от тех технических средств, видео- и фотосъемочных приборов, оружия, которым он оборудован.

Модернизировать беспилотник можно магнитометром, который будет удерживать

продольные оси в постоянном направлении, а также измерять магнитные поля. Датчик высоты (барометр) даст возможность аппарату совершать полет на постоянной высоте. GPS-приемник будет определять координаты своего местоположения, может удерживать позиции по заданным координатам, то есть летать по определенному маршруту, а также возвращаться в изначальное место запуска. Звуковой локатор, своеобразная аналогия барометру, обеспечит более точное удержание высоты. Оптический датчик позволит летательному аппарату точно позиционироваться по вертикали. Для более длительного полета могут устанавливаться дополнительные аккумуляторы (для беспилотника электрического типа) или топливный бак (для роторного типа).

Также летательный аппарат может быть оборудован радиостанцией, действующей в качестве воздушного ретранслятора, аппаратурой для сбора информации и радиоэлектронной борьбы, различными датчиками и лазерными локаторами, креплениями для транспортировки различных грузов.

В большинстве случаев беспилотники осуществляют мониторинг и фото- и видеосъемку при разных погодных условиях, днем и ночью.

Стоимость рассматриваемых аппаратов варьируется от нескольких тысяч рублей за любительскую модель и нескольких сотен тысяч долларов за профессиональную. С 2014 г. мировой объем рынка беспилотников непрерывно растет и, по данным компании «Форкаст интернэшнл», к 2023 г. составит 67,3 млрд долларов [4]. При этом доступность аппаратов будет только увеличиваться. С 2015 г. по настоящее время в России количество беспилотных летательных аппаратов в пользовании граждан увеличилось в девять раз и составляет около 30 тыс. [1; 3].

Беспилотные летательные аппараты могут использоваться и в различных неправомерных целях, таких как совершение террористических актов, нанесение вреда гражданскому населению, уничтожение различного рода объектов, строений, диверсии. Этот список не является исчерпывающим. К ним также можно отнести и доставку запрещенных предметов на территорию исправительных учреждений.

В соответствии с п. 8 ст. 82 УИК РФ, а также приложением № 1 к приказу Минюста России № 295 от 16.12.2016 [5] имеется ряд предметов, веществ, изделий, которые запрещены для свободного оборота среди осужденных. К таковым относятся теле-

фоны, наркотические и психотропные вещества, спиртные напитки, оружие и иные предметы. Однако запрещенные предметы попадают на территорию исправительных учреждений посредством забросов, с помощью сотрудников и иных лиц, осуществляющих свои профессиональные обязанности на территории исправительных учреждений.

В целях предотвращения таких действий используются различные инженерно-технические средства охраны и надзора: защитные и преграждающие средства и конструкции, технические средства и системы обнаружения, механические, электромеханические, электрические, электронные устройства, конструкции и программные средства, обеспечивающие реализацию контроля и управление доступом.

Наблюдается определенное ужесточение мер дисциплинарной ответственности сотрудников, проносящих запрещенные предметы на территорию исправительных учреждений. Проносы, которые осуществляются лицами, выполняющими свои профессиональные обязанности на территории исправительных учреждений, пресекаются посредством досмотра при входе и выходе с охраняемого объекта, а также фиксируются с помощью средств видеонаблюдения. В целях профилактики противоправных действий с сотрудниками регулярно проводится инструктаж на тему уголовной и административной ответственности за подобные правонарушения.

С 2014 г. от территориальных органов ФСИН России стала поступать информация об использовании беспилотных летательных аппаратов для доставки на территории исправительных учреждений запрещенных предметов. По данным управления режима и надзора ФСИН России, в 2015 г. было зафиксировано восемь таких случаев, в 2016 г. – 19. В 2017 г. подобные факты были зафиксированы в 23 территориальных органах уголовно-исполнительной системы. Так, в феврале 2017 г. был изъят беспилотник в Брянской области, в марте – в Томской, в апреле – в Волгоградской области и на Камчатке. Были зафиксированы попытки доставки запрещенных предметов заключенным с помощью беспилотников в Тамбове, Нижневартовске, Свердловской области и Москве. В июле 2017 г. над территорией ИК-3 УФСИН России по Магаданской области пролетал «Фантом-1», на котором были закреплены два мобильных телефона. В какой-то момент этот летательный аппарат потерял управление и в аварийном режиме

приземлился на территорию колонии, где его обнаружили и изъяли сотрудники учреждения. Только с начала 2017 г. было зафиксировано 26 случаев падения таких аппаратов на территории учреждений ФСИН России.

В связи с этим хотелось бы отметить, что основной проблемой является отсутствие эффективного противодействия беспилотным летательным аппаратам со стороны учреждений уголовно-исполнительной системы. Часть полетов фиксируется средствами видеонаблюдения или сотрудниками, однако чаще всего злоумышленники достигают поставленной цели. В настоящее время учреждения ФСИН России не имеют ни сил, ни средств для противодействия полетам беспилотников над их территориями. Все случаи обнаружения аппаратов были связаны с их падением на землю или столкновением с различными объектами, что вызвано ошибками операторов, управляющих данными летательными аппаратами.

По сравнению с другими способами доставки запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения беспилотники обладают явными преимуществами. Если против проноса, а также иных методов доставки имеются рамки, детекторы и другие средства обнаружения, то здесь такое противодействие бездейственно. Большинство учреждений ФСИН России имеют обширные территории и не имеют системы противовоздушной обороны, в связи с чем в целях защиты от беспилотников требуется специальное оборудование. Данные аппараты обладают такими свойствами, которые можно отнести к новой группе рисков, угроз:

1. Неограниченная дальность управления (от нескольких десятков метров до 5 км и более).

2. Отсутствие прямого контакта. В большинстве случаев оператор осуществляет управление аппаратом, находясь вне зоны видимости видеонаблюдения, что не позволяет сотрудникам исправительного учреждения своевременно предупредить и пресекать противоправные действия.

3. Специфика частотного диапазона. В связи с активным развитием технологий и средств массовых коммуникаций беспилотники обладают новейшими средствами связи. Они используют частоты, которые не регистрируются, потому что отсутствуют приборы, работающие в соответствующем частотном диапазоне.

4. Отсутствие криминалистических следов. Большинство операторов для выпол-

нения задачи по доставке запрещенных предметов работают в специальном обмундировании, чтобы не оставить каких-либо отпечатков, следов. Помимо этого, трудно определить, откуда и в каком направлении беспилотник летел, что также имеет огромное значение для того, чтобы изобличить оператора.

Проведенный анализ позволяет выделить определенные тенденции в сфере применения беспилотных летательных аппаратов для доставки запрещенных предметов на территории исправительных учреждений и следственных изоляторов территориальных органов ФСИН России.

Во-первых, рост объемов производства, связанное с этим падение цен на беспилотники и их технологическое оснащение делают их более доступными для массового использования. В связи с этим следует ожидать рост правонарушений, связанных с доставкой запрещенных предметов на территории учреждений уголовно-исполнительной системы.

Во-вторых, постоянное развитие технологий навигации и телекоммуникаций создает условия совершенствования тактики и техники применения данных аппаратов. В ближайшее время это может привести к стремительному снижению аварий беспилотников из-за ошибок оператора.

В-третьих, отсутствие достаточных материально-технических средств для организованного противодействия полетам над территориями учреждений ФСИН России провоцирует рост применения беспилотных летательных аппаратов.

В-четвертых, постоянное повышение информационных компетенций людей ведет к активному освоению новейших технологий гражданами всех возрастов. Кроме того, есть примеры, когда лицо, отбывшее наказание, спустя полгода после освобождения осуществляло управление беспилотником с целью доставки запрещенных предметов на территорию исправительного учреждения. Его знания об учреждении, сотрудниках, времени и территории позволяли осуществлять полеты без каких-либо проблем.

Таким образом, беспилотные летательные аппараты создают новую группу рисков, которая характеризуется особыми свойствами, аналоги которым в настоящее время отсутствуют, что позволяет осуществлять различные правомерные задачи, в том числе доставку запрещенных предметов на территорию учреждений ФСИН России. Помимо этого, развитие технологий, массовых

коммуникаций не стоит на месте, функционал и оснащение беспилотников будут улучшаться, что приведет к новым угрозам.

Таким образом, целесообразно разработать комплекс по противодействию беспилотным летательным аппаратам, который

будет применяться на территориях исправительных учреждений и следственных изоляторов ФСИН России, с учетом их функциональных возможностей, а также обеспечить сотрудников необходимыми знаниями по эксплуатации данного комплекса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В УФСИН России по Курской области проходит апробацию оборудование по защите проникновения в исправительные учреждения запрещенных предметов с помощью беспилотных летательных аппаратов. URL: http://46.fsin.su/news/detail.php?month=9&year=2017&ELEMENT_ID=327446 (дата обращения: 18.12.2017).
2. Коннова Л. А., Бончук Г. И. Об истории беспилотных летательных аппаратов и перспективах их использования в практике спасательных работ // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 3. С. 67–77.
3. Петров И. Посадка за взлет // Рос. газ. 2017. 24 нояб.
4. Преображенский Н. Мировой рынок беспилотников. URL: <https://vpk-news.ru/articles/18914> (дата обращения: 05.03.2018).
5. Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений : приказ Минюста России от 16.12.2016 № 295 : зарег. в Минюсте России 26.12.2016 № 44930 (ред. от 06.07.2017) .

REFERENCES

1. V UFSIN Rossii po Kurskoj oblasti prohodit aprobaciyu oborudovanie po zashchite proniknoveniya v ispravitel'nye uchrezhdeniya zapreshchennyh predmetov s pomoshch'yu bespilotnyh letatel'nyh apparatov [The Office of the Federal Penal Service of Russia in the Kursk region is approving equipment to protect the penetration of correctional facilities of prohibited items using unmanned aerial vehicles]. Available at: http://46.fsin.su/news/detail.php?month=9&year=2017&ELEMENT_ID=327446 (accessed 18.12.2017). (In Russ.).
2. Konnova L. A., Bonchuk G. I. Ob istorii bespilotnyh letatel'nyh apparatov i perspektivah ih ispol'zovaniya v praktike spasatel'nyh rabot [On the history of unmanned aerial vehicles and the prospects for their use in rescue practice]. Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva – Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2016. Iss. 3. P. 67–77. (In Russ.).
3. Petrov I. Posadka za vzlet [Landing for take-off]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2017. November, 24. (In Russ.).
4. Preobrazhenskij N. Mirovoj ryok bespilotnikov [World market of unmanned aircraft]. Available at: <https://vpk-news.ru/articles/18914> (accessed 05.03.2018). (In Russ.).
5. Ob utverzhdenii Pravil vnutrennego rasporyadka ispravitel'nyh uchrezhdenij : prikaz Minyusta Rossii ot 16.12.2016 № 295 : zareg. v Minyuste Rossii 26.12.2016 № 44930 (red. ot 06.07.2017) [On the approval of the Rules of Internal Regulations of Correctional Institutions : Order of the Ministry of Justice of Russia from 16.12.2016 No. 295 : registered in Ministry of Justice of Russia on 26.12.2016 No. 44930 (in red. on 06.07.2017)]. (In Russ.).

УДК 343.3/7

Уголовная ответственность за взяточничество: анализ статистических материалов и судебной практики по Калининградской области

Н. В. КАСТЕРИНА – заместитель начальника Гурьевского межмуниципального филиала ФСИН России по Калининградской области, кандидат психологических наук;

А. В. ПРОЗОРОВ – доцент кафедры уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета им. Иммануила Канта, кандидат педагогических наук, доцент

Реферат

В Калининградской области в 2016–2017 гг. суды вынесли обвинительный приговор менее чем в половине случаев рассмотрения уголовных дел за взяточничество. Частые причины: недоказанность вины, истечение сроков давности, переквалификация, лоббирование интересов и др.

Уголовные дела с неудачной судебной перспективой – это получение взяток в крупном размере, по которым суды вынесли мягкие приговоры. Такие приговоры

подрывают принцип справедливости и веру граждан в правосудие, создают социальное напряжение в обществе.

В целях совершенствования законодательства и повышения эффективности наказания за преступления, предусмотренные ст. 290–291.2 УК РФ, предлагается внести в него следующие изменения: преобразовать относительно определенные санкции в санкции определенные; исключить такие виды санкции, как штраф, исправительные и принудительные работы; увеличить сроки лишения свободы, чтобы минимальный срок составлял пять лет; ввести дополнительную меру наказания в виде конфискации имущества у преступника и его ближайших родственников; дополнить ч. 1 ст. 290 УК РФ после слов «или выгод имущественного» словом «неимущественного» для определения характера выгоды, которую должностное лицо извлекает за полученную взятку; исключить п. 3 из ч. 1 ст. 575 ГК РФ либо внести в него поправку, запрещающую дарение должностному лицу денежных средств в любом размере.

Ключевые слова: взяточничество; получение взятки; дача взятки; посредничество во взяточничестве; мелкое взяточничество; размер взятки; уголовная ответственность; санкции; конфискация.

Criminal responsibility for bribery: analysis of statistical materials and judicial practice in the Kaliningrad region

N. V. KASTERINA – Deputy Head of the Guryev inter-municipal branch of the Federal Penal Service of Russia in the Kaliningrad region, PhD. in Psychology;

A. V. PROZOROV – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baltic Federal Immanuel Kant University, PhD. in Pedagogy, Associate Professor

Abstract

In the Kaliningrad region in 2016–2017 years courts rendered a guilty verdict in less than half the cases of criminal cases for bribery. Frequent reasons: lack of evidence of guilt, expiration of the limitation period, retraining, lobbying of interests, etc.

Criminal cases with an unsuccessful judicial perspective are the receipt of bribes on a large scale, over which the courts issued mild sentences. Such sentences undermine the principle of justice and the citizens' faith in justice, create social tension in society.

In order to improve legislation and effectiveness of punishment for crimes under Art. 290-291.2 of the Criminal Code of the Russian Federation it is proposed to make the following changes to it: to transform relatively certain sanctions into certain sanctions; to exclude such types of sanctions as fine, corrective and forced labor; to increase the term of imprisonment the minimum period of five years; introduce an additional measure of punishment in the form of confiscation of property from the offender and his immediate family; to complement Part 1 of Art. 290 of the Criminal Code of the Russian Federation after the words «or the benefits of property» by the word «non-property» to determine the nature of the benefit that the official extracts for the bribe received; and also exclude p. 3 from part 1 of Art. 575 of the Civil Code of the Russian Federation or amend it to prohibit the granting of monetary funds to an official in any amount.

Key words: bribery; receiving bribes; giving bribes; mediation in bribery; petty bribery; the size of the bribe; criminal liability; sanctions; confiscation.

Взяточничество – негативное социальное явление, оно парализует работу системы органов государственного управления, дестабилизирует функционирование институтов власти. Взяточничество приводит к формированию в общественном сознании правового нигилизма, к утрате дове-

рия граждан к органам власти, к государственным служащим, убивает веру людей в законность и справедливость. Авторитет государства внутри страны и на международной арене подрывают вопиющие факты коррупционного поведения отдельных представителей органов власти и управле-

ния, которые, к сожалению, не всегда получают по заслугам.

В Калининградской области среди возбуждаемых уголовных дел коррупционной направленности лидирующую позицию занимает взяточничество, и в этом плане самый западный край России мало чем отличается от других ее регионов.

Базовыми актами, регулирующими вопросы квалификации взяточничества и противодействия ему, являются УК РФ, Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции», Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» [1].

Глава 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» предусматривает четыре состава преступления, связанные со взяточничеством: «Получение взятки» (ст. 290), «Дача взятки» (ст. 291), «Посредничество во взяточничестве» (ст. 291.1), «Мелкое взяточничество» (ст. 291.2).

Помимо приведенных выше нормативно-правовых актов местные правоохранительные органы опираются на закон № 73 «О противодействии коррупции в Калининградской области», который был принят Калининградской областной Думой 26 мая 2017 г. Данный закон регламентирует работу комиссий по координации работы по противодействию коррупции в Калининградской области и соблюдению требований к служебному поведению и урегулированию конфликта интересов, а также ряд иных вопросов.

Динамика рассматриваемых видов преступлений постоянно изменяется, но в среднем этот показатель в Калининградской области остается на уровне 41 преступления по ст. 290 УК РФ и 39 преступлений по ст. 291 УК РФ. Это связано с тем, что уголовные дела по данным статьям прекращаются в силу ряда причин: отсутствуют доказательства вины, истекли сроки давности, уголовное дело подлежало переквалификации, а также ввиду лоббирования интересов и трудностей выявления факта коррупции.

Проанализируем некоторые уголовные дела, которые были возбуждены в Калининградской области, и выясним некоторые связанные с ними проблемные вопросы.

Так, следственными органами Следственного комитета Российской Федерации по Калининградской области (СК России по

Калининградской области) 27 ноября 2017 г. завершено расследование уголовного дела в отношении трех бывших инспекторов ОГИБДД ОМВД России по Гурьевскому району, которые обвинялись в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки за совершение незаконного бездействия в пользу взяткодателя, совершенное группой лиц по предварительному сговору с вымогательством взятки) [2].

В следственном отделе по Центральному району города Калининграда Следственного управления СК России по Калининградской области 7 ноября 2017 г. в отношении 36-летнего жителя областного центра было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ (дача взятки за совершение заведомо незаконных действий) [2].

30 ноября 2017 г. доказательства, собранные следственными органами, были признаны судом достаточными для вынесения обвинительного приговора в отношении бывшего начальника отдела лицензирования департамента промышленной политики Министерства по промышленной политике, развитию предпринимательства и торговли Калининградской области. Подсудимый был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение взятки в крупном размере) [2].

Начальник отделения УФМС России по Калининградской области в Неманском районе за незаконную выдачу 111 паспортов гражданина Российской Федерации в период с 2011 г. по август 2014 г. и получение в общей сложности взяток на сумму не менее 7,3 млн руб. была обвинена в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки в крупном размере – 15 эпизодов), ч. 3 ст. 290 УК РФ (получение должностным лицом взятки за незаконные действия – 35 эпизодов), ч. 1 ст. 292.1 УК РФ (незаконная выдача паспорта гражданина Российской Федерации – 111 эпизодов), ч. 1 ст. 292 УК РФ (служебный подлог). Согласно уголовному делу № 1-31/2017 ей инкриминировалось совершение 187 эпизодов преступлений, но производства по 26 эпизодам были прекращены в связи с истечением сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Приговором Неманского городского суда подсудимая была признана виновной в инкриминируемых преступлени-

ях, но приговор № 1-31/2017 от 14.08.2017 в законную силу не вступил [6].

Помимо этого, было возбуждено уголовное дело и в отношении директора регионального реабилитационного центра для инвалидов «Новые горизонты», представившего в центр занятости населения г. Багратионовска заведомо недостоверные сведения об оборудовании рабочих мест для инвалидов. В результате было совершено хищение средств из бюджета Калининградской области в размере 450 тыс. руб. [7].

В Калининградской области органами прокуратуры Центрального района г. Калининграда в ноябре 2017 г. была проведена проверка по фактам соблюдения сотрудниками администрации городского округа «Город Калининград» требований законодательства о противодействии коррупции (федеральные законы «О противодействии коррупции» и «О муниципальной службе в Российской Федерации») [4]. При заполнении справок о доходах муниципальные служащие несут персональную ответственность за достоверность и полноту предоставленных сведений. Несмотря на это, прокурорской проверкой было выявлено, что ряд муниципальных служащих не отразили в данных справках сведения о полученных лично и супругами доходах, о личном участии и участии супругов в деятельности коммерческих организаций, о наличии в личной собственности движимого имущества, а также в собственности супругов недвижимого имущества – земельных участков площадью 582 кв. м и 2 278 900,85 кв. м. На основании вышеизложенного прокурор района привлек пятерых муниципальных служащих к дисциплинарной ответственности [4]. Таким образом, действуя в целях защиты интересов общества и государства, органы прокуратуры во взаимодействии с правоохранительными органами добиваются решения задач по минимизации и ликвидации последствий коррупционных проявлений.

Приведем еще пример: сотрудники регионального управления ФСБ России при участии подразделения по борьбе с экономическими преступлениями и противодействию коррупции УМВД России по Калининградской области обвинили бывшего прокурора Нестеровского района в получении через посредника взятки в крупном размере (300 тыс. руб. и карманные часы «Лонжин» стоимостью не менее 30 тыс. руб.) за заведомо незаконные действия (п. «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ). Центральным районным судом г. Калининграда осужденный был признан виновным и приговорен к восьми го-

дам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима со штрафом в 10-кратном размере взятки (3,3 млн руб.), а также лишен права занимать руководящие должности в органах государственной власти и местного самоуправления сроком на три года. Но обвинительный приговор № 1-1/2015 (1-310/2014) от 27.01.2015 в законную силу не вступил (отменен) в связи с наличием у сторон права обжаловать судебное решение в 10-дневный срок [5].

Экс-заместителю полномочного представителя президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе инкриминировали ст. 291.1 УК РФ, а депутату областной думы и по совместительству издателю газеты «Новые колеса» – получение взятки в крупном размере (50 тыс. долларов), также в их отношении было возбуждено уголовное дело по ч. 3 ст. 163 УК РФ (вымогательство). Согласно УК РФ максимальное наказание за эти преступления предусмотрено в виде лишения свободы на срок от 7 до 15 лет со штрафом в размере 1 млн руб. Но 3 ноября 2017 г. Центральный районный суд г. Калининграда удовлетворил ходатайство следствия об их аресте до 1 января 2018 г. При этом адвокат депутата 14 ноября 2017 г. подал апелляционную жалобу в вышестоящую инстанцию. По делу № 22К-1654/2017 судья Калининградского областного суда в апелляционном постановлении № 22К-1654/2017 от 16.11.2017 постановил: постановление судьи Центрального районного суда г. Калининграда от 03.11.2017 об избрании депутату меры пресечения в виде заключения под стражу оставить без изменения, а апелляционную жалобу адвоката – без удовлетворения. Ходатайство защитника об избрании депутату меры пресечения в виде домашнего ареста оставить без удовлетворения [6].

Другой пример. В Калининградской области в отношении бывшего заместителя главы администрации Гусевского городского округа было возбуждено уголовное дело по ч. 5 ст. 290 (наказание – 12 лет лишения свободы с 60-кратным штрафом) и ч. 1 ст. 285 УК РФ (максимальный срок – 4 года лишения свободы). В итоге вместо должного наказания за совершенные преступные деяния суд приговорил чиновника не к колонии или штрафу, а к лишению права занимать должности на государственной службе и в органах местного самоуправления сроком на три года [5].

Такие приговоры нарушают принцип справедливости правосудия и подрывают веру граждан в него, создают напряжение

в обществе. Наказание за взяточничество, безусловно, должно быть ужесточено.

В последнее время количество коррупционных преступлений как в стране в целом, так и в Калининградской области в частности начало снижаться. Так, по заявлению Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки, количество зарегистрированных преступлений коррупционной направленности в России за 6 месяцев 2017 г. снизилось почти на 13,9 %, а количество выявленных таких преступлений за этот же период составило 18,4 тыс. [6].

Согласно статистическим данным УМВД России по Калининградской области о возбуждении уголовных дел по ст. 290 УК РФ количество зарегистрированных преступлений в 2017 г., по сравнению с 2016 г., снизилось на 52,9 %.

Статистические данные вроде бы тоже свидетельствуют об эффективности работы правоохранителей в борьбе с коррупцией. Так, в 2016 г. в Калининградской области в общей сложности было зарегистрировано 73 уголовных дела по взяточничеству: 35 – по ст. 290, 34 – по ст. 291 и 4 – по ст. 291.1. По сравнению с 2015 г. прирост со знаком минус (-5,6 %) наблюдается по ст. 290 и незначительный со знаком плюс (+1,9%) по ст. 291. Правда, при этом средний размер взятки в 2016 г. составлял 104 тыс. руб., что на 56 % выше, чем в 2015 г. Если анализировать показатели преступности на сентябрь 2017 г., то отрицательный прирост по ст. 290 составил 57,7 % и по ст. 291 – 40 %. Одно не радует: уголовные дела и уголовное преследование по этим статьям часто прекращаются до суда. Из возбужденных уголовных дел по взяточничеству обвинительный приговор был вынесен менее чем в половине случаев. Причинами выступают: недоказанность вины, истечение сроков давности, переквалификация, лоббирование интересов и др.

Как известно, наказание по УК РФ зависит не от формы взятки (услуга, денежные средства и др.), а от ее размера, выраженного в денежном эквиваленте, а именно в рублях или в пересчете на них, если в качестве взятки выступают, например, валюта, оказанные услуги и т. п. Согласно ст. 291.2 УК РФ и примечанию к ст. 290 УК РФ, распространяющему свое действие также и на другие статьи о взяточничестве (ст. 291, 291.1, 291.2), если взятка не превышает 10 тыс. руб., она относится к мелкому взяточничеству. При этом законодатель не определил минимальный размер взятки. Из этого следует вывод, что взяткой может признаваться любая сумма.

Вопрос о минимальном размере взятки, на наш взгляд, требует скорейшего решения. Ведь следствие или суд вправе прекратить уголовное преследование ввиду малозначительности, к примеру, если взятка не превышает 300 руб. Вместе с тем согласно ст. 575 ГК РФ запрещается дарение должностным лицам в связи с исполнением ими возложенных обязанностей различного рода ценностей, за исключением обычных подарков, стоимость которых не превышает 3 тыс. руб.

Исходя из вышеизложенного, можно установить минимальный размер взятки, если она получена в валюте, – 1 тыс. руб., а для материальных ценностей (в соответствии со ст. 575 ГК РФ) – 3 тыс. руб. Однако есть опасение, что данное нововведение породит «легитимные» взятки. Их суммы будут ниже: тысяча и три тысячи рублей соответственно. В таком случае следует запретить следственным органам или судам прекращать уголовное преследование ввиду малозначительности, если речь идет о взятке.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018 изложено настоятельное требование о переводе всего документооборота между государственными структурами в цифровую форму и внедрении проектных методов работы. Указанная цифровизация системы государственного управления должна повысить ее прозрачность, а это, в свою очередь, станет мощным фактором противодействия коррупции [3].

Итак, рассмотренные в настоящей статье проблемы выявили ряд недостатков в уголовном законодательстве и правоприменительной практике. С целью совершенствования законодательства и повышения эффективности наказания по ст. 290–291.2 УК РФ предлагается внести следующие изменения в кодекс, направленные на ужесточение санкции:

1) преобразовать относительно определенные санкции по ст. 290–291.2 в санкции определенные;

2) убрать такой вид санкции, как штраф, с тем, чтобы преступники не могли «откупиться» от содеянного ими преступления, а также исправительные работы;

3) увеличить сроки лишения свободы по данным статьям, чтобы минимальный срок наказания составлял пять лет;

4) дополнительно к лишению свободы ввести уже не как меру уголовно-правового характера, а как дополнительную меру наказания конфискацию имущества у преступ-

ника и его ближайших родственников. Изъятию должны подлежать не только денежные средства, полученные посредством взяточничества, но и все то, что могло быть приобретено на них, даже если это имущество было передано третьим лицам (родственникам, друзьям). Должны подлежать конфискации все денежные средства, полученные в результате распоряжения, владения и пользования указанным имуществом. Весь конфискат в обязательном порядке подлежит возвращению их законным владельцам в том случае, если преступник обогатился путем обращения чужого имущества в свою собственность. Если же владелец не установлен, то все конфискованное имущество надлежит передать в собственность государству. Кроме того, следует установить перечень видов имущества, которое нельзя конфисковать: не более одной квартиры или дома с земельным участком, самые необходимые предметы домашней обстановки, утвари, одежды и т. п.;

5) обеспечить службу судебных приставов, исполняющую приговоры суда, необходимыми инструментами для поиска всех активов преступника, его ареста и дальнейшего доказательства причастного конечного бенефициара тех денег, которые выступали в роли взятки;

6) дополнить ч. 1 ст. 290 УК РФ после слов «или выгод имущественного» также и словом «неимущественного» применительно к определению характера выгоды, которую должностное лицо извлекает за полученную взятку. Таким образом, ч. 1 ст. 290 УК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Получение должностным лицом, иностранным должностным лицом либо долж-

ностным лицом публичной международной организации лично или через посредника взятки в виде денег, ценных бумаг, иного имущества либо в виде незаконных оказания ему услуг имущественного и неимущественного характера, предоставления иных имущественных прав (в том числе когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу) за совершение действий (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц, если указанные действия (бездействие) входят в служебные полномочия должностного лица либо если оно в силу должностного положения может способствовать указанным действиям (бездействию), а равно за общее покровительство или попустительство по службе – наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо исправительными работами на срок от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок пять лет и изъятием имущества, приобретенного за счет получения взятки, изъятием всех денежных средств, полученных в результате распоряжения этим имуществом».

Внесение данных изменений и дополнений в действующее уголовное законодательство будет способствовать снижению количества коррупционных преступлений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 09.06.2013 № 24 (в ред. от 03.12.2013) // Рос. газ. 2013. 17 июля.
2. Портал правовой статистики. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 01.03.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. URL: <http://prokuratura39.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
5. URL: <http://kld.sledcom.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
6. URL: <http://tass.ru> (дата обращения: 12.03.2018).
7. URL: <https://39.мвд.рф> (дата обращения: 12.03.2018).

REFERENCES

1. O sudebnoj praktike po delam o vzyatochnichestve i ob inyh korruptsionnyh prestupleniyah : postanovlenie Plenuma Verhov. Suda Ros. Federacii ot 09.06.2013 № 24 (v red. ot 03.12.2013) [On judicial practice in cases of bribery and other corruption crimes: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 09.06.2013 No. 24 (in red. on 03.12.2013)]. Ros. gaz. – The Russian newspaper. 2013. July, 17. (In Russ.).
2. Portal pravovoj statistiki [Portal of legal statistics]. Available at: <http://crimestat.ru> (accessed 12.03.2018). (In Russ.).
3. Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu ot 01.03.2018 [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly from 01.03.2018]. Access from the reference legal system «ConsultantPlus». (In Russ.).
4. Available at: <http://prokuratura39.ru> (accessed 12.03.2018). (In Russ.).
5. Available at: <http://kld.sledcom.ru> (accessed 12.03.2018). (In Russ.).
6. Available at: <http://tass.ru> (accessed 12.03.2018). (In Russ.).
7. Available at: <https://39.мвд.рф> (accessed 12.03.2018). (In Russ.).

Работа с кадрами в органах милиции Вологодской области в 1945–1965 гг.¹

А. Л. КУЗЬМИНЫХ – профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент;

С. И. СТАРОСТИН – начальник отдела комплектования, публикации и использования документов Вологодского областного архива новейшей политической истории

Реферат

В современных условиях реформирования правоохранительной системы Российской Федерации, повышения ее роли в обеспечении государственной безопасности и охране общественного порядка в ситуации нарастания международной напряженности большое значение приобретает изучение исторического опыта работы с кадрами в системе органов внутренних дел. В статье рассмотрены различные направления кадровой работы в органах милиции Вологодской области в 1945–1965 гг. На основе анализа архивных документов и ведомственной периодической печати изучены мероприятия по комплектованию, обучению и материально-бытовому обеспечению сотрудников территориальных органов внутренних дел.

Исследование документального материала показывает, что в органах милиции Вологодской области в 1945–1965 гг. работе с кадрами уделялось усиленное внимание. Это выражалось в повышении требований к приему на службу новых сотрудников, организации общеобразовательной и профессиональной подготовки личного состава, улучшении его социально-бытового положения. В решении правоохранительных задач органы милиции тесно взаимодействовали с населением, что проявлялось в создании бригад содействия милиции, добровольных народных дружин, института общественных уполномоченных. Все это позволило повысить престиж органов милиции среди населения, улучшить показатели служебной деятельности, положительно сказалось на эффективности борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

Ключевые слова: Советское государство; Вологодская область; органы внутренних дел; милиция; кадровая работа.

Work with personnel in the militia of the Vologda region in 1945–1965 years

A. L. KUZMINYKH – Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor;

S. I. STAROSTIN – Head of the Department of Acquisition, Publication and Use of Documents of the Vologda Regional Archive of the Newest Political History

Abstract

In the modern conditions of reforming the law enforcement system of the Russian Federation, increasing its role in ensuring state security and public order in a situation of increasing international tension it is of great importance to study the historical experience of working with personnel in the system of internal affairs bodies. The article considers

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 18-09-00554 «Органы внутренних дел в контексте взаимоотношений власти и общества России в XX веке (на материалах Европейского Севера)».

various areas of personnel work in the militia of the Vologda region in 1945–1965 years. On the basis of the analysis of archival documents and departmental periodicals were studied measures for the recruitment, training and material support of employees of territorial bodies of internal affairs.

The study of the documentary material shows that in the militia of the Vologda region in 1945–1965 years work with the staff was given increased attention. This was presented in the increase of requirements to the recruitment of new employees, organization of general and vocational training of personnel, improvement of his social position. In solving law enforcement problems the militia closely interacted with the population what was manifested in the creation of militia assistance brigades, voluntary national teams, the institute of public commissioners. All this has allowed to increase the prestige of the militia among the population, to improve the service activity, to increase the effectiveness of the fight against crime and the protection of public order.

Key words: Soviet state; Vologda region; internal affairs bodies; police; personnel work.

Результативность деятельности органов внутренних дел в сфере реализации правоохранительных задач напрямую зависит от направленности кадровой политики, качества подготовки личного состава, улучшения его социально-бытового положения. В связи с этим большое значение имеет изучение исторического опыта работы с кадрами в системе правоохранительных органов. В рамках данной статьи авторами рассмотрены мероприятия по комплектованию, обучению и материально-бытовому обеспечению сотрудников милиции в 1945–1965 гг. на примере Вологодской области.

В годы Великой Отечественной войны вологодская милиция потеряла многих опытных сотрудников: одни погибли на фронте, другие были командированы в освобожденные от оккупантов республики и области, третьи уволились по состоянию здоровья. Всего в период войны были призваны в армию и добровольно ушли на фронт 2857 работников милиции Вологодской области, из числа которых не вернулись 1536 чел. [4, с. 26]. После окончания войны остро встал вопрос об укомплектовании органов внутренних дел новыми кадрами и повышении их профессионального уровня.

Возвращение осенью 1945 г. демобилизованных военнослужащих дало возможность укомплектовать подразделения милиции молодыми сотрудниками, желавшими служить в правоохранительной системе. Только в четвертом квартале 1945 г. на работу в органы внутренних дел Вологодской области было принято 382 чел., в том числе 265 демобилизованных военнослужащих. Пополнение милиции кадрами из числа бывших офицеров и солдат Советской армии, хорошо владевших оружием, умевших принимать быстрые самостоятельные решения, серьезно укрепило личный состав.

На 1 января 1946 г. в органах внутренних дел Вологодской области проходили службу 2624 сотрудника (90 % от штатного расписания), в том числе в управлении НКВД – 1602 (615 офицеров), военном трибунале войск НКВД и военной прокуратуре – 21 (9 офицеров), отделе железнодорожной милиции – 546 (192 офицера), тюрьмах – 455 (32 офицера) (ГАРФ¹. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 310. Л. 131–131об.).

Лица, принимаемые на работу в органы внутренних дел, проходили спецпроверку, а сотрудники – служебную аттестацию. На них составлялись характеристики, отражавшие уровень политической и служебной подготовки, деловые качества, конкретную практическую деятельность. В марте 1947 г. в составе областного управления милиции было создано собственное отделение кадров за счет штатной численности отдела кадров Управления Министерства внутренних дел по Вологодской области (Архив УМВД России по ВО². Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 39).

Динамика кадровых перемещений выглядит следующим образом. Всего в 1944–1947 гг. было принято в органы внутренних дел Вологодской области 4053 сотрудника: в 1944 г. – 1009 (24,9 % от общего числа принятых), в 1945 г. – 1145 (28,3 %), в 1946 г. – 1263 (31,2 %), в 1947 г. – 636 (15,7 %). Уволены были 3418 сотрудников: в 1944 г. – 417 (12,2 % от общего числа уволенных), в 1945 г. – 991 (29 %), в 1946 г. – 1112 (32,5 %), в 1947 г. – 898 (26,3 %) [2, с. 195]. Причины увольнения были следующими: по служебному несоответствию – 512 (15 %), состоянию здоровья – 509 (14,9 %), личному желанию и семейным обстоятельствам – 472 (13,8 %), из-за невозможности дальнейшего использова-

¹ Государственный архив Российской Федерации.

² Архив Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Вологодской области.

ния – 393 (11,5 %), за совершение должностных преступлений и нарушение служебной дисциплины – 191 (5,6 %), по иным причинам – 1341 (39,2 %) [2, с. 194]. Наибольшее число увольнений приходилось на милиционеров и персонал исправительных учреждений. Данные статистики показывают, что пик кадровых перемещений пришелся на 1946 г. Заметна и другая тенденция. Если в 1944 г. число принятых на работу лиц более чем в два раза превышало число уволенных, то к 1946 г. эти показатели уравниваются, а в 1947 г. число уволенных уже существенно превышает число принятых.

Сотрудники, добросовестно относившиеся к выполнению служебных обязанностей, имели возможности для карьерного роста. В 1944–1947 гг. 1247 сотрудников получили продвижение по службе, в том числе в 1944 г. – 426 (34,2 %), в 1945 г. – 369 (29,6 %), в 1946 г. – 242 (19,4 %), в 1947 г. – 167 (13,4 %) [5, с. 54]. Как уже отмечалось, из числа вологжан комплектовались кадры органов внутренних дел республик, краев и областей, освобожденных от вражеской оккупации. Во втором полугодии 1944 г. в другие регионы было командировано 159 сотрудников, во втором полугодии 1947 г. – 184 [5, с. 54].

Руководство УНКВД-УМВД боролось с фактами нарушения служебной дисциплины среди личного состава. Например, в первом квартале 1948 г. 3 сотрудника были привлечены к уголовной ответственности, 36 – к административной, 21 сотруднику был объявлен выговор, 13 были понижены в должности (Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 67. Л. 42). Вместе с тем дисциплинарные взыскания разрешалось применять только в тех случаях, «когда исчерпаны все меры партийно-комсомольского и общественного воздействия». Предлагалось шире поощрять «передовых работников, воспитывая на их примере весь личный состав» (Архив УМВД России по ВО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 75. Л. 263).

Для поощрения работников милиции, добившихся высоких показателей в служебной деятельности, в ведомственной газете «Страж революции» была учреждена рубрика «Доска отличников», где публиковались их фамилии (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 103. Л. 70). Сотрудники милиции, проявившие мужество, храбрость и самоотверженность в борьбе с преступностью, награждались медалью «За отличную службу по охране общественного порядка» (учреждена в 1950 г.) и нагрудным знаком

«Отличник милиции» (учрежден в 1953 г.) [1, с. 34].

Образовательный и культурный уровень большинства милиционеров был довольно низким. Даже в 1958 г. не имели среднего образования свыше 60 % начальствующего состава и 80 % сержантского и рядового состава Управления внутренних дел Вологодского облисполкома (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 54. Л. 386–388). Государственная же политика требовала от милиционеров более высокого культурного уровня. Вот как об этом писала ведомственная газета «Страж революции» в 1945 г.: «Милиционер – основная фигура в милиции. Он больше чем кто бы то ни было соприкасается с населением. К нему обращаются с разного рода вопросами. Но для того, чтобы ответить на них, милиционер должен обладать всесторонне большими знаниями, чем любой средний гражданин нашей страны» [8, с. 1].

В целях повышения общеобразовательного уровня работников милиции было принято решение об организации их обучения в вечернее время на базе учреждений народного образования. «Работать и учиться, учиться и работать!» – вот девиз тех лет. В мае 1949 г. в целях повышения уровня оперативно-служебной и политической подготовки сотрудников милиции был организован учебный пункт (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 17. Л. 17–18). Отдельные сотрудники направлялись для обучения в школы милиции. К примеру, Омская школа милиции готовила оперативных работников, Костромская – участковых уполномоченных, Саратовская – начальников и заместителей начальников отделений, Иркутская и Челябинская осуществляли переподготовку оперативного состава [7, с. 2].

В 1962 г. в областном центре открылся учебно-консультационный пункт Ленинградской специальной средней школы милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 137. Л. 310). Во всех подразделениях была организована служебная и боевая подготовка. Занятия проводились по тематическим планам, разработанным отделом кадров и отделом службы, и увязывались с выполнением оперативно-служебных задач. К их проведению привлекались руководящий и оперативный состав, работники суда и прокуратуры.

Условия работы милиции после Великой Отечественной войны были довольно напряженными. В первые послевоенные годы сотрудники милиции трудились в две сме-

ны шесть дней в неделю. Рабочий день начинался в девять часов утра и заканчивался в полночь (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 123; Д. 100. Л. 107). В октябре 1960 г. личный состав милиции наряду с другими государственными служащими был переведен на семичасовой рабочий день (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 133. Л. 167). Рабочий день стал заканчиваться в 17.00, предусматривался перерыв на обед с 13.00 до 14.00 (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 133. Л. 185). В октябре 1962 г., во время Карибского кризиса, был объявлен усиленный вариант несения службы. Регулярными стали занятия по обучению мерам защиты от оружия массового поражения (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 408–409).

Материальное обеспечение сотрудников милиции во второй половине 1940-х гг. оставалось довольно скудным, в связи с чем в первые послевоенные годы при подразделениях НКВД-МВД были развернуты подсобные хозяйства. В 1946 г. в Вологодской области функционировали 12 ведомственных подсобных хозяйств, общая площадь которых составляла 1869 гектаров (ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 310. Л. 173). Образцовым являлся ведомственный совхоз «Ермаково»: в 1949 г. здесь был получен рекордный урожай картофеля – 133 ц/га, овощей – 198 ц/га, корнеплодов – 349 ц/га, силосных – 239 ц/га, сена – 27 ц/га. Удой на одну корову составил 3 т 200 кг. В результате хозяйство получило прибыль в размере 365 тыс. руб. и заняло первое место во Всесоюзном соревновании совхозов и подсобных хозяйств МВД (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 108. Л. 127–128, 202–204).

Сотрудникам милиции оказывалась помощь в разрывании индивидуального огородничества. «Индивидуальное огородничество – общегосударственное дело, и недооценивать этого нельзя. Каждый начальник должен проявить немедля максимум заботы, чтобы его подчиненные были обеспечены на зимний период картофелем и овощами», – призывала газета «Страж революции» [11, с. 1]. Случалось, милиционеры на своих участках собирали до 1,5 т картофеля, что было хорошим подспорьем в голодные годы [10, с. 1–2].

Для разрешения сложных жизненных ситуаций в милиции была создана комиссия по материально-бытовым вопросам. Она рассмотрела свыше двухсот заявлений сотрудников, пенсионеров и семей погибших военнослужащих. Весной 1947 г. обратив-

шимся была оказана денежная помощь на общую сумму 16 тыс. руб. (Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 64. Л. 66). Несмотря на бытовые проблемы, милиционеры считали своим долгом оказание помощи в восстановлении народного хозяйства страны. В мае 1947 г. личный состав управления милиции пожертвовал на эти цели месячный фонд зарплаты [9, с. 2].

В 1950-е гг. материально-бытовое положение сотрудников милиции улучшилось. В 1956 г. была увеличена их заработная плата (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 56. Л. 5–8). В 1962 г. состоялось очередное повышение окладов отдельных категорий работников милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 63. Л. 229). Для сотрудников строилось ведомственное жилье. Так, в 1945 г. для работников УНКВД в г. Вологде были построены четыре жилых дома и общежитие. В 1947 г. был введен в эксплуатацию 20-квартирный дом, отремонтированы общежития для рядового и сержантского состава. Остальным сотрудникам оказывалась помощь в проведении текущего ремонта (Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 57. Л. 40; Д. 65. Л. 56]. В 1962 г. была создана ведомственная жилищная комиссия, которая обследовала жилищные условия сотрудников и устанавливала очередность получения жилья (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 137. Л. 106–107).

В послевоенный период выросла обеспеченность милиции транспортом. В 1946 г. за отделом уголовного розыска были закреплены автомобили «Додж» и «Опель» (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 102. Л. 103). В 1953 г. милиционеры и сотрудники Государственной автомобильной инспекции получили 55 новых мотоциклов (Архив УМВД России по ВО. Ф. 8. Оп. 1. Д. 68. Л. 96–101).

В 1960 г. на балансе Управления внутренних дел Исполнительного комитета Вологодского областного совета депутатов трудящихся находилось 125 автомобилей, 119 мотоциклов и 11 катеров и моторных лодок (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 54. Л. 156–160). В сельской местности преобладал гужевой транспорт, но численность конского поголовья в распоряжении милиции ежегодно сокращалась: с 1958 по 1962 г. она уменьшилась с 245 до 180 единиц (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 128. Л. 245–247; Д. 59. Л. 128–129). Сельские милиционеры обеспечивались служебными велосипедами, количество которых в 1962 г. составляло 190 единиц (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 424–426).

В марте 1946 г. был издан приказ МВД СССР «О развитии служебного собаководства и широком внедрении в работу уголовного розыска розыскных собак». В 1947 г. в штате областного управления милиции числились 11 розыскных собак, три из которых были закреплены за отделом уголовного розыска, остальные – за городскими и районными отделами и отделениями милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 14. Л. 171). В августе 1949 г. из питомника управления уголовного розыска милиции г. Москвы были переданы пять обученных собак с кличками Джульбарс, Дик, Рекс, Мурат и Джек (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 107. Л. 246). В 1958 г. в распоряжении УВД находились 9 служебно-розыскных и 17 конвойно-сторожевых собак (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 54. Л. 14).

Важной частью статуса милиционеров была форменная одежда. На основании приказа МВД СССР № 5 от 12.09.1947 был изменен покрой и цвет обмундирования милиции. Для личного состава устанавливалась форма синего цвета: фуражка, шапка-кубанка, парадный мундир, китель, брюки-бриджи, двубортная шинель. Этим же приказом для транспортной и водной милиции вводилось форменное обмундирование черного цвета, включавшее фуражку, шапку-папаху, мундир, китель, шинель, брюки [1, с. 28–32]. Одновременно устанавливалась строгая ответственность за нарушение правил ношения форменного обмундирования. Ношение гражданской одежды в рабочее время разрешалось исключительно во время выполнения заданий оперативного характера (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 41. Л. 93; Д. 100. Л. 8, 104–104об.; Д. 102. Л. 25–26). С целью проверки внешнего вида сотрудников и их строевой подготовки проводились строевые смотры.

В 1958 г. было введено новое форменное обмундирование: фуражка, открытый китель синего цвета, рубашка голубого цвета с галстуком синего цвета, брюки-бриджи синего цвета с красным кантом, черные ботинки или полуботинки, погоны нового образца. Зимнее обмундирование включало шапку-ушанку черного цвета, двубортную шинель темно-синего цвета, закрытый китель и брюки темно-синего цвета, сапоги, коричневые перчатки, кашне серого цвета. При ненастной погоде разрешалось носить плащ-накидку армейского образца [1, с. 35–41]. В марте 1961 г. на улицах г. Вологды появился комендантский патруль, осуществлявший контроль за ношением

форменной одежды сотрудниками милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 134. Л. 102).

Постепенно складывались торжественные милицейские ритуалы. В 1962 г. было введено торжественное принятие присяги личным составом милиции, учреждены Красные знамена областных и городских отделений милиции, установлен профессиональный праздник – День советской милиции (10 ноября). 4 ноября 1962 г. в торжественной обстановке был приведен к присяге личный состав милиции Управления охраны общественного порядка Вологодского облисполкома (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 137. Л. 239).

Одновременно принимались меры по правовой защите милиционеров. В 1962 г. Уголовный кодекс был дополнен статьями, которые предусматривали уголовное наказание за оказание сопротивления сотруднику, посягательство на жизнь и оскорбление работника милиции в связи с его профессиональной деятельностью (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 63. Л. 229).

Большую роль в воспитательной работе с сотрудниками играла многотиражная газета областного управления милиции «На боевом посту» (до 1957 г. – «Страж революции»). Под ее эгидой ежегодно проводились конкурсы на лучшее литературное произведение о милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 128. Л. 265–266). На областном и районном уровнях проводились смотры-конкурсы милицейской стенной печати. К примеру, в 1958 г. жюри отметило стенгазеты «На боевом посту» (редактор А. Смирнов), «Дзержинец» (редактор А. Головешкин) и «На страже» (редактор А. Пискунов). Они поднимали актуальные вопросы служебной деятельности, пропагандировали передовой опыт, вскрывали недостатки в работе подразделений и сотрудников (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 128. Л. 295–295об.).

Традиционно высоким был уровень культурно-массовой работы в органах милиции. В 1956 г. коллектив художественной самодеятельности, организованный при клубе УВД Вологодского облисполкома, дал свыше 50 концертов в областном центре и районах области. В его состав входили хор русской народной песни, молодежный хор и танцевальная группа (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 126. Л. 223–223об.).

В рамках спортивно-массовой работы сотрудники участвовали в летних и зимних спартакиадах, осваивали приемы сам-

бо (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 194), сдавали нормы ГТО и получали спортивные разряды (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 112. Л. 48–50). В 1947 г. обществу «Динамо» был передан городской стадион, ранее находившийся в ведении общества «Спартак». После реконструкции стадион стал главным центром спортивной жизни Вологды (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 103. Л. 151).

В 1949 г. областная команда «Динамо» участвовала в первенстве РСФСР по футболу (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 106. Л. 184). Сотрудники милиции прилагали немалые усилия для того, чтобы обеспечить порядок на стадионе во время футбольных матчей, на которые собиралось большое количество болельщиков (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 104. Л. 518–519).

Во второй половине 1950-х – начале 1960-х гг. приоритетным направлением правоохранительной политики Советского государства стало привлечение общественности к борьбе с преступностью [6, с. 103–110], что напрямую вытекало из решений XXII съезда КПСС, в октябре 1961 г. принявшего программу построения коммунистического общества.

Впрочем, у вологодской милиции уже имелся положительный опыт привлечения населения к охране общественного порядка. В 1947 г. только в сельской местности Вологодской области действовали 3220 групп охраны общественного порядка общей численностью 32 040 чел., в качестве помощников участковых уполномоченных использовались 15 852 доверенных лица. В первой половине 1947 г. ими было предотвращено 481 преступление, задержано 4390 преступников, правонарушителей, нищих, беспризорников и лиц, подозреваемых в совершении преступлений. В качестве поощрения 25 членам групп охраны общественного порядка была объявлена благодарность и выплачена денежная премия [5, с. 98].

В обстановке общественных перемен, порожденных политикой Н. С. Хрущева, органы милиции стали шире использовать различные формы работы с населением. В 1955 г. в Вологодской области действовали 1158 бригад содействия милиции, в которых состояло 17 тыс. чел. В течение года бригадмилыцы выявили 5073 нарушителя общественного порядка и паспортного режима, в 1956 г. – 8470 [3, с. 430].

В борьбе с преступностью активное участие принимали добровольные формирова-

ния из числа молодежи, в первую очередь комсомольские организации. Так, в 1954 г. в Харовском районе комсомольцы Н. Ф. Кудрин, Р. Д. Водолазова, К. Н. Македонов и В. Н. Гвоздев во время дежурства пресекли несколько случаев хулиганства и задержали десять нарушителей общественного порядка (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 118. Л. 26). В 1958–1959 гг. члены Вологодского городского комсомольского штаба по охране общественного порядка предупредили серию карманных краж и задержали несколько воров-карманников (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 130. Л. 80–81, 223–224).

2 марта 1959 г. Центральный комитет КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «Об участии трудящихся в охране общественного порядка». В нем предлагалось создавать добровольные народные дружины. Руководство ими осуществляли штабы из представителей партийных и советских органов, профсоюзных и комсомольских организаций [3, с. 430–431]. На 1 января 1963 г. численность дружинников в Вологодской области составляла 48 тыс. чел. Для их обучения было проведено 4450 занятий (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 60. Л. 205).

В начале 1960-х г. органы милиции развернули кампанию по привлечению граждан к работе в качестве внештатных сотрудников и доверенных лиц. В 1962 г. было подобрано 576 общественных участковых уполномоченных. Их кандидатуры были утверждены на исполкомах городских и районных советов трудящихся, после чего с данными лицами были проведены инструктивные совещания, на которых были выданы удостоверения внештатных сотрудников милиции (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 350).

Как показала практика, общественные участковые при поддержке органов милиции успешно решали задачи по охране общественного порядка. Так, общественный участковый П. В. Виноградов, бывший участковый уполномоченный Череповецкого райотдела, обслуживал участок из трех деревень с населением 700 чел. Он проводил собрания с колхозниками, беседы с правонарушителями, рассматривал заявления граждан по семейным и бытовым конфликтам, сообщал о фактах правонарушений в органы милиции, передавал материалы на рассмотрение в товарищеские суды. В итоге в 1962 г. на территории его участка не было допущено ни одного преступле-

ния (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 59. Л. 351–352). В целом на 1 января 1963 г. сотрудникам милиции области помогали поддерживать общественный порядок 3375 доверенных лиц и 359 внештатных сотрудников (Архив УМВД России по ВО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 60. Л. 202).

Изучение архивных документов и ведомственной периодической печати показывает, что в органах милиции Вологодской области в 1945–1965 гг. работе с кадрами уделялось усиленное внимание. Это выразилось в повышении требований к приему на службу новых сотрудников, организации

общеобразовательной и профессиональной подготовки личного состава, улучшении его социально-бытового положения. В решении правоохранительных задач органы милиции тесно взаимодействовали с населением, что проявлялось в создании бригад содействия милиции, добровольных народных дружин, института общественных уполномоченных. Все это позволило повысить престиж органов милиции среди населения, улучшить показатели служебной деятельности, положительно сказалось на эффективности борьбы с преступностью и охраны общественного порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гонюхов С. О., Горобцов В. И. Российская и советская милиция в мундире. 1943–2001 гг. : учеб. пособие. : в 3 ч. М., 2001. Ч. 3. 128 с.
2. Кузьминых А. Л. Работа с кадрами в органах внутренних дел Вологодской области в 1940-е гг. // Институциональные реформы: история и современность : материалы науч. конф. Вологда, 2007. С. 192–201.
3. Министерство внутренних дел. 1902–2002. М., 2004. 648 с.
4. На защите Отечества и правопорядка. Вологда, 2015. 535 с.
5. Органы внутренних дел и исправительно-трудовые учреждения Вологодской области (1937–1953 гг.): неизвестные страницы истории : ист. очерки : в 2 ч. Вологда, 2009. Ч. 1. 244 с.
6. Пыжиков А. В. Хрущевские эксперименты в правоохранительной сфере (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) // Вопросы истории. 2006. № 4. С. 103–110.
7. Страж революции. 1945. 23 мая.
8. Страж революции. 1945. 23 нояб.
9. Страж революции. 1947. 9 мая.
10. Страж революции. 1947. 16 мая.
11. Страж революции. 1947. 29 мая.

REFERENCES

1. Gonyuhov S. O., Gorobcov V. I. Rossijskaya i sovetskaya miliciya v mundire. 1943–2001 gg. : ucheb. posobie. : v 3 ch. [The Russian and Soviet militia are in uniform. 1943–2001 : tutorial. : in 3 parts]. Moscow, 2001. Part 3. 128 p. (In Russ.).
2. Kuz'minyh A. L. Rabota s kadrami v organah vnutrennih del Vologodskoj oblasti v 1940-e gg. [Work with personnel in the internal affairs bodies of the Vologda region in the 1940s]. Institucional'nye reformy: istoriya i sovremennost' : materialy nauch. konf. – Institutional Reforms: History and Modernity : Proceedings of the Scientific Conference. Vologda, 2007. P. 192–201. (In Russ.).
3. Ministerstvo vnutrennih del. 1902–2002 [Ministry of Internal Affairs. 1902–2002]. Moscow, 2002. 648 p. (In Russ.).
4. Na zashchite Otechestva i pravoporyadka [On defense of the Fatherland and rule of law]. Vologda, 2015. 535 p. (In Russ.).
5. Organy vnutrennih del i ispravitel'no-trudovye uchrezhdeniya Vologodskoj oblasti (1937–1953 gg.): neizvestnye stranicy istorii : ist. ocherki : v 2 ch. [Internal affairs bodies and correctional labor institutions of the Vologda region (1937–1953): unknown pages of history : historical essays : in 2 parts]. Vologda, 2009. Part 1. 244 p. (In Russ.).
6. Pyzhikov A. V. Hrushchevskie ehksperimenty v pravoohranitel'noj sfere (konec 1950-h – nachalo 1960-h gg.) [Khrushchev's experiments in law enforcement (late 1950s – early 1960s)]. Voprosy istorii – Questions of history. 2006. Iss. 4. P. 103–110. (In Russ.).
7. Strazh revolyucii – The Guardian of the Revolution. 1945. May, 23. (In Russ.).
8. Strazh revolyucii – The Guardian of the Revolution. 1945. November, 23. (In Russ.).
9. Strazh revolyucii – The Guardian of the Revolution. 1947. May, 9. (In Russ.).
10. Strazh revolyucii – The Guardian of the Revolution. 1947. May, 16. (In Russ.).
11. Strazh revolyucii – The Guardian of the Revolution. 1947. May, 29. (In Russ.).

УДК 342.9

К 300-летию российской полиции (XVIII – начало XX в.)

Б. А. СПАСЕННИКОВ – главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор

Реферат

История правоохранительных органов, российской полиции является частью истории права и государства, истории науки. Она не может быть отделена от отечественной истории, судеб сотрудников полиции, честно исполнявших свой долг, верных присяге, служивших российскому народу и закону.

На состоявшемся в 1913 г. Международном съезде криминалистов (Швейцария) российская полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений.

В отечественной полиции огромное значение имеет бережное отношение к традициям самоотверженной службы. Сотрудники полиции были верны присяге и профессиональному долгу в самые сложные периоды российской истории.

К началу 1917 г. в Российской империи была создана профессиональная, хорошо подготовленная и оснащенная полиция, имеющая в своем составе высококвалифицированных специалистов, умеющих выявлять и раскрывать преступления любой сложности.

В статье называются имена многих сотрудников российской полиции, раскрываются факты и события их служения закону. Этим исследование отличается от других публикаций, затрагивающих исторические аспекты административного права, истории права и государства.

Ключевые слова: история права и государства; отечественная история; история науки; министерство внутренних дел; полиция; милиция; административное право.

To the 300th anniversary of the Russian police (XVIII – early XX century)

B. A. SPASENNIKOV – Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor

Abstract

The history of law enforcement agencies, the Russian police is a part of the history of law and the state, the history of science. It can not be separated from the domestic history, the fates of police officers who honestly performed their duty, loyal to the oath, who served the Russian people and the law.

At the International Congress of Criminalists (Switzerland), held in 1913, the Russian police were recognized as the best in the world in the detection of crimes.

In the domestic police careful attitude to the traditions of selfless service is of great importance. The police officers were loyal to the oath and professional duty in the most difficult periods of Russian history.

By the beginning of 1917 a professional, well-trained and equipped police force was established in the Russian Empire, which had highly qualified specialists capable of identifying and uncovering crimes of any complexity.

The text refers to the names of many Russian police officers, reveals the facts and events of their service to the law. This study differs from other publications affecting the historical aspects of administrative law, the history of law and the state.

Key words: history of law and state; national history; history of science; the Ministry of the Interior; police; militia; administrative law.

История России неотделима от истории российской полиции, судеб ее сотрудников, которые из поколения в поколение на протяжении веков честно исполняли свой долг,

служа своему народу и закону. Огромное значение имели и имеют бережное отношение к традициям самоотверженной, честной службы, примерам верности присяге и мужества, которыми так богата история Министерства внутренних дел.

С именем первого российского императора Петра I связано появление отечественной регулярной полиции. В первой четверти XVIII в. Россия вступила в период, который потребовал от государства жесткой концентрации всех материальных и человеческих ресурсов для достижения важнейшей цели преобразования страны в державу, способную конкурировать на европейском рынке, имеющую прочный социально-экономический фундамент и полный набор атрибутов военно-политической мощи. Под эти цели реформировалась вся государственная машина, в том числе правоохранный аппарат. Петр Алексеевич создал военизированный регулярный орган государственного управления, который приступил к профессиональной охране общественного порядка [8, с. 20].

7 (18) июня 1718 г. был издан царский указ, согласно которому в Петербурге учреждалась должность генерал-полицмейстера. Этим царским повелением были определены место и роль полиции в государстве. Основы деятельности полиции были лично сформулированы Петром I в «пунктах, как врученное дело управлять». Его ближайший сподвижник, генерал-адъютант Антон Мануилович Девиер, стал первым генерал-полицмейстером Петербурга. А. М. Девиер юридически подчинялся генерал-губернатору А. Д. Меншикову [11, с. 83].

Названным указом были определены основные задачи: охрана общественного порядка, пожарная безопасность, надзор за городским благоустройством (в том числе за состоянием дорог, осушением болотистых мест) и санитарным делом (контроль за предупреждением социально значимых заболеваний) [1, с. 177–190].

Первоначально штат полиции состоял из заместителя генерал-полицмейстера, четырех офицеров и 36 нижних чинов. В Главной полицмейстерской канцелярии делопроизводством занимались дьяк и десять подьячих. Благодаря генерал-полицмейстеру была организована и столичная пожарная служба. Кроме того, полицмейстерская канцелярия имела полномочия судебной инстанции и назначала наказания по некоторым уголовным делам.

В 1721 г. Петр I своим регламентом определил суть полицейской службы: «Полиция есть душа всех добрых порядков... фундаментальный подпор человеческой безопасности» [11, с. 83].

А. М. Девиер занимал свой пост до 1727 г. (а позже вновь на короткий период 1744–1745 гг., уже имея звание генерал-аншефа) [10].

В 1722 г. канцелярия полицмейстера была создана и в старой столице – Москве. Во главе ее стал обер-полицмейстер полковник Максим Тимофеевич Греков. Он руководил полицмейстерами, которые отвечали за порядок и спокойствие, организовывали пожарную охрану, выполняли надзор за городским благоустройством, санитарным состоянием Москвы, торговлей. М. Т. Греков надзирал за соблюдением в Москве российских законов и предписаний высших и центральных учреждений, выполнением решений судебных органов. С 1727 г. он подчинялся генерал-губернатору [1, с. 177–190].

К 1733 г. подобные канцелярии были созданы в 23 губернских городах. Так постепенно была создана структура полицейских учреждений.

Екатерина II реформировала систему государственного управления, созданную Петром I. Императрица понимала значение полиции как неотъемлемого условия сохранения общественного порядка («Надобно установить добрый порядок в государстве... заставить общество законы соблюдать. Надобно иметь в государстве полицию хорошую и точную») [11, с. 83]. Проведенная Екатериной II реформа губернского и городского управления надолго определила организацию полицейской службы и обязанности полиции, ее нравственное начало. «Устав благочиния, или полицейский», утвержденный Екатериной Великой 8 апреля 1782 г., в «Общих правилах добронравия» формулирует полицейскую этику, построенную на православных канонах поведения [3]. Состоял он из 274 статей, объединенных в 14 глав.

Согласно уставу органом полицейского управления в городе была управа благочиния, в состав которой входили помимо полицмейстера городничий, приставы уголовные и гражданские, а также выборные лица от горожан. Город подразделялся на части и кварталы, за правопорядок в которых отвечали соответственно частные приставы и квартальные надзиратели. Все полицейские чины были вписаны в Табель о рангах [1, с. 199–205].

По делам о взяточничестве, нарушении порядка при богослужении, азартных играх и другим нарушениям общественного порядка функции суда осуществляли полицейские чины. По иным делам полиция проводила предварительное следствие и передавала материал в судебные инстанции [11, с. 93].

В 1810 г. в ходе реформы российских министерств было создано Министерство полиции, к компетенции которого относилась внутренняя безопасность государства. Инициатором его создания был выдающийся государственный деятель Михаил Михайлович Сперанский. Министерство полиции состояло из трех департаментов и канцелярии, включающей общую и особенную части: полиция хозяйственная ведала приказами общественного призрения и продовольственными делами (в том числе обеспечением населения хлебом при неурожае); полиция исполнительная надзидала за исполнением законов; полиция медицинская занималась делами, связанными с социально значимыми заболеваниями, которые часто уносили большее количество жизней, нежели преступления. Общая часть канцелярии вела полицейскую и медицинскую статистику, особенная – занималась делами, связанными с иностранцами и государственной безопасностью [1, с. 199–205].

Первым российским министром полиции (и одновременно санкт-петербургским военным губернатором) был генерал-лейтенант Александр Дмитриевич Балашов (1810–1812, 1819). В 1819 г. он занимал эту должность вплоть до присоединения его министерства к министерству внутренних дел, созданному еще в 1802 г.

Со времен Петра I и Екатерины II российская полиция была военизированной, имела единую с армией кадровую систему. Сотрудники полиции получали жалование аналогичное военному. Российские армия и полиция имели единое нравственное начало, состоявшее в верности присяге. Поэтому при чужеземном нашествии сотрудники полиции всегда становились на защиту своего Отечества [11, с. 78–99].

В 1812 г. армия Наполеона I подходила к Москве. Московский генерал-губернатор граф Федор Васильевич Ростопчин еще до сдачи города в своих докладах в Санкт-Петербург министру полиции А. Д. Балашову писал, что при вступлении в город французских войск Москва будет сожжена. Основная часть москвичей покинула город уже в августе. В ходе эвакуации полиция вы-

везла всю противопожарную технику. 2 (14) сентября 1812 г. русская армия вместе с беженцами прошла через Догомилово, Арбат, Яузскую улицу, вышла из города в сторону Рязани. Вслед за отходящими русскими войсками в Москву вошел кавалерийский корпус наполеоновского маршала И. Мюрата. В это время в разных районах Москвы начались отдельные пожары. Утром 3 (15) сентября император Наполеон вступил со своей армией в Москву и обосновался в Кремле. В это время сильный огонь охватил весь Китай-город, загорелись и другие районы. Поджигали воинские и продовольственные склады приставы Яковлев, Вороненко, Щерба и другие сотрудники полиции, которые выполняли приказ генерал-губернатора, оставаясь верными присяге в уже занятом неприятельской армией городе. Почти все они погибли в пожаре и во время схваток с французами, пытающимися их задержать. Рано утром 4 (16) сентября Наполеон был вынужден покинуть Кремль и отправился в сторону села Хорошево, чуть не погибнув на горящем Арбате. Утром 6 (18) сентября пожар, который уничтожил три четверти города, все воинские и продуктовые склады, почти прекратился. По приказу Наполеона начались поиски российских полицейских и их добровольных помощников. Французами было расстреляно около 400 представителей гражданского населения по подозрению в поджогах собственных домов и общественных зданий. После освобождения Москвы Ф. В. Ростопчин назначил пенсии вдовам погибших сотрудников московской полиции [2; 4].

Вторым министром полиции был Сергей Кузьмич Вязмитинов (1812–1819), ранее первый военный министр Российской империи (1802–1808), председатель Комитета министров (1812–1816). После смерти С. К. Вязмитинова министром вновь был назначен А. Д. Балашов. Судьбы А. Д. Балашова и С. К. Вязмитинова демонстрируют то, как в Российской империи были переплетены воинская и полицейская службы. Оба руководителя периодически переводились из армии в полицию, из полиции в армию, а подчас занимали сразу воинскую и полицейскую должности. Более того, Сергей Кузьмич Вязмитинов несколько лет занимал одновременно должности председателя Комитета министров и министра полиции, что подчеркивало значимость полицейской службы в Российской империи [1, с. 205–212].

Самостоятельное Министерство полиции просуществовало девять лет и 4 ноября

1819 г. было присоединено к Министерству внутренних дел. Сегодня кажется странным, но министр внутренних дел граф Виктор Павлович Кочубей (1802–1807, 1819–1823) был противником объединения Министерства полиции и Министерства внутренних дел (МВД), так как считал сыскное дело не относящимся к МВД, чуждым своему министерству. Позже В. П. Кочубей станет председателем Комитета министров (1827–1832), что свидетельствует о престиже Министерства внутренних дел в Российском государстве.

Эпоха Александра II ознаменовала и новый этап в истории российского МВД. Руководители и сотрудники министерства несли основную часть труда по обеспечению реформ императора. Например, одним из разработчиков реформы по освобождению крестьян (1861) стал министр граф Сергей Степанович Ланской (1855–1861). Вместе с тем освобожденные от крепостного права, лишённые собственной земли крестьяне, подавшиеся в города, стали пополнять бандитские шайки. Некоторые исследователи считают 1861 г. годом зарождения российской организованной преступности [11, с. 84–86].

25 декабря 1862 г. были приняты «Временные правила об устройстве полиции в городах и уездах губернии», которые надолго определили структуру российской полиции [6].

МВД участвовало в разработке и реализации финансовой (1863), судебной реформ (1864), реформы городского самоуправления (1870). Его деятельность позволила решить многие социально-правовые проблемы, создать возможности для развития капиталистических правоотношений, расширило поле гражданского общества и правового государства. Вместе с тем террористический акт, прервавший жизнь Александра II (1 (13) марта 1881 г.) и проводимые им преобразования, обнаружил серьезные ошибки в обеспечении общественной безопасности, историческая ответственность за которые лежит и на министре внутренних дел графе М. Т. Лорис-Меликове [1, с. 225–235]. В августе 1881 г. был принят акт «О мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», который предоставил полиции дополнительные права.

Ранее, в 1873 г., были отменены сословные основы формирования полиции. Претенденты должны были представить рекомендательные письма с предыдущих мест

службы. На посты околоточных надзирателей принимали лиц в возрасте от 21 года до 40 лет, имеющих хорошую грамотность, физически и психологически годных. Преимущество имели отставные унтер-офицеры. Лицо, представляемое к первому классному чину, должно было сдать экзамен в объеме программы уездного училища или иметь стаж не менее пяти лет службы в полиции.

В число тех, кто одновременно занимал пост министра внутренних дел (1906–1911) и председателя правительства (1906–1911), входит и Петр Аркадьевич Столыпин. В ведении министра внутренних дел находились: государственная полиция, тюрьмы, ссылки; местные суды; противопожарная безопасность; медицинская и ветеринарная помощь, санитарное благополучие; управление делами почты и телеграфа; губернские и уездные администрации, взаимодействие с земствами; пожарная часть, чрезвычайные обстоятельства (поставка хлеба при неурожае, питьевой воды при засухе); страхование [5, с. 25–29]. Однако прежде всего министр внутренних дел считал, что ему надлежит справедливо и твердо охранять порядок в России. Ему же принадлежит фраза: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия». П. А. Столыпин пытался исправить ошибки реформы 1861 г., дать работоспособным, но безземельным крестьянам землю, обеспечить их социализацию в ходе задуманной и проводимой им аграрной реформы [11, с. 96–99].

Вместе с тем именно П. А. Столыпину в 1906–1907 гг. пришлось пресекать многочисленные террористические акты, подавлять массовые беспорядки, сопровождавшиеся грабежами, поджогами, убийствами, насилием. П. А. Столыпин был инициатором введения военно-полевых судов, которые создавались в тех губерниях, которые были переведены на положение чрезвычайной охраны или военное положение. В состав суда входили только офицеры. Суд рассматривал дела, где наличие объективной стороны преступления было очевидно (нападения на военнослужащих, полицейских, жандармов, убийство, разбой, грабеж). Предание суду происходило в течение суток после совершения преступления. Судебное заседание длилось не более двух суток. Приговор вступал в силу через 24 часа после вынесения. Это позволило остановить террористические акты, криминальный разгул [5, с. 65–69].

Министр МВД помнил, что двое его предшественников, Дмитрий Сергеевич Сипя-

гин (1899–1902) и Вячеслав Константинович Плеве (1902–1904), были убиты революционерами-террористами, но это никак не влияло на его деятельность по укреплению закона (ему принадлежит и фраза «Не запугаете!»). На самого Петра Аркадьевича было совершено 11 покушений. В результате последнего министр был смертельно ранен. Бесстрашие министра оказалось для него роковым [5, с. 72]. И вновь следует подчеркнуть, что убийство подряд трех министров внутренних дел указывало на очевидные ошибки в обеспечении общественной безопасности, во многом предопределившие последующие события начала XX в.

Конец XIX – начало XX вв. – период, когда появилась целая плеяда специалистов, которые прославили отечественную полицию. Среди них, например, первый начальник столичного сыскного отделения действительный тайный советник Иван Дмитриевич Путилин, который находился на своем посту с 1866 по 1889 г., то есть почти четверть века. Иван Дмитриевич был человеком чрезвычайной наблюдательности, острого ума. Он имел какое-то особое чутье, которое заставляло его обращать внимание на детали, которые не замечали его опытные подчиненные. В 1870-е гг. в столице Российской империи не было ни одного сложного или социально значимого уголовного дела, в расследование которого он не вложил бы свой труд [9].

Не менее известен его преемник действительный тайный советник Владимир Гаврилович Филиппов (1903–1915). В. Г. Филиппов создал для борьбы с преступностью летучие отряды – прообраз современного ОМОНа. Собранные им и его подчиненными свидетельства деяний Григория Распутина были лично доложены императору начальником отдельного корпуса жандармов и товарищем министра внутренних дел В. Ф. Джунковским – непосредственным начальником В. Г. Филиппова. Доклад о деяниях Г. Распутина вызвал гнев государя в адрес сотрудников министерства внутренних дел и отставку В. Ф. Джунковского. В. Г. Филиппов, будучи убежденным в правильности оперативных материалов, указывающих на дискредитацию Г. Распутиным императорской семьи, счел для себя необходимым подать в отставку со своего поста, чем вновь вызвал уважение со стороны сотрудников столичной полиции. Дальнейшие события показали обоснованность собранных на Распутина оперативных материалов. В последующем среди офицеров полиции, жандармерии и

армии появилась крылатая фраза «честен, как Филиппов».

Нужно назвать и Аркадия Францевича Кошко – руководителя московской сыскной полиции, а позднее руководителя уголовного сыска Российской империи. Аркадий Францевич закончил Казанское пехотное юнкерское училище, затем служил в полку в Симбирске. Он добровольно уволился из армии и в 1894 г. начал службу в рижской полиции рядовым инспектором. Высокая раскрываемость преступлений обратила внимание руководства на бывшего пехотного офицера. Начальник рижской сыскной полиции, заместитель начальника санкт-петербургской полиции – таков был путь от рядового инспектора до руководителя сыскной полиции Москвы, а затем – Российской империи [8, с. 103].

Действительный статский советник А. Ф. Кошко разработал систему идентификации личности на основании классификации антропометрических и дактилоскопических данных. Под его руководством была создана уникальная картотека преступников с фотографиями, дактилоскопическими картами, указанием антропологических признаков. Позже эта система была использована в Скотланд-Ярде, а затем распространена во многих странах англосаксонской правовой системы. На состоявшемся в 1913 г. Международном съезде криминалистов (Швейцария) российская полиция была признана лучшей в мире по раскрываемости преступлений. После начала Первой мировой войны в 1914 г. международных съездов криминалистов не проводилось, статус лучшей в мире отечественная полиция сохраняла до 1917 г.

Февральская революция 1917 г., отречение Николая II (2 (15) марта 1917 г.) прервали деятельность А. Ф. Кошко. В марте–июне 1917 г. жандармов и полицейских убивали на улицах, если преступники или революционеры узнавали их в лицо. Революционеры начинали с того, что сжигали полицейские участки и управления, полицейские и жандармские картотеки, и лишь потом шли грабить («экспроприировать экспроприаторов»). В первых рядах поджигателей были лица, которые пытались скрыть свое нелегальное сотрудничество с правоохранительными органами. Выпущенные на свободу из тюрем 90 тыс. уголовников искали полицейских, прокуроров и судей – тех, кто отправлял их за решетку [1, с. 276–288].

А. Ф. Кошко уехал сначала в Крым (где, вероятно, возглавлял у правителя Юга Рос-

сии и главнокомандующего Русской армией П. Н. Врангеля уголовный розыск), затем оказался в Константинополе. Аркадий Францевич разделил судьбу сотен российских полицейских, покинувших после революции страну: вместе с бывшим начальником московского охранного отделения А. П. Мартыновым он создал свое детективное бюро. Два великих российских сыщика зарабатывали на жизнь, выслеживая неверных супругов, занимаясь поиском и возвращением краденого. Позже Аркадий Францевич перебрался в Париж. Скотланд-Ярд несколько раз предлагал ему высокие должности в Лондоне, но для службы в английской полиции нужно было принять гражданство Британии. Бывший офицер российской полиции отказался от нового гражданства, сохранив верность присяге [9; 7].

Временное правительство России (2 марта – 7 ноября 1917 г.), имевшее статус высшего законодательного и исполнительно-распорядительного органа государственной власти, поспешило отказаться от кадровых сотрудников полиции. 10 марта 1917 г. департамент полиции Министерства внутренних дел был упразднен. Ликвидация полиции, как было сказано выше, сопровождалась массовой амнистией уголовных преступников как жертв царского режима. Срок лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления был снижен вдвое. Во многих исправительных учреждениях все тюремное население вышло на свободу, что способствовало разгулу преступности [1, с. 276–288].

10 марта 1917 г. было учреждено Временное управление по делам общественной полиции и обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. Вскоре оно было переименовано в Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан. Милицию возглавляли выборные руководители. Она подчинялась где-то непосредственно Временному правительству и его представителям, где-то органам местного самоуправления. Слово «полицейский» перестало быть синонимом стража правопорядка, появилось слово «милиционер».

Если в первых составах Временного правительства министром внутренних дел был конституционный демократ (кадет) князь Г. Е. Львов (15 марта – 20 июля 1917 г.), охваченный либеральными иллюзиями, то в последующих коалиционных составах правительства этот пост занимали социал-демократ (меньшевик) И. Г. Церетели (23 июля – 6 августа 1917 г.), эсер Н. Д. Авксентьев (7 августа – 15 сентября 1917 г.), социал-демократ (меньшевик) А. М. Никитин. Получается, что Министерство внутренних дел возглавляли представители партий, которые до февраля 1917 г. широко использовали террор против сотрудников правоохранительных органов, разбой в целях пополнения партийной кассы. Хотя Н. Д. Авксентьев, И. Г. Церетели и А. М. Никитин лично не принимали участия в террористических актах и разбойных нападениях, но они представляли интересы этих революционных партий. Невозможно было ожидать от таких министров должного восстановления правопорядка [11, с. 144–153].

Итак, к началу 1917 г. в Российской империи была создана в целом профессиональная, хорошо подготовленная и оснащенная полиция, имевшая в своем составе высококвалифицированных специалистов, умеющих выявлять и раскрывать преступления любой сложности. Сотрудники полиции были верны присяге и профессиональному долгу в самые сложные периоды российской истории. Это была одна из лучших правоохранительных служб в мире в начале XX в.

Сложные политические процессы в стране и мире, Первая мировая война, антивоенная и антигосударственная агитация ряда политических партий, подчас поощряемая военными противниками России, слабая готовность Николая II отвечать на вызовы времени, многочисленные политико-правовые ошибки монарха и его окружения, недооценка необходимости усиления защиты государственной и общественной безопасности привели к крушению Российской империи, ликвидации российской полиции, криминальному хаосу в стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Габидулин Р. С. История отечественного государства и права / под ред. д-ра юрид. наук., проф. Б. А. Спасенникова. М., 2012. 456 с.
2. Горностаев М. В. Государственная и общественная деятельность Ф. В. Ростопчина в 1796–1825 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 245 с.
3. Заметки сенатора П. С. Рунича о царствовании Екатерины II // Русская старина. 1870. Т. 2. № 3. С. 163–174.
4. Земцов В. Н. 1812 год. Пожар Москвы. М., 2010. 138 с.
5. Изгоев А. П. А. Столыпин. Очерк жизни и деятельности. М., 1912. 133 с.

6. Казанцев А. В. Реформирование органов внутренних дел Российской империи в 60–80 гг. XIX в. // Молодой ученый. 2012. № 12. С. 394–397.
7. Кошко А. Ф. Очерки уголовного мира царской России. М., 1992. 608 с.
8. Очкур Р., Кудрявцев Д., Пиотровский В. Полиция России. Век XVIII – век XX. М., 2010. 510 с.
9. Путилин И. Сорок лет среди грабителей и убийц. М., 1889. 352 с.
10. Сгибнев А. С. Скормьяков-Писарев и Девьер в Сибири. 1727–1743 // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 444–450.
11. Щуров Г. С. История Отечества (1861–2005). Архангельск, 2006. 519 с.

REFERENCES

1. Gabidulin R. S. Istorija otechestvennogo gosudarstva i prava / pod red. d-ra jurid. nauk., prof. B. A. Spasennikova [History of the Russian state and law ; ed. by Dsc. in Law, prof. B. A. Spasennikov]. Moscow, 2012. 456 p. (In Russ.).
2. Gornostaev M. V. Gosudarstvennaya i obshchestvennaya deyatel'nost' F. V. Rostopchina v 1796–1825 gg. : dis. ... kand. ist. nauk [The state and public activity of F.V. Rostopchin in 1796–1825 : the diss. ... PhD. in History]. Moscow, 2003. 245 p. (In Russ.).
3. Zametki senatora P. S. Runicha o carstvovanii Ekateriny II [Notes of Senator P. S. Runich on the reign of Catherine II]. Russkaya starina – Russian antiquity. 1870. Vol. 2. Iss. 3. P. 163–174. (In Russ.).
4. Zemcov V. N. 1812 god. Pozhar Moskvy [1812 year. The fire of Moscow]. Moscow, 2010. 138 p. (In Russ.).
5. Izgoev A. P. A. Stolypin. Ocherk zhizni i deyatel'nosti [P. A. Stolypin. Essay of life and activity]. Moscow, 1912. 133 p. (In Russ.).
6. Kazancev A. V. Reformirovanie organov vnutrennih del Rossijskoj imperii v 60–80 gg. XIX v. [Reforming the bodies of internal affairs of the Russian Empire in the 60–80's XIX century]. Molodoj uchenyj – Young Scientist. 2012. Iss. 12. P. 394–397. (In Russ.).
7. Koshko A. F. Ocherki ugolovnogo mira carskoj Rossii [Essays on the Criminal World of Royal Russia]. Moscow, 1992. 608 p. (In Russ.).
8. Ochkur R., Kudryavcev D., Piotrovskij V. Policiya Rossii. Vek XVIII – vek XX [The police of Russia. Century XVIII – century XX]. Moscow, 2010. 510 p. (In Russ.).
9. Putilin I. Sorok let sredi grabitelej i ubijc [Forty years among robbers and murderers]. Moscow, 1889. 352 p. (In Russ.).
10. Sgibnev A. S. Skornjakov-Pisarev i Dev'er v Sibiri. 1727–1743 [Skornjakov-Pisarev and Devier in Siberia. 1727–1743]. Russkaya starina – Russian antiquity. 1876. Vol. 15. Iss. 2. P. 444–450. (In Russ.).
11. SHCHurov G. S. Istorija Otechestva (1861–2005) [History of the Fatherland (1861–2005)]. Arkhangelsk, 2006. 519 p. (In Russ.).

УДК 343.41

Воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом: вопросы толкования объекта

Г. В. ГУТНОВ – соискатель Российского государственного университета правосудия, исполняющий обязанности старшего помощника прокурора Промышленного района г. Владикавказа Республики Северная Осетия – Алания

Реферат

Значимым вопросом уголовно-правовой характеристики воспрепятствования проведению собрания, митинга, шествия, демонстрации или пикетирования, совершенного должностным лицом, является установление объекта данного преступного посягательства. На основе правильного понимания объекта осуществляется квалификация преступления, его отграничение от смежных составов преступлений, решается вопрос об оценке общественной опасности.

С учетом современных достижений науки и материалов судебной практики в статье раскрывается авторское понимание содержания объекта преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, анализируется механизм причинения ему вреда. Доказывается, что воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом, являет собой частный случай ненасильственного злоупотребления или насильственного превышения должностных полномочий, который оценивается законодателем как менее опасное деяние, чем предусмотрено ст. 286 или 285 УК РФ. С учетом конституционных положений о значимости прав человека предлагается увеличить санкцию в ст. 149 УК РФ, что позволит исключить постановку вопроса о квалификации содеянного должностным лицом по правилам совокупности преступлений.

Также исследуется вопрос о потерпевшем от преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ. В качестве такового могут выступать организаторы и участники публичных мероприятий: граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане и лица без гражданства. Принимая во внимание данные о потерпевшем и его возможностях в защите своего права на свободу мирных собраний, предлагается отнести данное преступление к категории преступлений частного обвинения.

Ключевые слова: воспрепятствование проведению публичного мероприятия; должностное лицо; конкуренция уголовно-правовых норм; частное обвинение.

Obstruction of a public event, committed by the official: questions of the object interpretation

G. V. GUTNOV – Applicant of the Russian State University of Justice, Acting Senior Assistant of the Prosecutor of the Industrial District of Vladikavkaz Republic of North Ossetia-Alania

Abstract

An important question of criminal and legal characteristics of obstructing the holding of meetings, rallies, processions, demonstrations or picketing, committed by the official, is the determination of the object of the criminal encroachment. On the basis of correct understanding of object qualification of crime, its separation from adjacent structures of crimes the question of public danger is resolved.

On the basis of the analysis the modern achievements of science and materials of judicial practice in article is revealed the author's understanding of the content of object of crime provided by Art. 149 of the Criminal Code of the Russian Federation, the mechanism of causing to it harm is analyzed.

It is proved that the obstruction of a public event, committed by an official, is a special case of non-violent abuse or violent abuse of power, which is assessed by the legislator as a less dangerous act than provided for in Art. 285 or Art. 286 of the Criminal Code. Taking into account the constitutional provisions on the importance of human rights, it is proposed to increase the sanction in Art. 149 of the Criminal Code, which will exclude the formulation of the question of the qualification of the committed by an official under the rules of the totality of crimes.

The question of the victim of a crime under Art. 149 of the Criminal Code is considered. As such can be the organizers and participants of public events: citizens of the Russian Federation, as well as foreign citizens and stateless persons. Taking into account the data on the victim and his or her ability to protect his or her right to freedom of peaceful assembly, it is proposed to classify the crime under Art. 149 of the Criminal Code as crimes of private prosecution.

Key words: obstruction of a public event; official; competition of criminal law norms; private prosecution.

В последнее время не вызывает сомнений не только сама необходимость уголовно-правового запрета на воспрепятствование публичным собраниям со стороны должностных лиц, но и неудовлетворительная оценка текущего состояния законодательства в этой области. «Опасность посягательств на политические права граждан состоит в том, что виновное лицо создает препятствия либо активно противодействует проявлению человека в качестве активного участника политической жизни общества» [10, с. 11]. Это в целом верное суждение следует дополнить и развить.

Опасность воспрепятствования проведению публичных мероприятий со стороны

должностных лиц заключается в том, что виновное лицо дважды нарушает свой правовой и конституционный долг. С одной стороны, выступая в «вертикальном» отношении «человек – государство» представителем государства, действующим от его имени, должностное лицо нарушает конституционную обязанность по признанию, защите, уважению прав человека и всемерному содействию в их реализации. С другой стороны, находясь на государственной службе, такое должностное лицо не исполняет своего долга и перед самим государством, осуществляя предоставленные ему полномочия вопреки интересам службы. Таким образом, происходит одновременно неис-

полнение обязанностей должностного лица перед государством и государства перед его гражданами.

Уточнение механизма причинения вреда правоохраняемым интересам в данном случае имеет большое значение, поскольку непосредственно определено качеством и содержанием правовой политики государства в целом.

И. О. Соломоницина, рассуждая о нарушении политических прав граждан, обоснованно отмечает: «В широком смысле нарушением политических прав граждан является всякое существенное отклонение законодательства от последовательного его подчинения идее верховенства прав человека, приверженность в регулировании общественных отношений представлению о человеке лишь как о носителе обязанностей в политической жизни общества. В узком смысле нарушением политических прав следует считать создание препятствий в реализации гражданами их политических прав изданием нормативных актов, действиями должностных лиц либо других граждан» [10, с. 15–16].

Отсюда вполне закономерно следует, что в ситуациях, когда законами запрещены публичные мероприятия или для их проведения требуется разрешение со стороны государства, осуществляемое должностным лицом воспрепятствование свободному проведению публичного мероприятия выступает формой предписанного законами поведения, соответствует нормативным актам, принятым в стране. Вопрос об ответственности отдельных должностных лиц в таком случае требует специального обоснования. По общему правилу здесь можно рассуждать только об ответственности государства перед гражданами и (или) международным сообществом [8]. Персональная ответственность должностных лиц исключается ввиду того, что они исполняют законные предписания, находясь в официальном статусе, а сами эти предписания не содержат положений, которые можно было бы квалифицировать как предписание о совершении преступлений против мира и безопасности человечества.

Только в случае если поведение должностных лиц идет в разрез с нормативными правовыми актами и оно обладает признаком противоправности, можно вести речь об их персональной ответственности. Противоправность здесь означает, во-первых, предусмотренность такого поведения в уголовном законе в качестве правонаруше-

ния (преступления), во-вторых, нарушение должностным лицом норм позитивного права, призванных урегулировать процесс реализации гражданами своего права на мирные собрания [7].

Сказанное позволяет правильно понять содержание объекта преступления. Сегодня наиболее распространенной является точка зрения, согласно которой в результате совершения рассматриваемого преступления нарушаются общественные отношения в сфере реализации гарантированного Конституцией Российской Федерации права граждан собираться мирно без оружия [3, с. 63; 5, с. 310; 6, с. 286–287; 9, с. 330]. Некоторые авторы относят преступление, предусмотренное ст. 149 УК РФ, к посягательствам на свободу мысли и слова [2, с. 23]. Но это редкое исключение, к тому же недостаточно обоснованное, поскольку свобода мысли и слова может выступать в нашем случае лишь в качестве дополнительного, но не основного объекта посягательства.

С учетом предписаний действующего законодательства, определяющего альтернативными признаками состава применение насилия или совершение деяния должностным лицом, правоведы также единодушны во мнении, что альтернативным дополнительным объектом преступления выступают общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения нормальной деятельности органов государственной власти либо органов местного самоуправления, или общественные отношения, складывающиеся в связи с обеспечением здоровья человека.

В нашей концепции, согласно которой уголовно-релевантное воспрепятствование проведению публичного мероприятия может быть совершено только официальным лицом, оценка значимости этих объектов меняется. В частности, отношения, связанные с осуществлением государственной или муниципальной власти, необходимо признать обязательным дополнительным объектом, наличие которого отражает отмеченную выше вторую линию неисполнения долга.

Двухобъектный характер преступления ставит вопрос о том, как оно соотносится с должностными преступлениями, предусмотренными ст. 285 и 286 УК РФ. Чаще всего ст. 149 УК РФ рассматривается в качестве специальной нормы по отношению к предписаниям о должностных преступлениях. Однако вопрос о квалификации решается неоднозначно. Прежде всего, нет единства в понимании того, по отношению к какой

именно норме ст. 149 УК РФ выступает в качестве специальной. И. М. Тяжкова сопоставляет данную статью с положениями ст. 285 УК РФ [5, с. 312], А. В. Агафонов и А. В. Серебренникова – с положениями ст. 286 УК РФ [1, с. 55; 9, с. 335], а К. Г. Вдовиченко – со всеми общими нормами о должностных преступлениях – ст. 285 и 286 УК РФ [3, с. 157].

К. Г. Вдовиченко отмечает, что совершение должностным лицом воспрепятствования проведению собрания, митинга, демонстрации, шествия, пикетирования или участию в них подлежит квалификации по ст. 149 УК РФ без совокупности с нормами о должностных преступлениях, тогда как И. М. Тяжкова полагает, что квалификация содеянного только по ст. 149 УК РФ при наличии признаков ст. 285 УК РФ «будет означать необоснованное смягчение ответственности лицам, совершившим весьма опасное преступление». О совокупности преступлений (ст. 149 и 286 УК РФ) в случае, когда должностное лицо применяет насилие, пишут А. В. Серебренникова и А. В. Агафонов.

Прежде всего, надо отметить, что, если речь идет о ненасильственном воспрепятствовании проведению публичного мероприятия со стороны должностного лица, содеянное им не может рассматриваться как превышение должностных полномочий. Оно образует частный случай злоупотребления полномочиями. Действительно, исходя из предписаний п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» такое воспрепятствование есть деяние, которое хотя и было непосредственно связано с осуществлением должностным лицом своих прав и обязанностей, однако не вызывалось служебной необходимостью и объективно противоречило как общим задачам и требованиям, предъявляемым к государственному аппарату и аппарату органов местного самоуправления, так и тем целям и задачам, для достижения которых должностное лицо было наделено соответствующими должностными полномочиями. В частности, воспрепятствование можно оценить как совершение входящих в круг должностных полномочий действий при отсутствии обязательных условий или оснований для их совершения.

Общность с составом злоупотребления проявляется и в оценке последствий преступления. Традиционный взгляд состоит

в признании состава преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, формальным по конструкции объективной стороны [4, с. 152]. На этой основе И. М. Тяжкова, решая вопрос о соотношении ст. 149 и 285 УК РФ, указывает, что воспрепятствование проведению публичного мероприятия предполагает отсутствие последствий, тогда как обязательным признаком преступления по ст. 285 УК РФ является причинение существенного вреда правам и законным интересам граждан [5, с. 312]. Однако, по нашему убеждению, воспрепятствование осуществлению права на мирные собрания есть вместе с тем и существенное нарушение этого конституционного права. В п. 18 указанного выше постановления отмечено, что «под существенным нарушением прав граждан или организаций в результате злоупотребления должностными полномочиями или превышения должностных полномочий следует понимать нарушение прав и свобод физических и юридических лиц, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией Российской Федерации». Таким образом, вопрос о конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, может быть пересмотрен. Даже в отсутствие прямого указания на последствия в диспозиции нормы представить себе ситуацию, что воспрепятствование праву не причиняет вреда этому праву, объективно невозможно.

Таким образом, по признакам деяния и последствий ненасильственное воспрепятствование публичному мероприятию со стороны должностного лица может расцениваться как частный случай злоупотребления полномочиями. Такому выводу не препятствует и анализ субъективных признаков деяния. Хотя ст. 149 УК РФ не устанавливает требований к наличию корыстной или иной личной заинтересованности у субъекта деяния, безмотивным это преступление не может быть. Оно в любом случае совершается как минимум исходя из какой-либо личной заинтересованности. Под ней понимается стремление должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленное такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и т. п.

Таким образом, по всем основным признакам ст. 149 УК РФ есть специальная норма по отношению к ст. 285 УК РФ в случаях,

когда речь идет о воспрепятствовании проведению публичного мероприятия должностным лицом без применения насилия или угрозы. Анализ санкций при этом показывает, что ст. 149 УК РФ является более мягкой нормой с максимальным наказанием в три года лишения свободы, тогда как ст. 285 УК РФ предусматривает максимальную санкцию в четыре года лишения свободы.

Если провести анализ насильственного воспрепятствования проведению публичного мероприятия со стороны должностного лица, то такое деяние с полным основанием можно рассматривать в качестве специального по отношению к ситуации превышения должностных полномочий, поскольку применение насилия при осуществлении должностных полномочий – это деяние, которое «никто и ни при каких обстоятельствах не вправе совершать» (п. 19 указанного выше постановления). Анализ санкций также показывает, что закон признает ст. 149 УК РФ более мягкой нормой, нежели ст. 286 УК РФ.

Таким образом, воспрепятствование проведению публичного мероприятия, совершенное должностным лицом, являет собой частный случай ненасильственного злоупотребления или насильственного превышения должностных полномочий, который оценивается законодателем как менее опасное деяние, чем предусмотрено ст. 285 или 286 УК РФ. Исходя из общих правил и принципов квалификации преступлений конкуренция общей и специальной нормы (ч. 3 ст. 17 УК РФ), конкуренция более жесткой и более мягкой нормы (ст. 49 Конституции Российской Федерации) должна разрешаться в пользу более мягкой и специальной нормы. Иными словами, в пользу ст. 149 УК РФ.

Такая ситуация не может быть признана удовлетворительной. Принимая во внимание конституционные предписания о том, что человек, его права и свободы являются в России высшей ценностью и приоритетным объектом охраны, прежде всего стоит обсудить вопрос о необходимости повышения максимального наказания в санкции ст. 149 УК РФ. Увеличение санкции позволит не только окончательно снять вопрос о совокупности преступлений и в квалификационном процессе сделать убедительным выбор в пользу специальной нормы, но и дополнительно легитимировать само наличие ст. 149 УК РФ в тексте закона. Дело в том, что эта норма, будучи расположенной в разделе закона о преступлениях против личности, с необходимостью предполагает, что само

преступление всегда направлено против конкретного человека или группы лиц. Фигура жертвы (потерпевшего) в данном случае всегда персонифицирована и, более того, может иметь потенциальное значение для реализации и дифференциации уголовной ответственности.

Согласно ст. 31 Конституции Российской Федерации право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование принадлежит исключительно гражданам России. Однако анализ федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» позволяет сделать вывод, что круг лиц, обладающих таким правом, не ограничивается только гражданами. Закон в ч. 1 ст. 5 и ч. 1 ст. 6 допускает, что организаторами и участниками публичного мероприятия могут выступать члены общественных или религиозных объединений. В ст. 19 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» установлено, что их организаторами и участниками по общему правилу могут выступать как российские, так и иностранные граждане. И хотя ст. 27 этого закона допускает, что осуществление права проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование общественными объединениями, созданными иностранными гражданами и лицами без гражданства либо с их участием, может быть ограничено федеральными законами или международными договорами Российской Федерации, прямых предписаний ограничительного свойства в законе не содержится. Таким образом, иностранные граждане и лица без гражданства как участники общественного или религиозного объединения могут обладать правом на организацию публичных мероприятий и участие в них, а следовательно, могут быть признаны, при наличии к тому оснований, и потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ.

Заметим также, что федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» содержит дополнительные требования к возрасту организаторов публичных мероприятий (такими могут быть лица, достигшие 18 или 16 лет – в зависимости от формы проведения мероприятия), но умалчивает о минимально допустимом возрасте участников. Это обстоятельство также надо учитывать, причем как при решении вопроса о признании лиц потерпевшими, так и при установлении признаков незаконности в действиях должност-

ных лиц по воспрепятствованию проведения публичного мероприятия (в частности, воспрепятствование организации демонстраций, шествий и пикетирований, когда организаторами выступают лица, не достигшие 18 лет, не может быть признано незаконным и само по себе не содержит признаков преступления).

Таким образом, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, могут выступать организаторы и участники публичных мероприятий: граждане Российской Федерации, а также иностранные граждане и лица без гражданства, если они выступают в качестве членов общественных или религиозных объединений, обладающие в определенных законом обстоятельствах возрастом 16 или 18 лет.

При этом заметим, что в ситуации множественности жертв (когда имеет место отказ нескольким заявителям, когда препятствие осуществляется в отношении нескольких граждан, когда в результате воспрепятствования несколько лиц лишились возможности реализовать свое право) не создается множественность преступлений, при условии что речь идет об одном решении должностного лица. Однако все лица, лишённые своего права на мирные собрания или ограниченные в его осуществлении, могут быть и должны быть признаны потерпевшими от преступления.

В связи с тем что воспрепятствование проведению публичного мероприятия имеет четко персонифицированного потерпевшего, встает вопрос и о необходимости наличия в законе ст. 149 УК РФ, которая является собой лишь частный случай превышения или злоупотребления должностными полномочиями. Как известно, выделение специальной нормы является обоснованным, если она, описывая специфическую разновидность однотипных преступлений, отражает перепад в параметрах их общественной опасности. Вряд ли законодатель, установив пониженную санкцию в ст. 149 УК РФ, считает воспрепятствование проведению публичных мероприятий действительно менее опасным преступлением, чем злоупотребление или превышение полномочий. Признание этого факта означало бы неуважение к правам человека и недооценку их значимости в современном правовом государстве. Поэтому поставленный вопрос будем рассматривать с учетом предложенного выше повышения санкций в ст. 149 УК РФ.

Особенность исследуемого преступления состоит в том, что в отличие от общих

должностных преступлений в нем иначе расставлены акценты в приоритетности объектов охраны: личность и права человека – на первом месте, интересы государственной и муниципальной службы – на втором. Однако в оценке этого преступления против личности государство взяло на себя роль публичного обвинителя, оценщика причиненного вреда, определив, что преступление, предусмотренное ст. 149 УК РФ, относится к разряду преступлений «публичного обвинения» (ст. 20 УПК РФ). Из числа преступлений против конституционных прав только посяательства на некоторые личные и экономические права признаны преступлениями частного-публичного обвинения (ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 139, ч. 1 ст. 145, ст. 146, ч. 1 ст. 147 УК РФ). В науке это обстоятельство редко оспаривается. Между тем некоторые специалисты, на наш взгляд, совершенно правильно отмечают: «Широкая система уголовно-правовых запретов, охраняющих порядок реализации гражданами своих политических прав, является следствием ориентации законодателя на человека как такого несамостоятельного индивида, многие поведенческие акты которого требуют нормативной регламентации. Представляется, что этот метод защиты политических прав граждан не соответствует содержанию современного политического статуса человека, он характерен для той стадии развития общества, когда личность воспринималась главным образом как управляемая единица» [10, с. 17–18]. Отсюда им видится «закономерным сокращение вмешательства уголовного права в формирование политического сознания общества» и «желательность постепенной замены этого метода охраны политических прав судебной защитой». Уголовный закон может являться только вспомогательной формой защиты политических прав граждан, в противном случае он может быть легко использован как средство политической борьбы.

Изложенное требует поддержки и развития. Описанная ситуация в существенной степени изменилась в связи с принятием и вступлением в силу Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, который создает дополнительные возможности для судебной защиты прав граждан, в том числе и права на мирные собрания. Сегодня складывается ситуация, при которой нарушение должностными лицами законодательства о свободе собраний подпадает под действие либо уголовного закона, либо административно-деликтного

законодательства. Плюс к этому действия должностных лиц могут быть оспорены в административном порядке. В соответствии с ч. 1 ст. 218 КАС РФ гражданин, организация, иные лица могут обратиться в суд с требованиями об оспаривании решений, действий (бездействия) органа государственной власти, органа местного самоуправления, если полагают, что нарушены или оспорены их права, свободы и законные интересы, созданы препятствия к осуществлению их прав, свобод и реализации законных интересов или на них незаконно возложены какие-либо обязанности. Как показывает анализ судебной практики, этим правом граждане пользуются весьма активно.

Важно заметить, что административный способ защиты не заменяет собой возможности защиты нарушенного права в порядке уголовного или административно-деликтного законодательства в случаях, когда в действиях должностных лиц имеется соответствующий состав правонарушения. Это параллельные правовые гарантии, которые требуют особого понимания в установлении их пределов, вытекающих из предписаний законов относительно преюдициального значения судебных решений.

В связи с появлением административной процедуры защиты прав граждан КАС РФ в ч. 3 ст. 64 указал, что вступившие в законную силу приговор суда по уголовному делу, постановление суда по делу об административном правонарушении являются обязательными для суда, рассматривающего административное дело об административно-правовых последствиях действий лица, в отношении которого вынесены приговор и постановления суда, только по вопросам о том, имели ли место определенные действия и совершены ли они этим лицом. Аналогичным образом в ст. 90 УК РФ определено: обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением суда, принятым в рамках административного судопроизводства, признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки. При этом ст. 90 УК РФ следует толковать в единстве с Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 21.12.2011 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан В. Д. Власенко и Е. А. Власенко», согласно которому пределы действия преюдициальности судебного решения объективно определяются тем, что

установленные судом в рамках его предмета рассмотрения по делу факты в их правовой сущности могут иметь иное значение в качестве элемента предмета доказывания по другому делу, поскольку предметы доказывания в разных видах судопроизводства не совпадают, а суды в их исследовании ограничены своей компетенцией в рамках конкретного вида судопроизводства. Поэтому в уголовном судопроизводстве результатом межотраслевой преюдиции может быть принятие судом данных только о наличии либо об отсутствии какого-либо деяния или события, установленного в порядке гражданского (вероятно, можно добавить – и административного) судопроизводства, но не его квалификация как противоправного, которая с точки зрения уголовного закона имеет место только в судопроизводстве по уголовному делу.

Таким образом, решение суда, принятое в порядке КАС РФ по иску о защите прав гражданина от неправомерных действий должностных лиц, не предвещает вопроса о виновности этих должностных лиц в совершении правонарушений, предусмотренных УК РФ или КоАП РФ. В реальности же складывается совершенно иная ситуация. При подготовке публикации были исследованы материалы 58 дел, рассмотренных в порядке КАС РФ, по искам граждан на решения органов власти и управления в части нарушения их права на свободу мирных собраний. Практически во всех решениях (99 %) в иске было отказано, тем самым действия должностных лиц были признаны непротивоправными с точки зрения соблюдения федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Такое решение административного суда воспринимается как формальный повод к тому, чтобы исключить возможность последующего рассмотрения и оценки поведения должностных лиц в порядке уголовного или административно-деликтного законодательства. Юристы, как правило, считают нецелесообразным и бесперспективным возбуждать, расследовать и направлять в суды в подобных ситуациях дела о преступлениях по тем же самым фактам поведения должностных лиц, что вполне закономерно объясняет отсутствие в судебной практике дел о преступлениях должностных лиц против права граждан на мирные собрания. Сами же граждане фактически лишены возможности инициировать проверку поведения должностных лиц на предмет наличия в них признаков преступления.

Полагаем, что это не в полной мере отвечает приоритетной задаче государства по защите прав человека в стране. Исправлению ситуации, думается, будет служить отнесение преступления, предусмотренного ст. 149 УК РФ, к категории преступления частного обвинения. Реализация этого предложения позволит активизировать позицию граждан в деле защиты своих прав,

устранить ведомственную незаинтересованность в расследовании уголовных дел в случаях наличия решения административного суда в пользу государственного или муниципального органа, легитимировать наличие в структуре УК РФ отдельной, специальной нормы о воспрепятствовании проведению публичного мероприятия со стороны должностного лица.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агафонов А. В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Красноярск, 2005. 133 с.
2. Амрахов Н. И. Права и свободы человека и гражданина как объект уголовно-правовой охраны : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 190 с.
3. Вдовиченко К. Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 221 с.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации : в 4 т. / отв. ред. В. М. Лебедев. М., 2017. Т. 2. Особенная часть. Разд. VII–VIII. 371 с.
5. Курс уголовного права. Особенная часть / под ред. Г. Н. Борзенкова и В. С. Комиссарова. М., 2002. Т. 3. 468 с.
6. Мачковский И. Г. Преступления против конституционных прав человека и гражданина: проблемы теории и практики правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. 432 с.
7. Пудовочкин Ю. Е. Противоправность как признак преступления: опыт анализа, проблемы, перспективы // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 1. С. 70–81.
8. Романова В. В. Юридическая ответственность государства : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2007. 25 с.
9. Серебренникова А. В. Уголовно-правовое обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина по законодательству Российской Федерации и Германии : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 475 с.
10. Соломоницина И. О. Уголовно-правовая охрана политических прав граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 25 с.

REFERENCES

1. Agafonov A. V. Prestupleniya protiv konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina [Crimes against the constitutional rights and freedoms of man and citizen]. Krasnoyarsk, 2005. 133 p. (In Russ.).
2. Amrahov N. I. Prava i svobody cheloveka i grazhdanina kak ob'ekt ugolovno-pravovoj ohrany : dis. ... kand. yurid. nauk [Rights and freedoms of man and citizen as an object of criminal-legal protection : the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 2006. 190 p. (In Russ.).
3. Vdovichenko K. G. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie prestupleniyam v sfere organizacii i provedeniya publicnyh massovyh meropriyatij : dis. ... kand. yurid. nauk [Criminally-legal counteraction to crimes in sphere of the organization and carrying out of public mass actions : the diss. ... PhD. in Law]. Krasnodar, 2015. 221 p. (In Russ.).
4. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii : v 4 t. / отв. ред. В. М. Лебедев [Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation : in 4 vol. ; ed. by V. M. Lebedev]. Moscow, 2017. Vol. 2. 371 p. (In Russ.).
5. Kurs ugolovnogogo prava. Osobennaya chast' / pod red. G. N. Borzenkova i B. C. Komissarova [The course of criminal law. The special part ; ed. by G. N. Borzenkov and B. C. Komissarov]. Moscow, 2002. Vol. 3. 468 p. (In Russ.).
6. Machkovskij I. G. Prestupleniya protiv konstitucionnyh prav cheloveka i grazhdanina: problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya : dis. ... d-ra yurid. nauk [Crimes against the constitutional rights of man and citizen: the problems of theory and practice of legal regulation : the diss. ... of Dsc. in Law]. Moscow, 2005. 432 p. (In Russ.).
7. Pudovochkin YU. E. Protivopravnost' kak priznak prestupleniya: opyt analiza, problemy, perspektivy [Illegality as a sign of crime: experience of analysis, problems, prospects]. Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal – The All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. Iss. 1. P. 70–81. (In Russ.).
8. Romanova V. V. YUridicheskaya otvetstvennost' gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Legal responsibility of the state : author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Kazan, 2007. 25 p. (In Russ.).
9. Serebrennikova A. V. Ugolovno-pravovoe obespechenie konstitucionnyh prav i svobod cheloveka i grazhdanina po zakonodatel'stvu Rossijskoj Federacii i Germanii : dis. ... d-ra yurid. nauk [Criminal legal support for constitutional rights and freedoms of a person and citizen under the laws of the Russian Federation and Germany : the diss. ... Dsc. in Law]. Moscow, 2008. 475 p. (In Russ.).
10. Solomonidina I. O. Ugolovno-pravovaya ohrana politicheskikh prav grazhdan : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk [Criminal legal protection of political rights of citizens : author's abstract of the diss. ... PhD. in Law]. Moscow, 1993. 25 p. (In Russ.).

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 14:159.9.01:343.82

Философско-антропологические основания психотерапии осужденных

Н. С. ОБОТУРОВА – заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности;

А. М. ЧИРКОВ – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности

Реферат

Статья посвящена обоснованию необходимости философско-антропологического подхода к разработке методологии пенитенциарной психотерапии, направленной на ресоциализацию осужденных, находящихся в исправительных учреждениях. Рассматриваются причины отставания пенитенциарной психотерапевтической практики от теоретических достижений современной психологии и других областей науки. Обосновывается актуальность и значимость философского анализа пенитенциарной психотерапии в контексте междисциплинарного подхода. На основе теоретических подходов различных философских школ раскрываются проблемы познания психики, сознания, бессознательного и духовного во внутреннем пространстве субъекта. Показано, что современный этап развития антропологии в области воззрений на природу психического мира человека и феномен сознания характеризуется переосмыслением и сменой философских парадигм на основе принципов постнеклассической науки. Важность создания методологической базы психотерапии осужденных обусловлена необходимостью учета достижений и принципов современной философии, основанных на синтезе ее парадигм с другими областями науки и сближении со знаниями восточных школ философии и религиозных воззрений на природу и целеполагание человека.

Ключевые слова: психотерапия; философия; антропология; философская антропология; психология; культура; методология; междисциплинарный подход; метапсихологические теории; парадигма; дискурс; постнеклассическая наука; субъективная реальность; сознание; душа; духовность; принцип иерархичности; экзистенциальная психология; совладающее поведение; копинг; метафизика; трансперсональная психология; трансцендентность; принцип некаузальности; программы и методы психотерапии осужденных; психическое личностное расстройство; стрессовые расстройства; психопатология; преступность; духовная дефицитарность; инкультурация; исправительное учреждение; осужденный.

Philosophical-anthropological foundations of psychotherapy of convicts

N. S. OBOTUROVA – Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety;

A. M. CHIRKOV – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety

Abstract

The article is devoted to the substantiation of the need for a philosophical-anthropological approach to the development of the methodology of penal psychotherapy aimed at the resocialization of convicts who are in correctional institutions. The reasons for the delay in penal psychotherapeutic practice from the theoretical achievements of modern psychology and other fields of science are considered. The relevance and significance of the philosophical analysis of penal psychotherapy is substantiated in the context of the interdisciplinary approach. On the basis of theoretical approaches of various philosophical schools the problems of cognition of the psyche, consciousness, unconsciousness and spiritual in the inner space of the subject are revealed. It is shown that the modern stage of the development of anthropology in the field of views on the nature of the mental world of man and the phenomenon of consciousness is characterized by a rethinking and a change of philosophical paradigms based on the principles of post-non-classical science. The importance of creating a methodological basis for psychotherapy of convicts is conditioned by the need to take into account the achievements and principles of modern philosophy based on the synthesis of its paradigms with other fields of science and the rapprochement with the knowledge of oriental schools of philosophy and religious views on the nature and goal-setting of man.

Key words: psychotherapy; philosophy; anthropology; philosophical anthropology; psychology; culture; methodology; interdisciplinary approach; metapsychological theories; paradigm; discourse; post-non-classical science; subjective reality; consciousness; soul; spirituality; principle of hierarchy; existential psychology; coping behavior; copying; metaphysics; transpersonal psychology; transcendence; the principle of non-causality; programs and methods of psychotherapy of convicts; mental personality disorder; stress disorders; psychopathology; crime; spiritual scarcity; inculturation; correctional institution; convict.

Проблемное поле психотерапии осужденных, находящихся в местах лишения свободы, характеризуется «устойчивой неравновесностью». Недостаточная эффективность исправления осужденных обусловлена функциональной дефицитарностью психологического сопровождения, центральной структурой и функциями которого является психотерапия. На это указывают данные о низком уровне ресоциализации и сохранении достаточно высоких показателей рецидивности [18]. Такое состояние связано с влиянием целого ряда факторов: изменениями в уголовно-исполнительной политике России; пермиссивно продолжающимся кризисным состоянием культуры, деформирующим общественное сознание и порождающим новые формы нарушений морали и нравственности [15]; особенностями динамики и структуры преступности [18]; омоложением контингента осужденных; увеличением числа лиц с исходной психопатологией, отражающим общую тенденцию нарастания частоты социопсихогенной патологии, индуцируемой стрессовой социально-культурной ситуацией [23] и т. д. Так, например, сокращение численности лиц, помещаемых в исправительные учреждения за нетяжкие преступления, привело к повы-

шению числа осужденных, страдающих социально значимыми заболеваниями, в том числе и психическими личностными расстройствами, что, в свою очередь, повысило социально-психологическую напряженность в местах лишения свободы, увеличив частоту межличностных конфликтов и массовых беспорядков [9].

Негативно сказывается на качестве психотерапии осужденных и несоответствие численного состава психологов (психотерапевтов) количеству осужденных в исправительных учреждениях, недостаточное обеспечение квалифицированными психиатрами, использование симптоматических методов вместо этиопатогенетической адресной психотерапии и т. д. Но основной причиной низкой эффективности психотерапии осужденных является снижение научно-методологического потенциала разрабатываемых программ и методов, обусловленное сохранением устаревших теоретических подходов, относящихся к корпусу основных академических школ психологии и психотерапии [24; 25]. Несмотря на внедрение широкого арсенала терапевтических технологий, качество психотерапии осужденных отстает от достижений научной мысли и остается на низком уровне.

Таким образом, имеющиеся программы, стратегии и методы, построенные на образцах академической науки, отражают общую методологическую недостаточность. Несоответствие методологии психотерапии осужденных задачам пенитенциарной практики актуализирует ее развитие с учетом достижений современной философии и других областей научного знания. Для ее разработки необходим междисциплинарный подход, допускающий использование принципов постнеклассичности (иерархичности, некаузальности, непознаваемости и непредсказуемости психики) и привлечение множества взаимодополняющих и взаимоисключающих теорий и гипотез, что отвечает критериям истинности, целостности, избыточности и одновременно отражает синкретичность, симультанность, эвристичность и значимость исследований.

Целесообразность философского анализа методологических проблем психотерапии обусловлена его прерогативой в рассмотрении внутреннего мира человека. На современном этапе развития науки и гуманитарных знаний проблемы изучения психики и внутреннего мира человека во многом остаются открытыми [16]. Несмотря на внутреннюю противоречивость таких феноменов, как сознание, бессознательное и духовность, изучаемых в философии и культуре, их рассмотрение открывает перспективы для создания целостной картины внутреннего мира человека. Актуальность постановки этих вопросов обусловлена также и тем, что философское понимание психики не может быть достигнуто без таких одинаково важных и равноценных по значимости категорий, как рациональное и иррациональное, сознательное и бессознательное и т. д. Исследование и использование европейской цивилизацией рациональных форм мышления и анализа психических феноменов сами по себе являются достижениями, но их абсолютизация и идеализация, отрицание и отвержение неразумного, иррационального не может дать полного представления о внутреннем мире субъекта [16; 17].

Известно, что еще на первых этапах человеческого самосознания и рефлексии была обнаружена особая духовная реальность. Она отражена в анимистических представлениях о всеобщей одухотворенности мира, всеобщности души, ее независимости от тела, способности управлять живыми и неживыми предметами. Ранние истоки имеет и проблема бессознательного, которая в древнеиндийской философии представле-

на идеей разума знающего, неправильно познающего (страстного), окутанного мраком; изначально бессознательной жизненной энергии («праны»); признанием бессознательной психически активной области [10; 20]. Наиболее глубокие идеи в понимании соотношения духа и материи заложены в древнегреческой философии. Поставленные ее школой проблемы представляются актуальными и сегодня, особенно в области психического и духовного мира человека, его сознания и неосознанного, скрытого знания [16]. Так, Платоном впервые были раскрыты недостатки чувственного восприятия и основанного на нем обыденного сознания. Он отметил, что восприятие представляет нам вещи не такими, какими они есть на самом деле, а такими, какими они кажутся нам (или нашим органам чувств). Чувства не могут быть источником истинного знания, но лишь побудителем, способствующим тому, что разум обращается к познанию истины. Он впервые также указал на несовпадение знания о мире с самим миром и понятия о предмете с самим предметом. Платон считал, что основание понятия не в предмете, а в чем-то другом, что не является ни предметом, ни понятием. Им делается вывод, что первопричиной всего сущего есть сама идея и, разделяя положение о существовании абсолютной истины, указывается, что она не познаваема. Его теории познания связаны с учением о душах, которая существует вечно – до рождения и после смерти. Душа есть идея души и идея жизни, она источник движения, и никакие изменения не могут привести к ее исчезновению, она будет вечна и после земной жизни [19]. Душа бессмертна и, являясь отраженным светом мировой души, состоит из трех начал: яростного (воли), вожделеющего (ощущений, чувств) и разумного (разума). Отношение человека к миру складывается в зависимости от преобладания того или иного начала души: воля детерминирует благородные желания, чувства – низменные влечения, а разум нацелен на познание. Эти доминанты соответствуют видам знания о внешнем мире – чувственному, деятельному, интеллектуальному. Интеллектуальное знание Платон разделил на рассудочное и разумное, а чувственное – на веру и подобие. И если рассудок открывает истину логическим путем, то разум приходит к истине непосредственно (интуитивно), схватывая истину сразу [19].

На основе платоновского принципа движения (физики) одушевленных существ позднее Аристотелем была создана психо-

логия – учение о душе. Он считал, что душа является формой и сущностью (осуществленностью), а тело – возможностью души, ее материей. И если тело может развиваться и изменяться, то душа представляет начало и цель этого изменения. Все части человеческой души, связанные с телом, погибают, а ум как высшая иерархическая субстанция души не гибнет. Эти взгляды и идеи Аристотеля и Платона, как и мудрость Гераклита и Пифагора, до сих пор актуальны. Они, по мнению Н. А. Бердяева, строились «на религиозном питании, на органической связи с народной жизнью», что отражает их «здоровый реализм» [6, с. 10].

Проблема соотношения психики и сознания, разума и страстей в философии XVII–XVIII вв. стала одной из центральных. Идея Р. Декарта о тождестве сознательного и психического оказала влияние на формирование и господство европейского рационализма. По его мнению, в психике нет ничего, кроме сознательно протекающих процессов, и вне мышления не существует ничего подлинно существующего, а сознание представляет особую, нематериальную, непротяженную субстанцию. Он считал, что ассоциативное знание не является истинным, истинное же изначально заложено в душе в виде врожденных идей. В основе философии Р. Декарта лежит дуализм души и тела, «мыслящей» и «протяженной» субстанции. Материю он отождествлял с протяжением или пространством, движение сводил к перемещению тел, а причину движения видел в Боге – источнике объективной значимости человеческого мышления. Человек – это связь души, обладающей мышлением и волей, с безжизненным телесным механизмом. Разум и материя, по Р. Декарту, противопоставляются друг другу, и сущность этой борьбы заключается в обуздании разумом чувств и обретении совершенного морального качества. Взаимосвязь духовной мыслительной и телесной материальной субстанции осуществляется единой, творческой, внутренней, божественной силой, пронизывающей все существующее и обуславливающей врожденность познавательных способностей человека [8].

Принцип гносеологического детерминизма, надолго закрепившийся в европейской философии, принадлежит Б. Спинозе, который, разрабатывая теоретическое построение психологии, подобно стоикам, считал, что основным стремлением человеческой жизни является влечение к самосохранению – выживанию. В противостоянии дуа-

лизму Р. Декарта Б. Спиноза создает учение о единой субстанции, которая является первопричиной всего существующего и существует объективно. Она несотворима и неуничтожима, бесконечна в своем временном и пространственном существовании. Пытаясь преодолеть идею противостояния души и тела, он связывает познание с влечениями, аффектами и желаниями человека как проявлениями его сущности, признавая существование «неясных», «темных» восприятий [21]. Вся конструкция психологии Б. Спинозы зависит от концепции телесного организма – «сложного тела» и способности чувствовать, страдать, радоваться и мыслить. Структура психологии опирается на анализ действия и страсти, поскольку, по мнению философа, они являются систематическими и теоретическими понятиями.

В более четком виде доктрина психофизического параллелизма была предложена Г. Лейбницем, который, как и Б. Спиноза, выступал за целостный подход к человеку, утверждая единство телесного и психического. Отрицая декартову идею отождествления психики и сознания, он считал, что в основе этого единства лежит духовное начало. Душа и тело не могут влиять одно на другое и совершают свои операции самостоятельно и автоматически, но в основе их единства лежит духовное начало, некая божественная мудрость, которая выражается в предустановленной гармонии [14]. Он признавал предшествующие сознанию различные состояния человеческой души в виде «малых перцепций» или неосознаваемых восприятий, «бессознательных страданий». Осознание скрытых противоборств психических сил («малых перцепций») становится возможным благодаря особому психическому акту – апперцепции, возникающей на основе обостренного внимания и активной работы памяти. Он указывал, что в душе имеются задатки, предрасположенность к познанию, реализуемая в активной деятельности разума: «все предположения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе» [14, с. 78]. На основе принципа активности и непрерывности психической деятельности и различной степени интенсивности сознания Г. Лейбницем были выделены несколько областей в душе, отличающихся по степени осознанности тех знаний, которые в них располагаются: область отчетливого знания, область смутного знания и область бессознательного. Рациональная интуиция открывает содержание идей, находящихся в аппер-

цепции, поэтому эти знания являются ясными и обобщенными. Доказывая существование бессознательных образов, ученый при этом не раскрывал их роль в деятельности человека, поскольку считал, что она связана преимущественно с осознанными идеями.

Углубленный анализ феноменов сознания, мышления и бессознательного принадлежит немецкой классической философии с ее идеями разума как объективного и основополагающего начала, познания в достижении объективной истины и представлениями о человеке как субъекте рациональной этики, идеями гармонии человека и мироздания и т. д. Разработка концепций сознания, разума и духа привела к изучению бессознательного в качестве отличного от сознания феномена и самостоятельного источника психической деятельности. Так, И. Кант рассматривал бессознательное в качестве априорного синтеза, предшествующего сознательному содержанию опыта. Он утверждал наличие спонтанных представлений (созерцания), которые даны до всякого мышления, и назвал их чистой, первоначальной апперцепцией. Они рассматриваются им как сущность самосознания, которое «должно иметь возможность сопровождать все остальные представления и быть одним и тем же во всяком сознании» [13, с. 191–192]. Анализируя природу чувственного и интеллектуального познания, И. Кант признает возможность бессознательного в виде обширных неосознанных, смутных, неясных представлений. Тем самым им одним из первых предложен топологический подход к пониманию места и роли сознания и бессознательного в психической деятельности человека.

В отличие от И. Канта высшим понятием трансцендентальной философии И. Фихте считал понятие «Я», которое соединяет в себе данные органов чувств со всем тем, что существует в человеческом разуме. Рассматривая деятельность как бессознательное стремление к саморазвертыванию, он полагал, что бессознательное – первооснова человеческого бытия, свободная, произвольная деятельность, лежащая в основе не только творения мира, но и его познания. Переход от бессознательного к сознанию связан с ограничением свободы, с запретами во имя сохранения и поддержания жизни [22]. Целью человека является он сам в единстве со своей свободой, с высшим Я. Достичь этого возможно только при бесконечном стремлении разума подчинить все

не-Я. Вслед за И. Фихте Ф. Шеллинг также считал, что И. Кант, обосновав знание научное, ограничил знание метафизическое. Бессознательное у Ф. Шеллинга выступает как первооснова мира и бытия человека. Оно отражает самопроизвольное развертывание духа от низших ступеней до возникновения сознания и самосознания. По мнению философа, бессознательное – демиург, находящийся вне человека и относящийся к сфере Абсолюта. Сознание вторично: «сознательной деятельности... должна противостоять деятельность бессознательная...» [26, с. 457]. Он полагал, что если воля рождается в бессознательном, то и человек вынужден обратиться к нему для гарантии успеха своих действий, утверждая тем самым идею об изначальном тождестве бессознательного и сознательного в природе.

Исходя из априорного утверждения, что бытие тождественно мышлению человека, Г. В. Ф. Гегель возвращает мир идей в объективную действительность. Он, как и И. Фихте и Ф. Шеллинг, признает наличие бессознательного, считая, что все создается и осмысливается посредством понятийного развертывания бессознательного духа. Сознание человека поэтому есть самопознание бессознательным духом самого себя. Синтезируя идеи Аристотеля и И. Канта, он пытается соединить мышление и бытие, диалектику и логику. Мышление способно подняться до диалектики бытия, отражать его текучесть. Признавая «в себе и для себя» сущий, сверхчувственный мир, обладающий рефлексированным существованием, Гегель считает, что этим преодолевается не только чувственное представление, приписывающее существование лишь бытию, но и «бессознательная рефлексия» – «рефлексированные существования» [6, с. 144]. «Бессознательная рефлексия» при этом имеет представления о вещах, но не определяет их, не делает их «рефлексивно существующим».

И если в соответствии с отражением философией этоса культуры своей эпохи И. Кант освобождает человека от всего потустороннего как нерационального, то Г. К. Ф. Гегель рационализирует проявленный мир, лишая философию антропологического ядра в угоду западному представлению о прогрессе и его основному понятию «движение». Преодолевая И. Канта, он возвращается к Р. Декарту, утверждая, что человек конечен в жизни и бесконечен в познании, которое доступно только мышлению. Абсолютная истина в философии данного

ученого становится достижимой и делает индивида ее обладателем. Эта высшая точка расцвета философии гностиков-рационалистов в Германии, по мнению Н. А. Бердяева, является «самообожествлением», «невиданной гордыней философствующего разума», превращением философии «в идол» [2, с. 11]. Как подъем духа, так и последующее падение были неизбежными и громадными. Вместе с тем, благодаря Гегелю, придавшему диалектическому методу анализа вид полномасштабной парадигмы, сегодня можно не только выявить динамическое противоречие (оппозиционирование) программ и методов психотерапии основным целям ресоциализации осужденных, но и прогнозировать возможность преодоления кризиса культуры на базе духовного и социального развития.

Задачей последующих философов было возвращение человеку утраченных предшествующей философской антропологией сущности его бытия и вековечной цели своих устремлений. На этом пути С. Кьеркегор и Ф. М. Достоевский пришли к философии смысла бытия конкретного человека и его цели, Э. Гартман погрузился в проблемы бессознательного, а А. Шопенгауэр обратился к воле. Его философия – это критика гегелевского рационализма и возвращение к иррационализму в постановке проблемы бессознательного. Началом всего сущего, по А. Шопенгауэру, является бессознательная мировая воля – слепое хотение, неотделимое от телесного существования человека, проявление некоей космической, мировой воли, которая составляет основу и истинное содержание всего сущего и развития мира. Она реальная сущность человека, а интеллект и разум являются ее произвольным, побочным проявлением. Она порождает явления и представления, вместе с которыми появляются соотносительные, друг друга предполагающие «объект» и «субъект». Философ предлагает исходить не из субъекта, как это делает субъективный идеализм, и не из объекта, как это делает материализм, а из порожденного бессознательной волей представления. Воля, как «вещь в себе», непосредственно открывается субъекту познания, и условием этого познания является данное каждому человеку тело, которое служит явлением воли, благодаря чему человек оказывается индивидуальностью. Таким образом, для А. Шопенгауэра, синтезирующего традиции брахманизма с философией Платона, И. Канта и И. Фихте, неопровержимым тезисом оказывается ут-

верждение, что мир лишь представление, то есть образ, созданный человеческим сознанием. Его попытки создать универсальную философскую систему отражают сплав философии востока с экзистенциальными идеями на пути постижения свободы и обусловленности, смысла и бессмыслицы, скорби, страдания и радости, духовного и материального, общего и частного и т. д. [27]. Достижение нравственной свободы, привлечение человека к первичному единству и одухотворение этого единства происходит на вершине неизбежных страданий личности и слома «воли к жизни». Несмотря на то что мир сам по себе непроницаем, А. Шопенгауэр указывает, что существуют три подхода к его познанию – мистика, философия и искусство. По его мнению, созерцательное познание недоступно науке, так как она всегда обращена к интеллекту, глубоко погруженному в интересы воли. Но оно открывается различным видам искусства, которые опираются на интуицию, познающую не отдельную вещь, а ее «идею» – вечную форму. Действительный образ мира в его сущности открывается лишь художественному познанию, и художественная интуиция есть истинное познание, являющееся привилегией гения. Этим А. Шопенгауэр предвосхитил ряд идей в области психологии творчества [12], а его взгляды на восприятие мира как продукт сознания согласуются с концепциями голографического единства и устройства мира.

Рождение основных понятий в области психологии бессознательного и психодинамической психотерапии во многом обязано немецкому философу Э. Гартману, который первым обобщил, переосмыслил и развил представления о бессознательном [4, с. 22]. Вслед за А. Шопенгауэром он утверждал, что бессознательное, являясь единой духовной субстанцией – космическим сознанием, скрыто под поверхностью индивидуального сознания. И наивысшее благо для человека заключается в пробуждении, реализации и превращении бессознательного в сознательное. Это прямое следование древнеиндийской философии, в которой подсознательные мотивы и сверхсознание понимались как часть человеческого существа, находящаяся в контакте с Единым. То есть бессознательное у Э. Гартмана, как и у А. Шопенгауэра, рассматривается главным компонентом познания мира, поскольку имеет интуитивную природу, играя тем самым значительную роль в творчестве. Утверждая, что основополагающим нача-

лом всего сущего является бессознательное, философ пытается доказать единство воли и представления, снимающее различие между духом и материей. Он следовал И. Канту и особенно А. Шопенгауэру в значении воли, указывая, что бессознательная воля по сравнению с сознательной является первичной и значительно более сильной [5]. Бессознательному принадлежит моментальность действия и наличие психической особой сферы, предоставленной только ему, «ибо она недоступна сознанию» и «все то, что может быть выполнено сознанием, может быть выполнено и бессознательным, и даже еще удачнее, быстрее, удобнее» [5, с. 284]. С его утратой теряется источник жизни, поскольку сознательный разум выводит общее из частного и не действует произвольно, то есть не творчески. Разделяя положение о том, что воля создает реальность, а представление наполняет ее содержанием, Э. Гартман рассматривает и выделяет в бессознательном физический, гносеологический, психический и метафизический аспекты содержательного смысла. К физиологически бессознательному он отнес рефлексы, инстинкты, наклонности, навыки и т. д. Гносеологически бессознательным являются непознанное и непознаваемое. Они недоступны обычным способам познания, но открываются в сфере психического и метафизического бессознательного. В психически бессознательном Э. Гартман выделяет следующие разновидности: 1) не сознаваемое определенным образом; 2) относительно бессознательное; 3) абсолютно бессознательное как носитель и исполнитель тех высших законов природы, благодаря которым организм возвышается над неорганизованными вещами. То есть бессознательное находится как в телесной области, так и в области человеческого духа. И если телесно бессознательное имеет отношение к целительной силе природы и органическому образованию, то духовно бессознательное выражается в чувстве и чувственном восприятии, мышлении и характере, нравственности, любви, эстетических суждениях, художественном творчестве и т. д. Вслед за И. Кантом Э. Гартман дополняет, развивает и создает стройную структурированную иерархическую топологию бессознательного. Ей присущи всеобщность и вездесущность бессознательного, начиная от присутствия его на физическом уровне до метафизического, включающего психический и духовный. Бессознательное при этом охватывает в один и тот же момент

как результат, так и производящий его целый процесс, который «непосредственно усматривает в интеллектуальном созерцании результат всего процесса» [5, с. 294]. Э. Гартман наряду с этим отмечает и минусы бессознательного, руководствуясь которым человек бродит в потемках и результаты его проявления не поддаются совершенствованию, а проявляются в страшной, демонической, предуготовленной природе. В связи с этим философ указывает на необходимость овладения бессознательным и на важность расширения сферы сознания и сознательной деятельности. К свойствам сознания он относит: способность блокировать страсти; стремление к истине, критике и самокритике; выбор средств, соразмерных с целью; управление волей; согласование действия с нравственностью, возможностями и способностями индивида; подавление необоснованных ощущений и недовольства и т. д. Но, оставаясь в рамках иррационализма, Э. Гартман утверждает, что каждый шаг на пути к победе сознания над бессознательным является дальнейшим продвижением от жизни к ничто и «полная победа логического элемента над алогическим должна совпасть с концом мирового процесса во времени, с последним днем его» [5, с. 373]. Указывая, что небытие мира предпочтительнее «безумного карнавала бытия», он предвосхищает философию XX в. Его идеи явились не только научной основой психоанализа, но предвосхитили положения теории функциональных систем П. К. Анохина, иерархичности, принципы постнеклассичности и т. д. [1; 15].

Таким образом, философия немецкого трансцендентального идеализма от И. Канта до Г. В. Ф. Гегеля не смогла справиться с феноменом сознания, настойчиво изыскивая пути его «раскрытия» с «черного хода» путем изучения его антипода – бессознательного. Однако анализ психологии бессознательного потребовал возврата к истокам древней философии, что проявилось в синтезе восточного и европейского философских подходов Э. Гартмана. Такая тенденция философского анализа психики характерна и для современных направлений философской антропологии. Они связаны с переосмыслением научного познания сущности и структуры внутреннего мира человека. Это отражается как в дальнейшей экспансии философии в сферу бессознательного, так и в смене парадигм и разработке принципов экзистенциальной философии, развитии религиозно-философской мысли и т. д.

Все это демонстрирует актуальность обращения к фундаментальным предпосылкам человеческого бытия на основе обогащения его смысла антропологическими и теолого-философскими контекстами с целью преодоления кризиса нравственно-ценностной системы взглядов. Современная философия обеспечивает развитие представлений

о природе психики и сознания, специфике их проявлений в регуляции поведения человека. Такой подход является необходимым условием для создания целостной объективной картины психической жизни личности и разработки теоретико-методологических оснований пенитенциарной психологии и психотерапии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анохин П. К. Узловые вопросы теории функциональных систем. М., 1980. 196 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.; Екатеринбург, 2015. 522 с.
3. Выготский Л. С. Избранные психологические исследования. Мышление и речь. Проблемы психологического развития ребенка. М., 1956. 519 с.
4. Гартман Э. К понятию бессознательного // Новые идеи в философии : сб. СПб., 1913–1914. Т. 15. 144 с.
5. Гартман Э. Сущность мирового процесса, или Философия бессознательного. М., 1873–1875.
6. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. М., 1971. Т. 2. 248 с.
7. Герасимова И. А. Проблема сознания в контексте междисциплинарного диалога // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное видение : тр. междунар. конф. (Астрахань, 9–12 сентября). Астрахань, 2004. С. 170–174.
8. Декарт Р. Страсти души : избр. произв. М., 1950. 711 с.
9. Диденко А. В. Расстройства личности у осужденных, отбывающих наказания в местах лишения свободы : учеб. пособие. Томск, 2010. 240 с.
10. Древнеиндийская философия. Начальный период. М., 1972. 271 с.
11. Журавлев А. Л., Юревич А. В. Теория и методология психологии: постнеклассическая перспектива. М., 2007. 528 с.
12. Зинченко В. П. Сознание и творческий акт. М., 2010. 592 с.
13. Кант И. Соч. : в 6 т. М., 1964. Т. 3. Критика чистого разума. 799 с.
14. Лейбниц Г. В. Собр. соч. : в 4 т. М., 1983. Т. 2. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии. 686 с.
15. Оботурова Н. С. Влияние информационной образовательной среды на формирование общекультурных компетенций обучающихся // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2016. № 4 (36). С. 83–86.
16. Оботурова Н. С. Природа и познавательные функции бессознательного : моногр. Вологда, 2003. 104 с.
17. Оботурова Н. С. Философия идеи : моногр. Вологда, 2009. 175 с.
18. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы (январь – декабрь 2017 г.) : информ.-аналит. сб. Тверь, 2018. 358 с.
19. Платон. Соч. : в 3 т. М., 1972.
20. Шивананда С. Йога и сила мысли. М., 2003.
21. Спиноза Б. Избранные произведения : в 2 т. М., 1957. Т. 2. 727 с.
22. Фихте И. Г. Антология мировой философии : в 4 т. М., 1971. Т. 3.
23. Чирков А. М. Системогенез стрессовой адаптации осужденных // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 1 (72). С. 40–46.
24. Чирков А. М. Культуральный подход к психотерапии психических личностных расстройств у осужденных молодежного возраста // Психолого-педагогическое обеспечение исполнения наказаний в отношении осужденных молодежного возраста : сб. материалов науч.-практ. семинара / под общ. ред. С. В. Маришина. Вологда, 2017. С. 8–32.
25. Чирков А. М. Полиmodalная психотерапия ассоциации стрессовых и психических личностных расстройств // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 67–71.
26. Шеллинг Ф. В. И. Соч. : в 2 т. М., 1967. Т. 1. Система трансцендентального идеализма. 637 с.
27. Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1993. 479 с.

REFERENCES

1. Anohin P. K. Uzlovye voprosy teorii funkcional'nyh system [Nodal questions of the theory of functional systems]. Moscow, 1980. 196 p. (In Russ.).
2. Berdyaev N. A. Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka [Philosophy of freedom. Sense of creativity. Experience of human justification]. Moscow ; Ekaterinburg, 2015. 522 p. (In Russ.).
3. Vygot'skiy L. S. Izbrannyye psihologicheskyye issledovaniya. Myshlenie i rech'. Problemy psihologicheskogo razvitiya rebenka [Selected psychological research. Thinking and speaking. Problems of psychological development of the child]. Moscow, 1956. 519 p. (In Russ.).
4. Gartman E. K. K ponyatiyu bessoznatel'nogo [To the concept of the unconscious]. Novyye idei v filosofii : sb. – New ideas in philosophy: collection. St. Petersburg, 1913–1914. Vol. 15. 144 p. (In Russ.).
5. Gartman E. H. Sushchnost' mirovogo processa, ili Filosofiya bessoznatel'nogo [The essence of the world process or the Philosophy of the unconscious]. Moscow, 1873–1875. (In Russ.).
6. Gegel' G. V. F. Nauka logiki : v 3 t. [The science of logic : in 3 vol.]. Moscow, 1971. Vol. 2. 248 p. (In Russ.).
7. Gerasimova I. A. Problema soznaniya v kontekste mezhdisciplinarnogo dialoga [The problem of consciousness in the context of an interdisciplinary dialogue]. Rossiya i Vostok. Fenomen soznaniya: integral'noe videnie : tr. mezhdunar. konf. (Astrakhan', 9–12 sentyabrya) – Russia and the East. The phenomenon of consciousness: an integral vision : the proceedings of an international conference (Astrakhan, September 9–12). Astrakhan, 2004. P. 170–174. (In Russ.).
8. Dekart R. Strasti dushi : izbr. proizv. [The Passion of the Soul : Selected Works]. Moscow, 1950. 711 p. (In Russ.).
9. Didenko A. V. Rasstrojstva lichnosti u osuzhdennyh, otbyvayushchih nakazaniya v mestah lisheniya svobody : ucheb. posobie [Personality disorders in convicts serving sentences in places of deprivation of liberty : tutorial]. Tomsk, 2010. 240 p. (In Russ.).

10. Drevneindijskaya filosofiya. Nachal'nyj period [Ancient Indian philosophy. Initial period]. Moscow, 1972. 271 p. (In Russ.).
11. ZHuravlev A. L., YUrevich A. V. Teoriya i metodologiya psihologii: postneklassicheskaya perspektiva [Theory and methodology of psychology: post-non-classical perspective]. Moscow, 2007. 528 p. (In Russ.).
12. Zinchenko V. P. Soznanie i tvorcheskij akt [Consciousness and creative act]. Moscow, 2010. 592 p. (In Russ.).
13. Kant I. Soch. : v 6 t. [Works in 6 vol.]. Moscow, 1964. Vol. 3. Criticism of pure reason. 799 p. (In Russ.).
14. Lejbnic G. V. Sobr. soch. : v 4 t. [Collected works in 4 vol.]. Moscow, 1983. Vol. 2. New experiments on the human understanding of the system of pre-established harmony. 686 p. (In Russ.).
15. Oboturova N. S. Vliyanie informacionnoj obrazovatel'noj sredy na formirovanie obshchekul'turnyh kompetencij obuchayushchihhsya [Influence of the information educational environment on the formation of general cultural competencies of students]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2016. Iss. 4 (36). P. 83–86. (In Russ.).
16. Oboturova N. S. Priroda i poznavatel'nye funkcii bessoznatel'nogo : monogr. [The nature and cognitive functions of the unconscious : monograph]. Vologda, 2003. 104 p. (In Russ.).
17. Oboturova N. S. Filosofiya idei : monogr. [Philosophy of the idea : monograph]. Vologda, 2009. 175 p. (In Russ.).
18. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy (yanvar' – dekabr' 2017 g.) : inform.-analit. sb. – The main indicators of the penal system (January–December 2017) : information-analytical collection. Tver, 2018. 358 p. (In Russ.).
19. Platon. Soch. : v 3 t. [Compositions : in 3 volumes]. Moscow, 1972. (In Russ.).
20. SHivananda S. Joga i sila mysli [Yoga and the power of thought]. Moscow, 2003. (In Russ.).
21. Spinoza B. Izbrannye proizvedeniya : v 2 t. [Selected works in 2 volumes]. Moscow, 1957. Vol. 2. 727 p. (In Russ.).
22. Fihte I. G. Antologiya mirovoj filosofii : v 4 t. [Anthology of world philosophy : in 4 vol.]. Moscow, 1971. Vol. 3. (In Russ.).
23. CHirkov A. M. Sistemogenez stressovoj adaptacii osuzhdennyh [Psycho-pedagogy in law enforcement agencies]. Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah – Psychopedagogy in law enforcement. 2018. Iss. 1 (72). P. 40–46. (In Russ.).
24. CHirkov A. M. Kul'tural'nyj podhod k psihoterapii psihicheskikh lichnostnyh rasstrojstv u osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta [The cultural approach to psychotherapy of mental personality disorders in young people convicted]. Psihologopedagogicheskoe obespechenie ispolneniya nakazaniy v otnoshenii osuzhdennyh molodezhnogo vozrasta : sb. materialov nauch.-prakt. seminarov / pod obshch. red. S. V. Marishina – Psychological and pedagogical support for the execution of sentences in relation to convicted youth : a collection of materials of the scientific and practical seminar ; ed. by S. V. Marishin. Vologda, 2017. P. 8–32. (In Russ.).
25. CHirkov A. M. Polimodal'naya psihoterapiya asociacii stressovyh i psihicheskikh lichnostnyh rasstrojstv [Polymodal psychotherapy of the association of stressful and psychic personality disorders]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 1 (37). P. 67–71. (In Russ.).
26. SHelling F. V. I. Soch. : v 2 t. [Works in 2 vol.]. Moscow, 1967. Vol. 1. The system of transcendental idealism. 637 p. (In Russ.).
27. SHopengauehr A. Izbrannye proizvedeniya [Selected Works]. Moscow, 1993. 479 p. (In Russ.).

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 343.825:616.89-008.414.44

Особенности воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными суицидального поведения в местах лишения свободы

Э. В. ЗАУТОРОВА – профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования

Реферат

Проблема суицида в настоящее время становится все более актуальной: каждую минуту в мире кто-то предпринимает попытку преднамеренного самоубийства. Под суицидальным поведением следует понимать волевые действия личности, конечная цель которых – покушение на самоубийство или акт самоубийства.

Риск суицидов достаточно высок у осужденных, находящихся в местах лишения свободы. Характеристика личности несовершеннолетних суицидентов во многом обусловлена особенностями подросткового возраста. Причинами рассматриваемого состояния у подростков являются трудности условий отбывания наказания, пенитенциарный стресс, неблагоприятная социальная среда, наличие наркотической и алкогольной зависимостей, подверженность тюремной субкультуре и т. д. В итоге ухудшается самочувствие, наблюдается общая эмоциональная неустойчивость, которые и стимулируют суицидальные проявления.

В связи с этим необходима воспитательная работа, направленная на решение проблем суицидального поведения подростков. Сотрудники воспитательных колоний (совместно с другими специалистами) должны использовать все возможные средства для профилактики данных явлений.

Ключевые слова: воспитательная работа; воспитательная колония; личность несовершеннолетнего осужденного; суицидальное поведение; характеристика несовершеннолетних суицидентов; причины суицидальных проявлений; индивидуальный подход; формы и методы воспитательной работы.

Peculiarities of educational work with minor convicts of suicidal behavior in the penal institutions

E. V. ZAUTOROVA – Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education Sciences

Abstract

The problem of suicide is now becoming more urgent: every minute in the world someone attempts an intentional suicide. Suicidal behavior should be understood as volitional actions of personality, the ultimate goal of which is an attempt on suicide or an act of suicide.

The risk of suicide is quite high among convicts who are in prison. Characteristics of the personality of the minor suicides are largely due to the characteristics of adolescence. The causes of this condition in adolescents are the difficulties of the conditions of serving a sentence, penitentiary stress, an unfavorable social environment, the presence of drug and alcohol addictions, exposure to a prison subculture, etc. As a result the state of health worsens, general emotional instability is observed, which stimulates suicidal manifestations.

In this regard educational work is needed to address the problems of suicidal behavior of adolescents. Employees of educational colonies should use all possible pedagogical means for the prevention of these phenomena among minor convicts jointly with other specialists.

Key words: educational work; an educational colony; the identity of the minor convicted; suicidal behavior; characteristics of juvenile suicides; causes of suicidal manifestations; individual approach; forms and methods of educational work.

По официальной статистике, ежегодно в мире совершается более миллиона самоубийств. Основными предпосылками суицидальности являются социальная обстановка в стране, качество жизни и др., а главной причиной – потеря личностью смысла жизни [8].

Исследование феномена «суицидальное поведение личности» позволяет говорить о многоаспектности его характеристик, существовании различных точек зрения на данную проблему. Изучением суицидального поведения занимались О. Г. Антонова, А. Г. Амбрумова, А. С. Бернацкий, Р. И. Жидков, К. В. Зорин, В. Н. Карандышев, А. В. Мартынов, В. Э. Чудновский, В. Франкл и др. Проблемы возникновения суицидальных тенденций в школе, влияния особенностей возраста на подобные устремления нашли отражение в работах Г. Б. Кошарной, А. Н. Острогорского, Б. О. Ровича, В. Г. Хлопина, М. Я. Феноменова и др.

Так, А. В. Бернацкий в своих трудах обращал особое внимание на педагогическую поддержку ребенка, находящегося в кризисном состоянии, необходимость просвещения педагогов и родителей в вопросах профилактики самоубийств детей и подростков [1]. В. А. Руженков и В. В. Руженкова раскрывают причины суицидального поведения в подростковом возрасте с целью профилактики в условиях образовательного учреждения таких явлений [10].

Самоубийство является умышленным, осознанным действием, направленным на лишение себя жизни [6; 7]. Под суицидальным поведением следует понимать волевые действия личности, конечной целью которых является покушение на самоубийство или акт самоубийства [11]. Суицидальное поведение определяется сложным взаимодействием личности и социальной среды, отношения между которыми не имеют жесткой непосредственной зависимости.

Риск суицидов достаточно высок у такой категории лиц, как осужденные, находящиеся в местах лишения свободы. Негативные условия отбывания наказания (социально несостоятельное положение, однообразие и бедность среды, строгая регламентация жизни, отсутствие общения с близкими людьми и т. д.), особенно на начальном этапе, способствуют развитию пенитенциарного стресса, вызванного лишением свободы. Неблагоприятная социальная среда, наличие наркотической и алкогольной зависимостей влияют на ухудшение самочувствия осужденного, наблюдается общая эмоциональная неустойчивость, что не может не сказаться на настроении и психическом состоянии (сопротивление, противодействие, раздражение, аутоагрессия и др.), которые стимулируют суицидальные проявления.

В 2017 г. подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными совершено 310 суицидов, что на 10 % меньше, чем в 2016 г. Уровень суицидов в уголовно-исполнительной системе составил 52 случая на 100 тыс. чел. В основном самоубийства совершают осужденные мужского пола в возрасте от 31 года до 40 лет, не состоящие в браке, имеющие низкий образовательный уровень и, как правило, первую судимость (наибольшее количество суицидов зарегистрировано в весеннее время, преимущественно в утренние часы) [9].

В процессе работы со спецконтингентом следует выявлять категории осужденных, наиболее подверженных совершению самоубийства. Особое беспокойство вызывают лица несовершеннолетнего возраста. Они в большинстве своем имеют трудности в эмоциональном развитии, неуверены в завтрашнем дне, находятся в кризисной ситуации и не видят конструктивного выхода из нее. В таком состоянии складывается мироощущение, при котором искажается структура ценностей и само представление

о смерти как о дискретном событии, не связанном с процессом жизненной, социальной адаптации (представление об уважении к жизни требует определенного уровня оптимизма, а этот уровень при искажении системы ценностей оказывается труднодостижимым). Несовершеннолетние осужденные с суицидальным поведением, отбывающие лишение свободы в условиях воспитательной колонии, нуждаются в повышенном внимании и педагогическом сопровождении.

Воспитательная работа, которую можно определить как средство духовного влияния на осужденного путем целенаправленного исправительного воздействия, восстановления или привития навыков правильной ориентации в системе духовно-нравственных ценностей, психологической и иной подготовки к ведению социально полезного образа жизни после освобождения из мест лишения свободы, всегда занимала особое место в системе средств исправления несовершеннолетних правонарушителей.

Необходимость рассмотрения воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными с суицидальным поведением в местах лишения свободы диктуется следующими соображениями:

- гуманизацией уголовного законодательства, обращенной в первую очередь к несовершеннолетним правонарушителям (необходимость обеспечения конституционных прав осужденных на жизнь, защиту достоинства личности, личную безопасность, охрану здоровья, медицинскую и психолого-педагогическую помощь и т. д.);

- динамичностью обстановки в местах лишения свободы и потребностью изучения особенностей суицидального поведения у лиц подросткового возраста, которое имеет специфические черты;

- формами и методами воспитательной работы, имеющими качественно иные цели и характер, чем формы и методы работы со взрослыми преступниками в условиях исправительного учреждения.

Характеристика личности несовершеннолетних суицидентов во многом обусловлена особенностями сложного и противоречивого подросткового возраста. Так, отмечаются повышенная возбудимость, неуравновешенность, восприимчивость: эмоции часто становятся мотивами поведения. Выраженной чертой данного возраста является любознательность, стремление к овладению как можно большим количеством информации в интересующих подростка сферах. Это период преобразования всего организма,

развития всех его систем от детского типа к взрослому.

На поведение значительно влияет самооценка, которая, как правило, у рассматриваемой категории лиц является устойчиво заниженной. Это объясняется тем, что неудача, с которой встречается несовершеннолетний, способствует развитию у него чувства неуверенности и даже неполноценности, что вносит беспокойство и страх в его жизнь. Некоторые при этом начинают думать о самоубийстве, поведение регулируется преимущественно внешними влияниями, зачастую случайными, при этом осужденные могут «бросить своеобразный вызов смерти», идя на безрассудный риск с мыслям о совершении суицида.

Анализ проблем суицидального поведения несовершеннолетних осужденных свидетельствует о преобладании в генезисе его формирования психотравмирующего воздействия чувств отчужденности, одиночества, ухода из межличностного взаимодействия. Отмечаются несформированное понимание и осознание страха смерти, ранние разочарования («как жить дальше»: неумение правильно определить цель своей жизни и наметить пути ее достижения), дисгармония в семье (нарушение детско-родительских отношений), саморазрушающее поведение (алкоголизм, наркомания), конфликты, депрессия и т. д.

Среди несовершеннолетних, обнаруживающих любые формы суицидальных (аутоагрессивных) проявлений, в том числе совершивших суицидальную попытку или самоубийство в местах лишения свободы, присутствуют лица с признаками психических отклонений, трудно адаптирующиеся к условиям изоляции, а порой и притесняемые другими осужденными. К тому же примерно треть подростков страдает умственной отсталостью в стадии дебильности, большой процент несовершеннолетних имеет психические аномалии и иные болезненные проявления [5, с. 207–210]. Некоторые из осужденных подростков уже состояли на учете у психиатра с различными диагнозами (шизофрения, олигофрения, органическое расстройство, депрессивный синдром, диссоциальное расстройство личности и др.). У них отмечаются отсутствие приемлемых норм управляемого поведения и спутанность культурной идентичности, хроническое состояние раздражения и неудовлетворенности жизнью, отсутствие цели и уважения к себе, потеря надежды на лучшее будущее [3; 4].

М. Г. Дебольский среди причин суицида осужденных в пенитенциарных учреждениях помимо таких, как распад семьи, смерть близкого человека, обнаружившееся тяжелое заболевание и т. д., выделяет и жесткую нормативную правовую регламентацию поведения человека, лишённого свободы, постоянный надзор, видеонаблюдение за его жизнедеятельностью, усиление режимных требований и т. д. [2]. При этом ученый отмечает, что количество социально деградировавших осужденных в местах лишения свободы увеличивается, им трудно справляться с распорядком дня исправительного учреждения, выполнять приказы и поручения, что способствует увеличению числа лиц, склонных к суициду. Все это имеет существенные психологические и социальные последствия и может приобрести крайнюю форму в виде лишения себя жизни. Суицидальное поведение включает не только сам суицид, но и суицидальные попытки и проявления: мысли, высказывания, намеки, не сопровождающиеся пока какими-либо действиями, направленными на лишение себя жизни, но при этом угроза присутствует всегда. Создание эффективной системы профилактики суицидов возможно лишь с учетом максимального количества факторов и их взаимосвязей.

В настоящее время в исправительных учреждениях за жизнь и здоровье осужденных полную ответственность несут сотрудники уголовно-исполнительной системы. В связи с этим необходима организация специальной системы мер, направленных на предупреждение различных проявлений суицидального поведения, в том числе первичных и повторных суицидальных действий. Сотрудники воспитательных колоний совместно с другими специалистами (психологами, психиатрами, медицинскими работниками) должны использовать все возможные педагогические средства для профилактики данных явлений среди осужденных.

Воспитательную работу необходимо направить на формирование у подростка чувства уважения к себе, потребности видеть в другом человеке личность, заботы о собственной жизни и ее безопасности. Самым важным и продолжительным этапом работы по профилактике самоубийств является начальный период нахождения несовершеннолетнего в исправительном учреждении. В это время происходит психологический, нравственный «перелом» во внутреннем мире осужденного. На данном этапе необходимо решить ряд воспитательных задач,

направленных на обеспечение социально-психологической адаптации к условиям отбывания наказаний, выявление лиц с суицидальными наклонностями и оказание им первой помощи, осуществление индивидуального и дифференцированного подхода в воспитательной работе, развитие интересов и способностей личности, формирование установки на законопослушное поведение в период пребывания в воспитательной колонии и др.

В адаптационный период в карантинном отделении несовершеннолетние испытывают недоверие по отношению к другим осужденным и администрации, поэтому необходимо проводить специальную разъяснительно-воспитательную работу с подростками, изучать проблемы подобного поведения (это может быть, например, факт попадания воспитанника в зависимость от других, более сильных осужденных; ощущение на себе давления элементов и традиций тюремной субкультуры; иногда это просто незнание правил внутреннего распорядка и т. д.).

Осужденные в это время в наибольшей степени нуждаются во внимательном отношении со стороны администрации и педагогического коллектива воспитательной колонии, которое выражается в понимании, гибкости, справедливости в решении различных вопросов. При этом важно оценивать личность с учетом ее индивидуальных особенностей, обращать внимание на положительные черты характера, выявлять сильные стороны воспитанника, опираться на то хорошее, что есть в нем, и постоянно показывать свою искреннюю заинтересованность в его жизни. Как показывает опыт, осужденный лучше идет на контакт, если в начале работы с ним воспитатель постарается вникнуть в его проблемы, трудности и поможет их преодолеть.

Работа с человеком, находящимся в ситуации суицидной готовности, должна быть направлена на уменьшение эмоциональной и умственной дезорганизации личности, формирование адекватного восприятия собственного Я и окружающего мира. Важно выработать такие умения, как эмоционально-волевая сдержанность, адекватность реагирования на обиды и огорчения других людей, нахождение конструктивного выхода из сложных жизненных ситуаций. С несовершеннолетними данной категории должна проводиться индивидуальная работа до тех пор, пока не произойдет улучшение их психического состояния. При этом необ-

ходимо делать акцент на тех аспектах ситуации, которые связаны с желанием человека жить (надежда, вера в будущее, построение жизненных планов и т. п.), учить быть открытым, развивать чувство доверия к людям, умение радоваться любому успеху, вырабатывать установку на здоровый образ жизни. Это позволяет с высокой степенью эффективности предотвратить развитие суицидального процесса даже при наличии биологической предрасположенности к нему.

Сотруднику-воспитателю вместе с психологом исправительного учреждения для устранения агрессивного и аутоагрессивного фона несовершеннолетнего осужденного целесообразно разрабатывать и реализовывать специальные обучающие программы, которые должны быть дифференцированными и представленными в привлекательных для осужденных формах.

Так, тренинговые занятия по бесконфликтному общению и взаимодействию с другими осужденными (с применением игровых технологий) могут быть направлены на развитие навыков рационального поведения в конфликте, определение собственных стилей поведения в конфликтных ситуациях, отработку навыков бесконфликтного поведения и т. д. В ходе тренинговых занятий создаются специальные условия, способствующие становлению рефлексивного самоопределения осужденных подростков, включающие в себя проблематизацию, рефлексию ценностей и формирующие личностное отношение к проблеме суицида.

Целесообразным будет включение подростков с суицидальным поведением в деятельность «Школы здоровья», где подростки встречаются с различными специалистами; получают ответы на вопросы, что способствует снятию психологического напряжения, помогает усвоить принципы и ценностные ориентиры здорового образа жизни, поведенческие стереотипы, направленные на сохранение здоровья.

В ходе занятий реализуется совокупность средств и методов индивидуального и группового воздействия на осужденных, которая направлена на повышение уровня их знаний, информированности и практических навыков по рациональному лечению заболеваний, профилактике осложнений и повышению качества жизни. Целями таких школ являются повышение ответственности за сохранение своего здоровья, рациональное и активное отношение к нему, мотивация к оздоровлению, соблюдению режима лечения, формирование позитивных отно-

шений с персоналом в процессе лечения, реабилитации, профилактики и т. д.

Воспитательные мероприятия должны осуществляться на высоком методическом уровне, с тщательной предварительной подготовкой и применением различных форм и методов. Так, в основе лекционных занятий и бесед, направленных на профилактику суицидального поведения личности, лежит процесс формирования нравственных ценностей, которые ориентированы на сферу жизнедеятельности человека, связанную с решением общечеловеческих проблем. Познавательная деятельность стимулирует моделирование ситуаций нравственного выбора, которые обобщают опыт принятия решений, развивают интересы и потребности участников процесса.

Примерными темами могут стать следующие: «Мы выбираем жизнь», «Строим планы на будущее», «Зачем ему надо было умирать?», «Ценить себя и свою жизнь», «Почему я не могу так дальше жить», «Как прекрасен этот мир», «Суицид. Шаг в никуда» и т. д.). Обсуждение острых тем, доверительный разговор, выработка умения анализировать свое поведение (соблюдение правил поведения, привитие бытовых навыков и др.) могут оказать положительное влияние на эмоциональную сферу несовершеннолетнего, отношение к своему здоровью и образу жизни, смягчить влияние повреждающих психосоциальных факторов и выработать стрессоустойчивость.

Важную роль в эмоциональном состоянии личности играет правильная организация досуга, привлечение к работе общественных формирований, включение в социально значимую трудовую деятельность (привитие трудовых навыков, помощь в получении специальности и др.). Участвуя в общественно полезной деятельности, общаясь с окружающими, подростки выполняют различные функции, каждая из которых готовит их к определенным социальным ролям.

Эффективным средством снятия психологической усталости от ограниченного пространства, малоподвижного образа жизни являются мероприятия по физическому воспитанию (среди досуговых интересов осужденных подростков спорт занимает ведущее место). К занятиям физкультурой и спортом должны привлекаться все осужденные с учетом состояния их здоровья. Доступными формами являются утренняя зарядка, разнообразные спортивные соревнования (олимпиады), праздники, смотры-конкурсы, занятия в спортивных секциях. К подготов-

ке и проведению физкультурно-спортивных мероприятий следует привлекать представителей общественных объединений, спортсменов и других заинтересованных лиц.

Большую помощь в воспитательной работе с осужденными данной категории оказывают педагогические коллективы общеобразовательных школ. Важно обращать внимание на интересы и способности воспитанника, повышение его образовательного уровня (создание системы стимулов, закрепляющих интерес к учебе, способствующих вовлечению в образовательный процесс и др.) [5].

Так, при изучении предметов биологического цикла, а также курсов этики, психологии семейной жизни, основ безопасности жизнедеятельности особое внимание уделяется средствам защиты жизни и здоровья человека, соблюдению правил гигиены. Следует широко применять метод наглядности (демонстрация таблиц, картин, плакатов, моделей, видеопродукции). Большой поддержкой в осуществлении воспитательной работы будет привлечение родителей к проблеме суицида среди несовершеннолетних осужденных, а также общественных организаций для оказания материальной помощи, улучшения условий содержания подростков, контроля за соблюдением защиты прав и законных интересов воспитанников и др.

Также в любой воспитательной колонии необходимо обеспечить лицам, находящимся в группе риска по суицидальному поведению, возможность общения с представителями официальных религиозных конфессий. Это будет способствовать снятию психоэмоционального напряжения осужденных, оздоровлению морального климата и др.

Воспитательная работа должна дополняться лечебно-профилактическими мероприятиями (в том числе установлением врачебного надзора за лицами, подверженными суицидальному риску), психокоррекционной работой с несовершеннолетними осужденными. При этом важно стремиться к высокому качеству проводимых воспитательных мероприятий: они должны носить профилактический характер, быть обращены к каждому воспитаннику, эмоционально

затрагивать душу ребенка, быть наглядными и запоминающимися.

Кроме того, в условиях воспитательной колонии следует контролировать просмотр телевизионных программ, где могут присутствовать явные сцены насилия, убийств или самоубийств. Необходимо обратить внимание на неукоснительное выполнение правил внутреннего распорядка несовершеннолетними осужденными, не допустить хранения колющих и режущих предметов. Предотвратить суицидальную попытку могут установленные решетки на окнах помещений (выше второго этажа), закрытые выходы на крыши, ограждения пожарных лестниц и иных строений и т. п.

Целенаправленное и систематическое использование разнообразных методов, форм и приемов приводит к качественному изменению стереотипов поведения несовершеннолетних осужденных, к стабилизации их эмоционального фона. Сотрудники воспитательных колоний отмечают, что более восприимчивы к воспитанию лица, впервые осужденные: криминализация и антисоциальная направленность еще не закреплены во внутренней структуре личности, отсутствуют явная деформация и полная зараженность тюремной субкультурой, которые имеют место у рецидивистов как следствие длительного пребывания человека в условиях социальной изоляции.

Таким образом, острота проблемы подростковых суицидов в условиях исправительного учреждения вызывает необходимость изучения такого явления, как суицид, и связанных с ним суицидоопасных состояний личности, а также возрастных особенностей несовершеннолетних. Формирование чувств, развитие эмоциональных проявлений у лиц, отбывающих наказание, является одной из сложных коррекционно-воспитательных задач. Для развития эмоциональной сферы подростка необходимы организация его психолого-педагогического сопровождения, включение в различные программы и занятия, способствующие расширению способностей принимать и распознавать эмоциональные состояния свои и других людей, формированию и развитию нравственных качеств, адекватному реагированию на окружающую действительность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бернацкий А. В. Самоубийство среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1911. URL: <http://infonarod.ru/info/bernackiy-vladimir-aleksandrovich-samoubiystva-sredi-vospitannikov-voenno-uchebnyh-zavedeniy-va> (дата обращения: 20.02.2018).

2. Дебольский М. Г., Матвеева И. А. Суицидальное поведение осужденных, подозреваемых и обвиняемых в местах лишения свободы // Психология и право. 2013. № 3. URL: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783_full.shtml (дата обращения: 20.02.2018).
3. Дюркгейм Э. Самоубийство: социологический этюд. М., 1994. 400 с.
4. Ефимова О. И. Суицидальное поведение в подростковом возрасте // Успехи современного естествознания. 2005. № 11. С. 93–95.
5. Зауторова Э. В. Пенитенциарная педагогика : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Вологда, 2012.
6. Змановская Е. В. Девиантология (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М., 2006. 288 с.
7. Леванова Е. А., Тарабакина Л. В., Бабиева Н. С. Психолого-педагогическая концепция программы «Профилактика саморазрушающего поведения детей и подростков» // Преподаватель XXI век. 2012. № 3. С. 175–190.
8. Моховиков А. Н. Суицидология: прошлое и настоящее: проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. 569 с.
9. Обзор о состоянии работы по профилактике суицидов среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в 2017 году. М., 2018. 11 с.
10. Руженков В. А., Руженкова В. В. Самоубийства учащейся молодежи (раннее выявление и предотвращение). Белгород, 2012. 128 с.
11. Социально-психологическая характеристика суицидального поведения осужденных в местах лишения свободы (теоретические и методические аспекты) : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. О. Г. Ковалев, Н. П. Тимонин. 2-е изд., перераб. и доп. Владимир, 2002. 132 с.

REFERENCES

1. Bernackij A. V. Samoubijstvo sredi vospitannikov voenno-uchebnyh zavedenij [Suicide among pupils of military schools]. St. Petersburg, 1911. Available at: <http://infonarod.ru/info/bernackiy-vladimir-aleksandrovich-samoubijstva-sredi-vospitannikov-voenno-uchebnyh-zavedeniy-va> (accessed 20.02.2018). (In Russ.).
2. Debol'skij M. G., Matveeva I. A. Suicidal'noe povedenie osuzhdennyh, podozrevaemyh i obvinyaemyh v mestah lisheniya svobody [Suicidal behavior of convicts, suspects and accused in places of deprivation of liberty]. Psihologiya i pravo – Psychology and Law. 2013. Iss. 3. Available at: http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63783_full.shtml (accessed 20.02.2018). (In Russ.).
3. Dyrkgejm EH. Samoubijstvo: sociologicheskij ehtyud [Suicide: sociological study]. Moscow, 1994. (In Russ.).
4. Efimova O. I. Suicidal'noe povedenie v podrostkovom vozraste [Suicidal behavior in adolescence]. Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya – The successes of modern natural science. 2005. Iss. 11. P. 93–95. (In Russ.).
5. Zautorova EH. V. Organizaciya vospitatel'noj raboty s nesovershennoletnimi osuzhdennymi : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. [Penitentiary Pedagogy : tutorial : second ed., rev. and enl.]. Vologda, 2012. (In Russ.).
6. Zmanovskaya E. V. Deviantologiya (psihologiya otklonyayushchegosya povedeniya) : учеб. пособие dlya studentov vyssh. учеб. zavedenij [Deviantology (psychology of deviant behavior) : tutorial for students of higher educational institutions]. Moscow, 2006. 288 p. (In Russ.).
7. Levanova E. A., Tarabakina L. V., Babieva N. S. Psihologo-pedagogicheskaya koncepciya programmy «Profilaktika samorazrushayushchego povedeniya detej i podrostkov» [Psychological and pedagogical concept of the program «Prevention of self-destructive behavior of children and adolescents»]. Prepodavatel' XXI vek – Teacher the XXI century. 2012. Iss. 3. P. 175–190. (In Russ.).
8. Mohovikov A. N. Suicidologiya: proshloe i nastoyashchee: problema samoubijstva v trudah filosofov, sociologov, psihoterapevtov i v hudozhestvennyh tekstah [Suicidology: past and present: the problem of suicide in the writings of philosophers, sociologists, psychotherapists and in literary texts]. Moscow, 2001. 569 p. (In Russ.).
9. Obzor o sostoyanii raboty po profilaktike suicidov sredi podozrevaemyh, obvinyaemyh i osuzhdennyh v 2017 godu [Overview of the state of work on the prevention of suicide among suspected, accused and convicted in 2017]. Moscow, 2018. 11 p. (In Russ.).
10. Ruzhenkov V. A., Ruzhenkova V. V. Samoubijstva uchashejsya molodezhi (rannee vyyavlenie i predotvrashchenie) [Suicides of young students (early detection and prevention)]. Belgorod, 2012. 128 p. (In Russ.).
11. Social'no-psihologicheskaya harakteristika suicidal'nogo povedeniya osuzhdennyh v mestah lisheniya svobody (teoreticheskie i metodicheskie aspekty) : учеб.-метод. пособие / авт.-сост. О. Г. Ковалев, Н. П. Тимонин. 2-е изд., перераб. и доп. [Socio-psychological characteristics of suicidal behavior of convicts in places of deprivation of liberty (theoretical and methodological aspects) : educational-methodical manual : auth.-comp. О. Г. Ковалев, Н. П. Тимонин : second ed., rev. and enl.]. Vladimir, 2002. 132 p. (In Russ.).

УДК 377.018.48:343.83

Критерии и показатели эффективности реализации профессиональной переподготовки начальников отрядов осужденных

О. В. ИГУМНОВА – доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент

Реферат

В данной статье проблема совершенствования работы уголовно-исполнительной системы России рассматривается с точки зрения образовательной деятельности. Подготовка кадров как организационно-управленческая проблема предполагает реализацию комплекса задач на нескольких уровнях.

Первый уровень связан с формированием личностной позиции начальника отряда осужденных к своей профессиональной деятельности. В статье в общем виде изложены условия формирования указанной позиции. Обозначено главное условие – наличие психолого-педагогических знаний, необходимых для проектирования целостного процесса исправления осужденных.

Второй уровень решения проблемы – организация переподготовки начальников отрядов, не имеющих базового психолого-педагогического образования. На основании краткой характеристики особенностей сотрудников как слушателей подобных курсов раскрывается сущность переподготовки. Указываются также подходы к отбору содержания программы переподготовки кадров.

Третий уровень задач взаимосвязан с уточнением критериально-оценочного аппарата, используемого для определения эффективности реализуемой программы. Критерии отобраны с учетом прагматического, компетентностного и личностно-ориентированного подходов к обучению. Показатели отражают сущность образовательной деятельности слушателей, помогают выявить уровень их удовлетворенности содержанием программы и готовность применять полученные знания в своей повседневной практике.

Предложенные критерии и показатели могут быть использованы для определения эффективности образовательных программ курсов переподготовки и повышения квалификации.

Ключевые слова: переподготовка начальников отрядов осужденных; дополнительная профессиональная программа; критерии и показатели эффективности реализации программы переподготовки; диагностический инструментарий.

Criteria and indicators of the effectiveness professional retraining of the detachments chiefs of convicts

O. V. IGUMNOVA – Associate Professor of the Department of Humanities, Social, Economic and Natural Sciences of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor

Abstract

In this article the problem of improving the work of the penal system of the Russian Federation is considered from the point of view of educational activity. Training of personnel as an organizational and management problem involves the implementation of a set of tasks at several levels. The first level of tasks is related to the formation of the personal position of the detachment head of the convicts to their professional activities. The article describes in general terms the conditions for the formation of this position. The main condition is indicated – the psychological and pedagogical knowledge of the officers necessary for building a holistic process of correcting convicts. The second level of solving the problem is the organization of retraining of the detachment commanders who do not have a basic psychological and pedagogical education. Based on a brief description of the characteristics of employees as listeners of such courses the essence of retraining is revealed. The approaches to the selection of the content of the retraining program are also indicated. The third level of tasks is connected with the refinement of the criterion-evaluation apparatus used to determine the effectiveness of the program being implemented. The criteria are selected taking into account pragmatic, competence and personality-oriented approaches to training. The indicators reflect the essence of the educational activity of the listeners, help to identify the level of their satisfaction with the content of the program and the willingness to apply the knowledge gained in their daily practice. The proposed criteria and indicators can be used to determine the effectiveness of educational programs for retraining and advanced training courses.

Key words: retraining of chiefs of detachments of convicts; additional professional program; criteria and indicators for the implementation of the retraining program; diagnostic tools.

Развитие отечественной уголовно-исполнительной системы связано с реализацией двух приоритетных целей: совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, и сокращение рецидива преступлений, совершенных лицами, отбывшими наказание в виде лишения свободы [9; 8]. Оно определяется комплексом условий, выполнение которых осуществляется на различных уровнях функционирования пенитенциарной системы. Остановимся на тех условиях, которые непосредственно способствуют снижению риска рецидивной преступности. Полагаем, что рецидив преступлений будет уменьшаться, если:

- сотрудники, исполняющие наказание в исправительных учреждениях любого типа, понимают цель функционирования исправительного учреждения, сущность выполняемых служебных обязанностей;

- сотрудники знают сущность процесса исправления осужденных в местах лишения свободы и осознают собственную роль в данном процессе;

- сотрудники знают основные средства исправления осужденных в местах лишения свободы и умеют их адекватно применять в конкретных ситуациях;

- сотрудники знают основы общей, пенитенциарной психологии, психологии личности и психологии девиантного поведения и умеют применять свои теоретические знания в практической деятельности (например, выявление психических особенностей осужденного и отклонений в его поведении) с целью предотвращения нарушений осужденным условий отбывания наказания, недопущения чрезвычайных ситуаций, налаживания конструктивных контактов с осужденным;

- сотрудники знают основы общей, пенитенциарной и социальной педагогики, педагогики девиантного поведения, теории и методики воспитания, умеют соотносить эти знания с психологическими знаниями и умениями для моделирования общего процесса исправления осужденного, его интеграции / ресоциализации в социум и формирования у него готовности к ведению законопослушного образа жизни как в пределах исправительного учреждения, так и после возвращения в общество;

- сотрудники знают уголовно-исполнительное законодательство и иную нормативно-правовую документацию, необходимую для исполнения своих служебных обязанностей в рамках действующего правового поля [10].

Перечисленные условия отражают эффективность функционирования сотрудников исправительных учреждений и в конечном итоге всей уголовно-исполнительной системы. В связи с этим возрастает потребность в компетентных кадрах, способных реализовать стоящие перед ними задачи [1; 7]. Под компетентными кадрами условимся понимать личный состав, осуществляющий непосредственный контакт с осужденными с целью организации их жизни в условиях исправительного учреждения, формирования целенаправленного процесса исправления осужденных и подготовки к жизни в обществе. Компетентность кадров проявляется в умении применять психолого-педагогические, социально-педагогические, социально-психологические и юридические знания и навыки в общении с осужденными с целью реализации задач и требований законодателя в отношении указанной категории лиц.

Основным представителем обозначенного выше кадрового состава является начальник отряда осужденных. Проведенные ранее исследования показали, что основная масса начальников отрядов не имеет психолого-педагогического образования [9]. Данный факт рассматривался нами как сдерживающий фактор в работе указанной категории сотрудников исправительных учреждений. С целью преодоления сложившегося положения на базе Кузбасского института ФСИН России была разработана дополнительная профессиональная программа – программа профессиональной переподготовки по должностной категории «Начальники отрядов (старшие воспитатели – начальники отрядов, воспитатели) исправительных колоний, колоний-поселений, воспитательных колоний, лечебных исправительных учреждений, тюрем, не имеющие профильного образования» [1; 2; 5; 7], направленная на формирование у начальников отрядов, не имеющих базового психолого-педагогического образования, компетенций, необходимых для организации и проведения воспитательной работы с осужденными.

Анализ профессиональных обязанностей начальников отрядов позволил:

- уточнить сущность психолого-педагогической подготовки данной категории слушателей;

- определить минимум теоретической информации, необходимой для усвоения слушателями и включения ее в имеющийся опыт профессиональной деятельности;

- выявить возможности проведения психолого-педагогического анализа ситуаций из повседневной практики слушателей курсов с целью определения эффективности предпринимавшихся действий в отношении осужденных;

- определить уровень владения навыками правоприменительной и психолого-педагогической работы в исправительных учреждениях.

Разработка программы осуществлялась с учетом прагматического, компетентностного [4] и личностно-ориентированного подходов, что было обусловлено следующими психологическими особенностями целевой группы:

- возрастные особенности и связанное с ними возможное ослабление способности к быстрому запоминанию информации [2, с. 1];

- ориентированность на изучение материала, который имеет непосредственное отношение к исполняемым служебным обязанностям;

- предпочтение к изучению четко структурированной информации;

- наличие практического опыта работы с осужденными;

- наличие сложившегося представления о том, каким образом должна и может строиться работа с осужденными;

- устойчивое убеждение в том, что теоретические основы психолого-педагогического характера не являются принципиально новыми и необходимыми для повседневной работы с осужденными;

- наличие, с одной стороны, усердия и трудолюбия в случае соответствия тематики занятий, форм их проведения ожиданиям обучающихся, а с другой – возможное проявление отказа от деятельности при отсутствии мотивации обучения.

Прагматический подход позволяет скорректировать содержание программы переподготовки сотрудников, минимизируя возможные риски, под которыми понимается яркое проявление негативных сторон психологических особенностей слушателей. Вместе с тем прагматический подход влияет на компетентностную составляющую переподготовки кадров.

Базовые профессиональные компетенции представлены в федеральных государственных образовательных стандартах по специальности 44.05.01 Педагогика и психология девиантного поведения. В рамках представленной дополнительной профессиональной программы планируется фор-

мирование/совершенствование следующих компетенций:

- способность анализировать социально-педагогические явления;

- проектировать, осуществлять, контролировать и оценивать результаты педагогического процесса;

- выявлять специфику психического функционирования человека с учетом особенностей возрастных этапов, кризисов развития и факторов риска, его принадлежности к гендерной, этнической и другим социальным группам, поведения индивидов и групп;

- устанавливать причины отклоняющегося поведения, выявлять позитивные и негативные влияния на личность, а также различного рода проблемы в развитии личности и в межличностных взаимоотношениях;

- взаимодействовать с различными категориями воспитуемых, осуществлять контроль кризисных ситуаций, предупреждение и конструктивное разрешение конфликтов, оказывать помощь в разрешении межличностных конфликтов;

- к организации и проведению воспитательной работы с различными категориями осужденных;

- использовать в работе с осужденными различные приемы и методы психолого-педагогического воздействия.

Таким образом, принципы полезности теоретико-практического наполнения содержания курсов, интенсивности работы, учета внутродисциплинарных и междисциплинарных связей, связей с практическим опытом работы слушателей, а также принцип зрелости субъектов образовательного процесса ориентируют преподавателей курсов переподготовки начальников отрядов на включение в традиционные формы работы со слушателями активных методов и форм преподавания. Последнее реализуется на практике с помощью личностно-ориентированного подхода к обучению [3]. Преобладающими методами обучения становятся дискуссии, анализ педагогических ситуаций, проектирование коллективных дел, индивидуальные беседы, анализ эффективности психолого-педагогических и нормативно-правовых действий сотрудников. Приоритетными являются парно-групповые и командные формы работы, а также индивидуальная рефлексия полученного опыта деятельности.

Следует сказать о том, что планирование программы переподготовки как идеализированный сценарий реализации образо-

вательного процесса может отличаться от реальной действительности в силу того, что все субъекты образовательного процесса являются открытыми, сложно организованными системами. В связи с этим была разработана система критериев оценки эффективности проводимой переподготовки [6]. При формировании критериального аппарата была учтена теоретическая сущность ранее упомянутых подходов к разработке содержания дополнительной программы профессиональной переподготовки. Это нашло отражение в количестве выделяемых критериев и выборе показателей, раскрывающих их. Таким образом, каждый подход представлен одним критерием, определяющим эффективность реализации программы профессиональной переподготовки в образовательной практике.

Проиллюстрируем обозначенный выше тезис. Заявленный прагматический подход направлен на удовлетворение потребностей обучающихся в получении практико-ориентированных знаний и умений. Следовательно, определение уровня удовлетворенности прохождением программы переподготовки обеспечивается эмоционально-мотивационным критерием. Показателями данного критерия являются:

1. Удовлетворенность слушателей качеством преподавания, рассматриваемая через оценку слушателями деятельности преподавателей, в частности:

- доступность, последовательность и системность изложения учебного материала;
- умение обозначить взаимосвязь изучаемого материала с практическим опытом слушателей, с учебным материалом иных дисциплин (изучаемых параллельно или уже изученных);
- умение использовать практические примеры при объяснении учебного материала;
- умение вызвать интерес у слушателей к изучаемому материалу [6].

2. Удовлетворенность слушателей программой обучения, которые выражается в суждении о том:

- насколько программа обучения отражает профессиональные задачи начальника отряда;
- насколько помогают приобретенные теоретические знания усовершенствовать практическую работу с осужденными.

3. Заинтересованность слушателей в изучении дисциплин, включенных в содержание курсов переподготовки (уровень проявления интереса может характеризоваться как низкий, эпизодический, стойкий).

Компетентностный подход проявляется в операционно-деятельностном критерии, который обладает следующими показателями:

1. Наличие системно-аналитического мышления у начальников отрядов осужденных.
2. Методическая грамотность начальников отрядов осужденных.
3. Организационно-коммуникативная грамотность начальников отрядов осужденных [4].

Предложенные показатели коррелируют с указанными выше профессиональными компетенциями. Знаниевая составляющая компетенций проверяется через умения применять полученные теоретические сведения. Это значит, что каждый из выделенных показателей может быть расшифрован следующим образом:

1. Показатель «наличие системно-аналитического мышления у начальников отрядов осужденных» раскрывает умение слушателей оперировать психолого-педагогической и юридической терминологией при анализе конкретных ситуаций. Анализ предполагает выявление конкретных психолого-педагогических проблем в предлагаемой ситуации, уточнение целей и задач исправления осужденных и устранение данных проблем с позиции уместности/неуместности применения основных средств исправления (насколько они соответствуют психическим и психологическим особенностям осужденных, участвующих в разбираемых ситуациях), их легитимности.

2. Показатель «методическая грамотность начальников отрядов осужденных» предполагает умение слушателей проектировать воспитательную работу с осужденными через определение круга первостепенных задач, стоящих перед начальником отряда, планирование последовательности воспитательных мер для разрешения проблем, выявленных в изучаемой ситуации, с учетом принципов и закономерностей организации и реализации педагогического, в том числе воспитательного, процесса. Указанные умения могут охватывать оперативный (непосредственную реакцию на ситуацию в отряде), тактический (планирование процесса исправления осужденного или группы осужденных в отряде в среднесрочной перспективе) и/или стратегический (планирование процесса исправления осужденных с учетом текущего состояния дел в отряде осужденных, наличия или потенциального наличия групп осужденных, объединенных каким-либо признаком, в средне- и долгосрочной перспективах) уровни.

3. Показатель «организационно-коммуникативная грамотность начальников отрядов осужденных» позволяет определить умение слушателей обосновывать правомерность применения юридических и психолого-педагогических методов и приемов воздействия на осужденных посредством уточнения, насколько обучающиеся могут оперировать научной терминологией, глубоко разбираются в психолого-педагогических явлениях и знают нормативно-правовую базу своей профессиональной деятельности для обоснования собственных действий в краткосрочной, средне- и долгосрочной перспективе.

Качественная характеристика показателей операционно-деятельностного критерия предполагает описание того, насколько слушатели овладели теорией и каким образом она позволяет обучающимся логично и системно выстраивать процесс исправления осужденных в отряде. Перечисленные умения могут проявляться на трех уровнях сформированности: базовом, среднем и повышенном.

Базовый уровень сформированности профессиональных компетенций предполагает умение слушателей обозначить категориальный аппарат, используемый при описании психолого-педагогических и социально-педагогических явлений в отряде осужденных, определить проблемы, явно присутствующие в отряде, наметить первоочередные меры по устранению данных проблем, но без предоставления убедительной аргументации собственной точки зрения, прибегая к отрывочным фактам из изученной теории по курсу переподготовки.

Средний уровень сформированности профессиональной компетенции проявляют те слушатели, которые могут не только довольно свободно оперировать теоретическими понятиями, обозначать очевидные проблемы, но и планировать воспитательную работу с осужденными как в краткосрочной, так и в среднесрочной перспективе.

Повышенный уровень компетентности свидетельствует о том, что слушатели могут логично и аргументированно выстраивать

воспитательную работу с осужденными в отряде с использованием разнообразных форм и методов психолого-педагогического воздействия на личность осужденных с учетом их индивидуальных особенностей и возможных рисков рецидива преступного поведения внутри отряда осужденных и за его пределами (в рамках программ ресоциализации).

Перейдем к следующему критерию, соответствующему личностно-ориентированному подходу к разработке и реализации программы переподготовки, – рефлексивно-оценочному. Важность выделения данного критерия продиктована необходимостью определения готовности слушателей применять теоретические знания и комплекс сформированных умений в своей профессиональной деятельности. Основными показателями этого критерия являются:

1. Готовность к самостоятельному изучению и осмыслению учебного материала в рамках аудиторной и внеаудиторной работы (измеряется посредством шкалы активности/пассивности слушателей на занятиях и уровнем самостоятельной проработки учебного материала, выносимого на самостоятельное изучение).

2. Готовность слушателей к рефлексии полученного опыта (определяется на основании размышлений обучающихся о ценности полученного опыта образовательной деятельности, границах его применимости в повседневной работе с осужденными, поиске путей дальнейшего профессионального самосовершенствования).

Предложенный критериальный аппарат подкреплен специально разработанным и подобранным диагностическим инструментарием для измерения эффективности обучающей деятельности профессорско-преподавательского состава. В комплект диагностических методик входят инструменты, выявляющие субъективно-критическое восприятие слушателями содержания программы курсов (когнитивный и эмоционально-волевой критерии), а также эффективность реализации программы переподготовки начальников отрядов (операционно-деятельностный критерий) (см. табл.).

Диагностический инструментарий для изучения эффективности реализации курсов переподготовки начальников отрядов

Критерий оценивания	Показатели оценивания	Способы измерения показателей
1	2	3
Эмоционально-мотивационный	Удовлетворенность качеством преподавания	Анкетирование
	Удовлетворенность программой обучения	

1	2	3
	Заинтересованность слушателей в изучении дисциплин, включенных в содержание курсов переподготовки	Наблюдение, беседа
Операционно-деятельностный	Наличие системно-аналитического мышления у начальников отрядов осужденных	Наблюдение, анализ педагогических ситуаций
	Методическая грамотность начальников отрядов осужденных	Кейс-стади
	Организационно-коммуникативная грамотность начальников отрядов осужденных	Кейс-стади, метод экспертных оценок
Рефлексивно-оценочный	Готовность к самостоятельному изучению и осмыслению учебного материала в рамках аудиторной и внеаудиторной работы	Наблюдение (активность обучающихся на занятии), уровень подготовки обучающихся к занятиям
	Готовность слушателей к рефлексии полученного опыта	Эвристическое сочинение

Помимо качественного описания эффективности программы переподготовки начальников отрядов осужденных при помощи диагностического инструментария, представленного в таблице, предусматриваются и формальные методы оценки. Это зачет/экзамен, защита итогов стажировки и итоговая аттестационная работа.

Полагаем, что сформулированный критериально-оценочный аппарат определения эффективности реализации дополнительной профессиональной программы – программы профессиональной переподготовки по должностной категории «Начальники отрядов (старшие воспитатели – начальники отрядов, воспитатели) исправительных колоний, колоний-поселений,

воспитательных колоний, лечебных исправительных учреждений, тюрем, не имеющие профильного образования» является достаточным, чтобы сделать вывод о том, насколько результативно прошло переобучение слушателей в краткосрочной перспективе. Однако изложенная система не может считаться исчерпывающей, поскольку не дает ответов на вопросы: насколько сохраняется эффективность обучения в типичной производственной среде начальника отряда осужденных? повышается ли результативность его воспитательной работы? Для этого необходимо проведение дополнительного мониторинга с привлечением к нему соответствующих территориальных органов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волошин Д. В. К вопросу о профессиональной компетентности сотрудников пенитенциарной системы // Вестник ТГПУ. Сер. : Педагогика. 2006. Вып. 10 (61). С. 37–40.
2. Гагарина Л. Г., Румянцева Е. Л., Мязина Р. А. Проектирование адресной программы повышения квалификации и переподготовки профессорско-преподавательского состава // Письма в Эмиссия. Оффлайн : электрон. науч. журнал. 2011. № 3. URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=18255709> (дата обращения: 15.01.2018).
3. Измайлова Е. В. Повышение квалификации сотрудников уголовно-исполнительной системы на основе личностно-ориентированного обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2008. 22 с.
4. Киселева Г. С. Модель компетенций как инструмент оценки эффективности системы переподготовки и повышения квалификации кадров // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 2 (27). С. 222–225.
5. Кичигина О. Ю. Совершенствование профессиональной переподготовки и повышения квалификации сотрудников УИС (на примере ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России) // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы науч.-практ. конф. (Новокузнецк, 9–10 нояб. 2016 г.). Новокузнецк, 2016. С. 176–178.
6. Ларионов В. Г., Кергилова С. Н., Рыкова Я. С. Методика оценки результативности профессионального обучения и переобучения персонала филиала ПАО «Кубаньэнерго» Юго-Западные электрические сети // Инновации в менеджменте. 2017. № 11. С. 44–50.
7. Мещеряков А. С., Байрамбеков Р. А., Беглянова А. С. Компетентностный подход к повышению квалификации сотрудников учреждений уголовно-исполнительной системы: концептуальный организационно-методический аспект // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14080> (дата обращения: 21.01.2018).
8. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г. : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 14.10.2010 № 1772-р (в ред. от 23.09.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2010. № 43. Ст. 5544.
9. Приоритетные направления работы начальников отрядов осужденных и трудности, возникающие в осуществлении их функциональных обязанностей (на основе опроса) / М. В. Киселев, С. Б. Филимонов, Н. Н. Ивашко и др. // Вестник Кузбасского института. 2015. № 1. С. 173–182.
10. Чириков А. Г., Ивашко Н. Н. Эффективность педагогической деятельности начальников отрядов исправительных учреждений // Вестник Кузбасского института. 2016. № 2 (27). С. 184–189.

REFERENCES

1. Voloshin D. V. K voprosu o professional'noj kompetentnosti sotrudnikov penitenciarnoj sistemy [On the issue of professional competence of penal system staff]. Vestnik TGPU. Ser. : Pedagogika – Tomsk State Pedagogical University Bulletin. Series : Pedagogy. 2006. Iss. 10 (61). P. 37–40. (In Russ.).
2. Gagarina L. G., Romyanceva E. L., Myazina R. A. Proektirovanie adresnoj programmy povysheniya kvalifikacii i perepodgotovki professorsko-prepodavatel'skogo sostava [Designing of the targeted program for advanced training and retraining of faculty]. Pis'ma v EHmissiya. Offlajn : ehlektron. nauch. Zhurnal – Letters to Emissia. Offline : electronic scientific journal. 2011. Iss. 3. Availabel at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18255709> (accessed 15.01.2018). (In Russ.).
3. Izmajlova E. V. Povyshenie kvalifikacii sotrudnikov ugovolno-ispolnitel'noj sistemy na osnove lichnostno-orientirovannogo obucheniya : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Improving the skills of the staff of the penal system on the basis of personal-oriented training : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Kirov, 2008. 22 p. (In Russ.).
4. Kiseleva G. S. Model' kompetencij kak instrument ocenki ehffektivnosti sistemy perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii kadrov [The model of competencies as a tool for assessing the effectiveness of the system of retraining and advanced training of personnel]. Biznes. Obrazovanie. Pravo – Business. Education. Law. 2014. Iss. 2 (27). P. 222–225. (In Russ.).
5. Kichigina O. YU. Sovershenstvovanie professional'noj perepodgotovki i povysheniya kvalifikacii sotrudnikov UIS (na primere FKOУ VO Kuzbasskij institut FSIN Rossii) [Perfection of professional retraining and improvement of professional skill of the MIS staff (by the example of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia)]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki : materialy nauch.-prakt. konf. (Novokuzneck, 9–10 noyab. 2016 g.) – Penal system today: interaction of science and practice: materials of the scientific-practical conference (Novokuznetsk, 9–10 November 2016). Novokuznetsk, 2016. P. 176–178. (In Russ.).
6. Larionov V. G., Kergilova S. N., Rykova YA. S. Metodika ocenki rezul'tativnosti professional'nogo obucheniya i pereobucheniya personala filiala PAO «Kuban'ehnergo» YUgo-Zapadnye ehlektricheskie seti [Methodology for assessing the effectiveness of professional training and retraining of the personnel of the branch of PJSC «Kubanenergo» South-Western electric networks]. Innovacii v menedzhmente – Innovation in management. 2017. Iss. 11. P. 44–50. (In Russ.).
7. Meshcheryakov A. S., Bajrambekov R. A., Beglyanova A. S. Kompetentnostnyj podhod k povysheniyu kvalifikacii sotrudnikov uchrezhdenij ugovolno-ispolnitel'noj sistemy: konceptual'nyj organizacionno-metodicheskij aspekt [Competence approach to the professional development of the staff of institutions of the penal system: the conceptual organizational-methodical aspect]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education. 2014. Iss. 4. Availabel at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=14080> (accessed 21.01.2018). (In Russ.).
8. O Konceptii razvitiya ugovolno-ispolnitel'noj sistemy Rossijskoj Federacii do 2020 g. : rasporyazhenie Pravitel'stva Ros. Federacii ot 14.10.2010 № 1772-r (v red. ot 23.09.2015) [On the Concept of the Development of the Penal System of the Russian Federation until 2020: the Decree of the Government of the Russian Federation from 14.10.2010 No. 1772-d (red. on 23.09.2015)]. Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federacii – Collection of legislation of the Russian Federation. 2010. Iss. 43. Art. 5544. (In Russ.).
9. Prioritetnye napravleniya raboty nachal'nikov otryadov osuzhdennyh i trudnosti, vznikayushchie v osushchestvlenii ih funkcional'nyh obyazannostej (na osnove oprosa) / M. V. Kiselev, S. B. Filimonov, N. N. Ivashko i dr. [Priority directions of work of the chiefs of detachments of convicts and difficulties arising in the performance of their functional duties (on the basis of a survey)]. Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2015. Iss. 1. P. 173–182. (In Russ.).
10. Chirikov A. G., Ivashko N. N. Ehffektivnost' pedagogicheskoy deyatel'nosti nachal'nikov otryadov ispravitel'nyh uchrezhdenij [Effectiveness of pedagogical activity of the chiefs of correctional institution units]. Vestnik Kuzbasskogo instituta – Bulletin of the Kuzbass Institute. 2016. Iss. 2 (27). P. 184–189. (In Russ.).

УДК 378

Использование проектных технологий в обучении курсантов

А. А. КОЛЬЕВ – доцент кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент

Реферат

Целью работы является рассмотрение вопросов применения проектных технологий в обучении курсантов, предметом – проектная технология как интерактивный метод обучения. В статье отмечается актуальность применения интерактивных методов обучения в высшей школе, в том числе в ведомственных образовательных организациях Федеральной службы исполнения наказаний, проводится анализ преимуществ и недостатков использования проектного обучения, выделяются основные характеристики проектной технологии. Автором представлено описание классификаций проектов и методов обучения проектной деятельности, раскрыты стадии проектной технологии. Основным результатом проведенного исследования является разработка критериев оценки проекта, позволяющих определить уровень сформированности необходимых профессиональных компетенций курсантов, обучающихся по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом, при преподавании дисциплины «Мотивация и стимулирование трудовой деятельности».

Представленный опыт может быть использован преподавателями высшей школы при работе с обучающимися, в основе которой лежит применение проектной технологии как интерактивного метода обучения.

Ключевые слова: интерактивные методы обучения; проектное обучение; проектная технология; стадии проектных технологий; критерии оценки проекта.

Use of project technologies in training cadets

A. A. KOLYEV – Associate Professor of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Economics, Associate Professor

Abstract

The purpose of the work is to consider the use of project technologies in the training of cadets, the subject - project technology as an interactive method of teaching. The article highlights the relevance of the use of interactive teaching methods in higher education, including in the departmental educational organizations of the Federal Penal Service, it analyzes the advantages and disadvantages of using project training, and outlines the main characteristics of the project technology. In the work the description of classifications of projects and methods of teaching the project activity is presented, the stages of the project technology are revealed. The main result of the study is the development of criteria for evaluating the project, which makes it possible to determine the level of the formation of the necessary professional competencies of cadets trained in training 38.03.03 Personnel management when teaching the discipline «Motivation and stimulation of work activity». The presented experience can be used by high school teachers when working with trainees, based on the application of project technology as an interactive teaching method.

Key words: interactive teaching methods; project training; project technology; the stages of project technologies; project evaluation criteria

В последнее время достижения научно-технического прогресса вызывают значительные изменения в самых различных сферах, в том числе и в образовании. В сложившихся условиях практически исчерпаны возможности повышения эффективности и качества подготовки обучаемых в рамках использования традиционных методов обучения. Сегодня высшее образование в нашей стране характеризуется, с одной стороны, продолжающимся совершенствованием, переосмыслением и пересмотром концептуальных основ, а с другой – усилением конкурентной борьбы на рынке образовательных услуг, повышенными требованиями к инновационному потенциалу педагогов, качеству образовательного процесса, использованию интерактивных методов обучения [3, с. 286].

Различные варианты интерактивного обучения, в том числе проектные технологии, позволяют вовлечь, заинтересовать обучающихся, активизировать их учебную деятельность, пробуждают интерес к познанию, а следовательно, и стремление четко выполнять задания и формулировать мысли, быть

собраным, грамотно строить речь, то есть выступать активным участником учебного процесса [1].

В высшем образовании целью проектного обучения является формирование и развитие деятельностных составляющих компетенций будущего специалиста. Проектное обучение объединяет различные подходы, ориентированные на самостоятельный интеллектуальный поиск.

Основным методическим компонентом проектного обучения является учебный проект, характеристикой которого выступает прагматическая направленность учебно-познавательной деятельности учащихся в ходе решения теоретически значимой или практической проблемы [6, с. 111].

В образовательных организациях ФСИН России преподаватели используют различные интерактивные методы обучения курсантов, студентов и слушателей, такие как бинарные лекции, веб-квест-технологии [8], метод конкретных ситуаций (метод case-study) [7] и многие другие. Одним из них является метод проектов – метод группового проектного обучения, позволяющий улуч-

шить навыки логического мышления, максимально раскрыть творческие возможности обучающихся и стимулировать их к научно-исследовательской работе.

Выпускник вуза должен обладать знаниями о проектной деятельности, умением ее осуществлять на высоком профессиональном уровне. Процесс эффективного формирования проектных компетенций будущих специалистов возможен при использовании проектного обучения в качестве дидактической технологии. Для этого необходимо соблюдение ряда педагогических условий, основными из которых являются:

- интеграция психолого-педагогических, предметных и методических знаний;
- создание модельной ситуации вовлечения в процесс проектирования, включая зарождение идеи проектной деятельности, разработку замысла проекта и его реализацию;
- использование и сопровождение различных организационных форм и методик организации самостоятельной, образовательной деятельности обучающихся [5, с. 32].

Технология проектного обучения обладает своими достоинствами и недостатками. К числу первых специалисты относят:

- 1) широкое и многостороннее взаимодействие участников в ходе коллективной работы над выполняемыми проектами;
- 2) формирование группового стиля мышления и исполнительности на всех этапах работ по проекту;
- 3) управление процессом проектирования и оказание педагогической поддержки его участникам, возможность реализации различных типов проектов и овладение методиками их дальнейшего продвижения [2].

Следует отметить, что проектное обучение развивает у обучающихся:

- исследовательские умения (умение анализировать проблемную ситуацию, выявлять проблемы, осуществлять отбор необходимой информации из литературы, проводить наблюдение за практическими ситуациями, фиксировать и анализировать их результаты, строить гипотезы, осуществлять, обобщать, делать выводы);
- умение работать в команде (происходит осознание значимости коллективной работы для получения результата, роли сотрудничества, совместной деятельности);
- коммуникативные умения (умение не только высказать свою точку зрения, но и выслушать, понять другую, в случае несогласия уметь конструктивно критиковать

альтернативный подход для того, чтобы в итоге найти решение, синтезирующее, удерживающее позитив каждого предложения) [5, с. 32].

Несмотря на перспективы метода проектов, его осуществление имеет ряд ограничений. К их числу можно отнести:

- недостаток квалифицированных преподавателей, способных реализовать данный метод;
- отсутствие индивидуализированной методики проектной деятельности у конкретного преподавателя;
- существенные затраты времени на подготовку проектов;
- сложность оценки реального вклада каждого участника группового проекта в общий результат;
- недостаточность исследовательских навыков у обучающихся и др. [4].

В общем виде проектная технология включает следующие характеристики:

1. Наличие проблемы, требующей интегрированных знаний и исследовательского подхода к поиску ее решения. Проблема может предлагаться обучающимся в готовом виде, либо они подводятся к самостоятельной формулировке проблемы и выдвигению гипотез посредством различных приемов, средств наглядности.

2. Практическая, теоретическая, познавательная значимость предполагаемых результатов. Обучающийся должен осознать, где и как он может применить полученные знания, какой продукт проекта станет логическим завершением последнего. Соотношение проблемы и практической реализации ее решения и делает метод проектов весьма привлекательным для системы высшего образования.

3. Самостоятельность, которая определяется, с одной стороны, имеющейся возможностью проявить свои способности, самостоятельно выбрать пути решения задачи, а с другой – личностной мотивацией деятельности. Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную работу обучающихся (индивидуальную, парную, групповую).

4. Структурирование содержательной части проекта с указанием поэтапных результатов.

5. Использование исследовательских методов, то есть определение проблемы, вытекающих из нее задач исследования, выдвижение гипотезы.

В настоящее время существуют различные классификации учебных проектов (см. табл. 1).

Классификация проектов

Критерий классификации	Виды проектов
1. Доминирующая (преобладающая) деятельность обучающихся	1. Практико-ориентированный. 2. Исследовательский. 3. Информационный. 4. Творческий. 5. Ролевой. 6. Телекоммуникационный
2. Комплексность	1. Монопроекты (реализуются в рамках одной учебной дисциплины или одной области знания). 2. Межпредметные (выполняются во внеаудиторное время под руководством специалистов из разных областей знания)
3. Продолжительность	1. Мини-проекты (укладываются в одно занятие). 2. Краткосрочные проекты (занимают 2–3 занятия). 3. Недельные проекты (работа выполняется в группах под руководством преподавателя, на выполнение требуется до 30 аудиторных часов). 4. Годичные (долгосрочные) проекты (выполняются во внеаудиторное время как в группах, так и индивидуально)
4. Характер контактов	1. Внутриаудиторные. 2. Внутривузовские. 3. Региональные. 4. Международные

По мнению М. А. Смирновой, формирование проектной компетентности у обучающихся предполагает последовательное прохождение трех стадий: мотивационно-ориентационной, формирующей, Я-концепции (см. табл. 2) [9].

Таблица 2

Стадии формирования проектной компетентности у обучающихся

Стадия	Цель	Виды проектов
1. Мотивационно-ориентационная	Создание положительного отношения и формирование устойчивого интереса к проектированию в профессиональной области	Информационные
2. Формирующая	Формирование готовности к проектированию в профессиональной деятельности	Исследовательские и практико-ориентированные
3. Я-концепция	Формирование собственной позиции по отношению к проектированию в профессиональной деятельности, осознание ценности проектной компетентности	Исследовательские и творческие

Важную роль в проектной технологии играет использование метода обучения как способа взаимодействия между преподавателем и обучающимися, в результате которого происходит передача и усвоение знаний, умений и навыков, предусмотренных содержанием обучения. По характеру взаимной деятельности преподавателя и обучающихся выделяются различные методы обучения (см. табл. 3).

Таблица 3

Методы обучения проектной деятельности

Название метода	Характеристика
1	2
1. Объяснительно-иллюстративный	Рассказ, чтение книги, демонстрация опыта, применение наглядности и т. д. Он наиболее эффективен в проектной деятельности
2. Метод проблемного изложения	Систематическая самостоятельная учебно-познавательная деятельность обучающихся по усвоению новых знаний и способов действия с помощью решения проблемных ситуаций

1	2
3. Частично-поисковый	Организация поисковой, творческой деятельности на основе теории поэтапного усвоения знаний и способов деятельности
4. Эвристический	Обучение, ставящее целью формирование обучающимся собственного смысла, целей и содержания образования, а также процесса его осознания, диагностики и организации
5. Исследовательский	Постановка преподавателем познавательных и практических задач, требующих самостоятельного творческого решения

Метод проектов используется преподавателями ВИПЭ ФСИН России при проведении практических занятий по дисциплине «Мотивация и стимулирование трудовой деятельности» для формирования у обучающихся следующих необходимых компетенций в соответствии с ФГОС ВО по направлению подготовки 38.03.03 Управление персоналом:

- знание принципов и основ формирования системы мотивации и стимулирования персонала (в том числе оплаты труда), порядка применения дисциплинарных взысканий; владение навыками оформления результатов контроля за трудовой и исполнительской дисциплиной (документов о поощрениях и взысканиях) и умение применять их на практике (ПК-8);

- способность применять на практике методы оценки эффективности системы материального и нематериального стимулирования в организации (ПК-24).

Кроме этого, важными задачами проектного метода являются осуществление межпредметных связей с другими дисциплинами, такими как «Управление персоналом организации», «Оплата труда персонала», и получение знаний через взаимодействие обучающихся друг с другом и преподавателем.

Используемая проектная технология включает четыре основные стадии:

1. Организационно-подготовительную стадию, которая предполагает постановку проблемы, разработку проектного задания. На ней происходит выбор направления, по которому будет осуществляться разработка. Темы проектов обозначаются преподавателем (например, «Разработка системы нематериального стимулирования сотрудников УИС», «Разработка системы материального стимулирования сотрудников УИС»

и т. п.). Курсанты разбиваются на малые группы, выбираются руководители.

2. Разработку проекта (планирование). На этом этапе группой составляется техническое задание на разработку, которое включает:

- цель проекта;
- структуру проекта;
- список участников;
- календарный план выполнения.

3. Технологическую стадию, включающую в себя работу по осуществлению проекта. В ее рамках проводится консультация преподавателя с руководителями проектных групп, представляются промежуточные результаты, корректируется направление разработки, предлагаются новые решения, обсуждаются трудности в осуществлении проекта. При этом у обучающихся развиваются навыки работы в коллективе, организаторские способности, способность осуществлять различные виды деятельности (как в роли руководителей, так и в роли исполнителей).

(Первые три стадии осуществляются до начала занятия).

4. Заключительную стадию, которая включает оформление результатов, общественную презентацию, обсуждение итогов работы. Она реализуется непосредственно на занятии. Группы по очереди выступают с презентацией и докладом по теме проекта. После выступления каждой группы идет его коллективное обсуждение: другие коллективы задают вопросы по теме проекта, выражают свою точку зрения. В заключение осуществляется подведение итогов работы каждого коллектива и группы в целом, проходит оценка результатов. Итоговый балл определяется как среднее арифметическое суммы баллов по отдельным критериям (см. табл. 4).

Таблица 4

Критерии оценки проекта

Критерий оценки	5 баллов	4 балла	3 балла	2 балла
1	2	3	4	5
1. Качество содержания проекта	Проект носит исследовательский характер, имеет грамотно	Проект носит исследовательский характер, имеет грамотно	Проект носит исследовательский характер, имеет теорети-	Проект не носит исследовательского характера, содержа-

1	2	3	4	5
	изложенную теоретическую часть, ему присущи глубокий критический анализ предмета исследования, логичное, последовательное изложение материала с соответствующими выводами и обоснованными предложениями, имеющими практическую значимость	изложенную теоретическую часть, в которой представлены достаточно подробный анализ и критический разбор предмета исследования, характерно последовательное изложение материала с соответствующими выводами, однако историография проблемы и анализ источников неполный, выводы недостаточно аргументированы, в структуре и содержании есть отдельные погрешности, не имеющие принципиального характера	ческую часть, базируется на практическом материале, однако просматривается непоследовательность изложения материала, анализ источников подменен библиографическим обзором, документальная основа работы представлена недостаточно, проведенное исследование содержит поверхностный анализ и слабый критический разбор материала, выводы неконкретны, рекомендации слабо аргументированы, представлены необоснованные предложения	ние является компиляцией без соответствующей ссылки на использованные источники, материал изложен непоследовательно, выводы и рекомендации не аргументированы или отсутствуют
2. Качество оформления проекта	Работа написана грамотным литературным языком, тщательно выверена, научно-справочный аппарат и оформление соответствуют действующим государственным стандартам	Работа написана грамотным литературным языком, научно-справочный аппарат и оформление в целом соответствуют действующим государственным стандартам, но имеются погрешности оформительского характера	В стиле и оформлении проекта имеются различные погрешности	Работа написана неграмотно, научно-справочный аппарат и оформление не соответствуют действующим государственным стандартам
3. Качество выступления на защите проекта	Четкое, лаконичное, завершённое выступление	Достаточно четкое, лаконичное, завершённое выступление с небольшими недочетами	Недостаточно четкое, лаконичное и завершённое выступление с определенными недочетами	Нечеткое, незавершённое выступление, докладчик плохо ориентируется в тексте и очередности демонстрации иллюстративного материала
4. Качество подготовки презентации	Наглядная, содержательная и творческая презентация	Достаточно наглядная, содержательная и творческая презентация с небольшими недочетами	Недостаточно наглядная, содержательная и творческая презентация с определенными недочетами	Ненаглядная, несодержательная презентация с грубыми недочетами в оформлении или ее отсутствие
5. Ответы на замечания и вопросы	Четкие и аргументированные ответы на вопросы	Достаточно четкие и аргументированные ответы на вопросы с небольшими недочетами	Недостаточно четкие и аргументированные ответы на вопросы с определенными недочетами	Докладчик затрудняется отвечать на поставленные по его теме вопросы или при ответе допускает существенные ошибки, свидетельствующие о незнании теории и практики вопроса
Средняя оценка				
Итоговый балл				

Критерии оценки:

- оценка «отлично» выставляется обучающемуся, если средняя оценка составила 4,5 балла и более (компетенция сформирована на повышенном уровне);
- оценка «хорошо» выставляется обучающемуся, если средняя оценка составила 3,5–4,4 балла (компетенция сформирована на среднем уровне);
- оценка «удовлетворительно» выставляется обучающемуся, если средняя оценка составила 2,5–3,4 балла (компетенция сформирована на базовом уровне);
- оценка «неудовлетворительно» выставляется обучающемуся, если средняя оценка составила менее 2,5 балла (компетенция не сформирована).

Следует отметить, что проектное обучение как педагогическая технология позволяет расширить возможности традиционного образования, делает учебный процесс более целостным, отвечающим целям и задачам современного образования в России [6].

Использование проектных технологий в обучении позволяет обучающимся развивать творческие способности, умение аргументировать собственную позицию, а также совершенствовать навыки работы в группе, публичных выступлений. Все это в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности обучения курсантов и качественному формированию у них необходимых профессиональных компетенций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальность использования интерактивных методов обучения на уроках естественнонаучного цикла как средство формирования познавательной активности учащихся / К. Н. Наметова, Р. А. Рафиков, Т. А. Петерсон и др. // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки : электр. сб. ст. по материалам XXVIII междунар. студен. науч.-практ. конф. 2015. № 9 (27). URL: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9\(27\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9(27).pdf) (дата обращения: 28.04.2018).
2. Бокон Л. А., Катаев М. Ю., Поздеева А. Ф. Технология группового проектного обучения в вузе как составляющая методики подготовки инновационно-активных специалистов // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.
3. Ефимов П. П., Ефимова И. О. Интерактивные методы обучения – основа инновационных педагогических технологий // Инновационные педагогические технологии : материалы междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). Казань, 2014. С. 286–290.
4. Зершикова Т. А. О способах реализации метода проектов в вузе // Проблемы и перспективы развития образования : материалы междунар. науч. конф. (г. Пермь, апрель 2011 г.). Пермь, 2011. Т. II. С. 79–82.
5. Капранова В. А. Технология проектного обучения в современном образовательном контексте // Вестн. БДПУ. Сер. 1. 2014. № 2. С. 31–33.
6. Ларионова О. Г., Емельянова Н. В. Проектное обучение в высшей школе // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2010. № 2 (2). С. 109–112.
7. Малкова Л. Л., Кольев А. А. Возможности использования кейс-технологии в преподавании дисциплин по направлению подготовки «Управление персоналом» // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3 (39). С. 88–92.
8. Рассадина М. Н. Совершенствование организации образовательного процесса посредством применения веб-квест-технологии в самостоятельной работе курсантов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 4 (40). С. 104–108.
9. Смирнова М. А. Развитие профессиональных компетенций бакалавров в условиях проектного обучения в вузе : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2007. 24 с.

REFERENCES

1. Aktual'nost' ispol'zovaniya interaktivnykh metodov obucheniya na urokah estestvennonauchnogo cikla kak sredstvo formirovaniya poznavatel'noj aktivnosti uchashchihsya / K. N. Nametova, R. A. Rafikov, T. A. Peterson i dr. [The relevance of using interactive methods of teaching in the lessons of the natural-science cycle as a means of forming cognitive activity of students]. Molodezhnyj nauchnyj forum: Gumanitarnye nauki : ehlekt. sb. st. po materialam XXVIII mezhdunar. studen. nauch.-prakt. konf. – Youth Science Forum: The humanities : electronic collection of articles on the materials of the XXVIII International Student Scientific and Practical Conference. 2015. Iss. 9 (27). Available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9\(27\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/9(27).pdf) (accessed 28.04.2018). (In Russ.).
2. Bokov L. A., Kataev M. YU., Pozdeeva A. F. Tekhnologiya gruppovogo proektnogo obucheniya v vuze kak sostavlyayushchaya metodiki podgotovki innovacionno-aktivnykh specialistov [Technology of group project training in the university as a component of the methodology of training innovative and active specialists]. Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya – Modern problems of science and education. 2013. Iss. 6. (In Russ.).
3. Efimov P. P., Efimova I. O. Interaktivnye metody obucheniya – osnova innovacionnykh pedagogicheskikh tekhnologij [Interactive methods of teaching – the basis of innovative pedagogical technologies]. Innovacionnye pedagogicheskie tekhnologii : materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', oktyabr' 2014 g.). – Innovative pedagogical technologies : materials of the international scientific conference (Kazan, October 2014). Kazan, 2014. P. 286–290. (In Russ.).
4. Zershchikova T. A. O sposobah realizacii metoda proektov v vuze [On the ways to implement the method of projects in the university]. Problemy i perspektivy razvitiya obrazovaniya : materialy mezhdunar. nauch. konf. (g. Perm', aprel' 2011 g.) – Problems and prospects of the development of education: materials of the international scientific conference (Perm, April 2011). Perm, 2011. Vol. II. P. 79–82. (In Russ.).
5. Kapranova V. A. Tekhnologiya proektnogo obucheniya v sovremennom obrazovatel'nom kontekste [Technology of project training in a modern educational context]. Vesci BDPU. Ser. 1. – News of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. 2014. Iss. 2. P. 31–33. (In Russ.).

6. Larionova O. G., Emel'yanova N. V. Proektnoe obuchenie v vysshej shkole [Project training in higher education]. Problemy social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Sibiri – Problems of the social and economic development of Siberia. 2010. Iss. 2 (2). P. 109–112. (In Russ.).
7. Malkova L. L., Kol'ev A. A. Vozmozhnosti ispol'zovaniya kejs-tehnologii v prepodavanii disciplin po napravleniyu podgotovki «Upravlenie personalom» [Possibilities of using case technology in the teaching of disciplines in the field of training «Human Resource Management»]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 3 (39). P. 88–92. (In Russ.).
8. Rassadina M. N. Sovershenstvovanie organizacii obrazovatel'nogo processa posredstvom primeneniya veb-kvest-tehnologii v samostoyatel'noj rabote kursantov [Improving the organization of the educational process through the use of web-based technology in the independent work of cadets]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 4 (40). P. 104–108. (In Russ.).
9. Smirnova M. A. Razvitie professional'nyh kompetencij bakalavrov v usloviyah proektnogo obucheniya v vuze : avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Development of professional competencies of bachelors in the conditions of project training in high school : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Kaliningrad, 2007. 24 p. (In Russ.).

УДК 372.862

О применении компьютерных систем тестирования для проверки знаний студентов и курсантов вузов

А. А. БАБКИН – доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент;

О. Б. ГОЛУБЕВ – заведующий кафедрой информационных технологий и методики преподавания информатики Вологодского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент;

В. А. ТЕСТОВ – профессор кафедры математики и методики преподавания математики Вологодского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Реферат

Для измерения уровня развития компетентностей студентов, курсантов, слушателей в педагогической практике широко применяются компьютерные тесты. Контроль знаний, который проходит в процессе компьютерного тестирования, раскрывает количественные и качественные показатели учебной информации, а также дает возможность преподавателю скорректировать ход аудиторных занятий и организацию самостоятельной работы обучающихся. В ведомственном вузе (Вологодском институте права и экономики ФСИН России) в современный период образовательный процесс сложно представить без использования компьютерных учебников, задачников, тренажеров, лабораторных практикумов, энциклопедий, справочников, различных систем тестового контроля знаний. Они составляют обширный класс средств, относящихся к образовательным информационным технологиям. Одним из условий эффективной подготовки будущих сотрудников уголовно-исполнительной системы является применение в процессе обучения современных компьютерных программных средств для качественного контроля знаний. В образовательной организации созданы и используются соответствующие компьютерные тесты по большинству преподаваемых дисциплин и курсов, включая спецпредметы. В течение двух лет проводился педагогический эксперимент по компьютерному контролю знаний слушателей. В нем приняло участие более 500 испытуемых. Компьютерные тесты, как и компьютерная система тестирования в целом, не могут пока заменить традиционные формы контроля знаний, к которым относятся контрольные и самостоятельные работы, зачеты, устные и письменные опросы, экзамены. Однако компьютерная форма зарекомендовала себя как удобная, позволяющая тратить меньше усилий на проверку и обработку результатов. Итоги педагогического эксперимента подтверждают возможности систематического проведения компьютерного тестирования (вводное, тематическое, промежуточное, итоговое) для углубления знаний студентов и курсантов.

Ключевые слова: компетентность; контроль знаний; компьютерный тест; веб-тестирование; универсальный тестовый комплекс; компьютерный контроль знаний.

On the application of computer testing systems for testing knowledge of students and cadets of higher education institutions

A. A. BABKIN – Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

O. B. GOLUBEV – Head of the Department of Information Technologies and Methods of Informatics Teaching of the Vologda State University, PhD. in Pedagogics, Associate Professor;

V. A. TESTOV – Professor of the Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics of the Vologda State University, Dsc. in Pedagogics, Professor

Abstract

Computer tests are widely used in pedagogical practice in pedagogical practice to measure the level of competence development of students, cadets, listeners. The control of knowledge, which takes place in the process of computer testing, reveals the quantity and quality of mastering the educational information, as well as enables the teacher to adjust the course of classroom activities and the organization of independent work of students. In departmental high school (The Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia) in the modern period the educational process is also difficult to imagine without the use of computer textbooks, problem books, simulators, laboratory workshops, encyclopedias, reference books, various systems of test control of knowledge of cadets and students. They constitute an extensive class of educational information technology tools. One of the conditions for effective training of future employees of the penal system is the use of modern computer software for quality control of knowledge in the learning process. The educational organization created and used computer tests to check and control the knowledge of most disciplines and courses, including special offers. Within two years the pedagogical experiment on computer control of knowledge of listeners was carried out. More than 500 subjects took part at the experiment. Computer tests, as well as the computer testing system as a whole can not yet replace the traditional forms of knowledge control, which include control and independent work, tests, oral and written surveys, exams. However the computer form is a convenient form of knowledge control, which allows to spend less effort to check and process the results. The results of the pedagogical experiment confirm the possibility of systematic computer testing (introductory, thematic, intermediate, final) to deepen the knowledge of students and cadets.

Key words: competence; knowledge control; computer test; web testing; universal test complex; computer control of knowledge.

В настоящее время актуальной является проблема измерения у студентов, курсантов и слушателей вузов уровня развития различных компетентностей [1; 5]. Достаточно надежных и удобных методов для этого пока не разработано, но уже сейчас в данной сфере широко применяются компьютерные тесты. При этом каждый студент выполняет на отдельном компьютере контрольно-измерительные тестовые задания. Контроль знаний, который проходит в процессе компьютерного тестирования, раскрывает в количественном и качественном аспектах степень овладения учебной информацией, а также предоставляет преподавателю возможность скорректировать ход аудиторных занятий и самостоятельную работу студентов.

Использование компьютерных тестов и компьютерных систем тестового контроля в учебном процессе образовательной организации имеет ряд положительных моментов:

– компьютерная версия тестирования экономит много времени. Полученные данные автоматически подсчитываются, обрабатываются, оцениваются и интерпретируются. В итоге компьютер выдает готовый отчет, нередко в сопровождении диаграмм, графиков и других средств наглядности. На всю процедуру проверки, включая обработку и интерпретацию результатов, уходит значительно меньше времени, чем при обычной проверке;

– при наличии хорошо отлаженной программы компьютерное тестирование прак-

тически исключает ошибки при обработке результатов: компьютер всегда использует один и тот же алгоритм, не отвлекается и не утомляется;

- появляется возможность накопления и сохранения электронной базы данных. Унифицированная база данных удобна для анализа и заменяет собой огромные кипы экспериментальных бланков, отчетов и заключений;

- при использовании стандартизированной компьютерной программы условия проведения тестирования не зависят от индивидуальных особенностей и психологического состояния проводящего тестирование человека, что, несомненно, повышает чистоту диагностической процедуры;

- при компьютерном тестировании обследуемый студент, оставаясь один на один с компьютером, может позволить себе быть более откровенным и естественным. Ему некого стесняться: железка не может ни оценочно, ни эмоционально реагировать на не самые удачные с позиции социальной желательности ответы.

Во многом компьютер является практически идеальным инструментом для проведения тестов. Однако, несмотря на отмеченные преимущества, компьютерные тесты и системы тестового контроля не могут полностью заменить и вытеснить традиционные средства проверки знаний. К отрицательным сторонам компьютерных средств относятся:

- необходимость иметь компьютер и соответствующее программное обеспечение для работы с системами контроля знаний;

- в некоторых случаях – сложность восприятия больших объемов текстового материала и графики с экрана дисплея;

- большая вероятность выбора ответов наугад или методом исключения, запоминания правильного ответа;

- невозможность проследить логику рассуждения студента.

Ввиду последней особенности компьютерного тестирования при использовании такой формы возникают трудности как в диагностике причин затруднений плохо успевающих студентов, так и в выделении наиболее способных студентов, определении наиболее высокого, творческого уровня овладения знаниями. Поэтому в идеале необходимо гармоничное сочетание компьютерного тестирования с традиционными формами проверки знаний преподавателями [7].

Для создания компьютерных тестов существует широкий спектр программ: он-

лайн-сервисы с готовыми тестами, тестовые программы, мобильные приложения.

Компьютерный тест также можно создать с помощью программ MS PowerPoint и MS Excel. Они позволяют использовать для разработки тестов не только текстовую, но также графическую (фотографии, рисунки, схемы, диаграммы), видео- (видеофрагменты), аудиальную информацию (звуковые файлы).

Тесты давно стали обязательным элементом дистанционного обучения. Так, в среде дистанционного обучения MOODLE существует система для разработки тестов, ориентированная на веб-тестирование [2; 3].

Создавать тесты с автоматизированным результатом проверки возможно с использованием бесплатного облачного сервиса Google Forms. Также существуют облачные сервисы для создания тестов, которые содержат коллекцию готовых тестовых заданий по разным тематикам, что является их большим преимуществом перед другими программами. К таким инструментам относится конструктор тестовых заданий «Мастер тест». Готовые тестовые задания можно сохранять в свою базу, потом изменять и использовать при создании новых тестов, не вводя каждый раз один и тот же вопрос.

В учебном процессе все чаще применяются мобильные приложения. Мобильное приложение Plickers можно использовать для проведения интерактивного теста. Основная идея приложения заключается в сканировании и считывании QR-кодов с целью дальнейшей их обработки и вывода статистики по тестированию. Одно из преимуществ сервиса заключается в том, что все операции совершаются мгновенно, в реальном времени. Для интерактивного тестирования понадобится компьютер и мобильный телефон с выходом в интернет, а также комплект многоцветных QR-карточек для опрашиваемых.

Программа имеет простой принцип работы. Во время опроса учащиеся поднимают карточку таким образом, чтобы буква правильного, по их мнению, ответа оказалась сверху. Телефон преподавателя считывает QR-коды и мгновенно выводит результаты тестирования на экран.

Современные информационные технологии в системе ведомственного образования приобретают все более важное значение. Образовательный процесс ведомственного вуза сложно представить без использования компьютерных учебников, задачников, тренажеров, лабораторных практикумов, энциклопедий, справочников, различных

систем тестового контроля знаний курсантов и слушателей. Они составляют обширный класс средств, относящихся к разделу образовательных информационных технологий.

В ВИПЭ ФСИН России обучаются свыше 700 курсантов и слушателей для дальнейшего прохождения службы в органах и учреждениях уголовно-исполнительной системы. Одним из условий эффективной подготовки будущих сотрудников является использование в процессе обучения современных компьютерных программных средств, в том числе для качественного контроля знаний. В вузе создана и функционирует электронная информационная образовательная среда (ЭИОС). В ее структуру входят электронные информационные ресурсы (ЭИР), электронные образовательные ресурсы (ЭОР), совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств. Компоненты ЭИОС обеспечивают освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от места нахождения обучающихся [4]. ЭИР представлены официальным сайтом института и электронной почтой, ЭОР – базой электрон-

ных документов, регламентирующих содержание и организацию образовательного процесса, а также такими ресурсами, как программный продукт «1С : Университет-ПРОФ», система дистанционного обучения «Прометей», программный компонент «Электронный журнал ВИПЭ ФСИН России», электронными библиотечными системами [6]. Кроме перечисленных ресурсов в ЭИОС входит комплекс для компьютерной проверки знаний обучаемых АСТ-ТЕСТ (система компьютерного адаптивного тестирования).

В данный комплекс входят четыре модуля:

- АСТ-Тест Player (клиентский модуль для прохождения тестов);
- АСТ-Тест Administrator (модуль для формирования и управления информационной средой тестирования);
- АСТ-Тест Server (обеспечивает доступ к ресурсам тестирования удаленных компьютеров сети);
- АСТ-Тест Statistica (модуль оценки качества тестовых заданий).

В кабинетах информатики на рабочих местах для проведения тестирования обучаемые в основном используют АСТ-Тест Player (рис. 1).

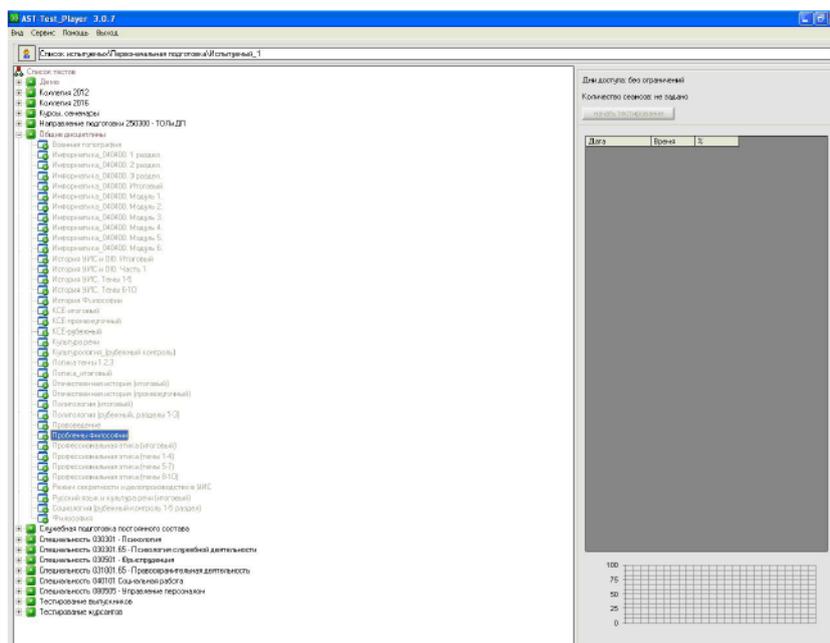

Рис. 1. Окно программы АСТ-Тест Player

Программная оболочка AST-Test Player предназначена для проведения тестирования посредством подключения к удаленной базе тестов, находящейся на другом компьютере – сервере. AST-Test Player предоставляет следующие возможности:

– работа с ранее созданным профилем пользователя при прохождении тестовых

испытаний с возможностью доступа к тестам по личному паролю;

– динамическое создание профиля пользователя в структуре тестируемых (Ф. И. О., № студенческого билета) для прохождения тестовых испытаний с возможностью защиты паролем;

– прохождение тестовых испытаний;

– отображение результатов тестовых испытаний.

В институте созданы и используются компьютерные тесты для проверки и контроля знаний по большинству преподаваемых дисциплин и курсов, включая спецпредметы.

Сам экран тестирования появляется после нажатия кнопки «Начать тестирование». После прочтения вопроса осуществляется выбор одного или нескольких из приведен-

ных ниже вариантов ответа. Для перехода к следующему тестовому вопросу нажимается кнопка «Готово». В любой момент времени можно пропустить текущий вопрос, нажав кнопку «Пропустить». Количество оставшихся вопросов отображается в правом нижнем углу экрана. Для математических расчетов можно воспользоваться пиктограммой калькулятора в левом нижнем углу экрана (рис. 2).

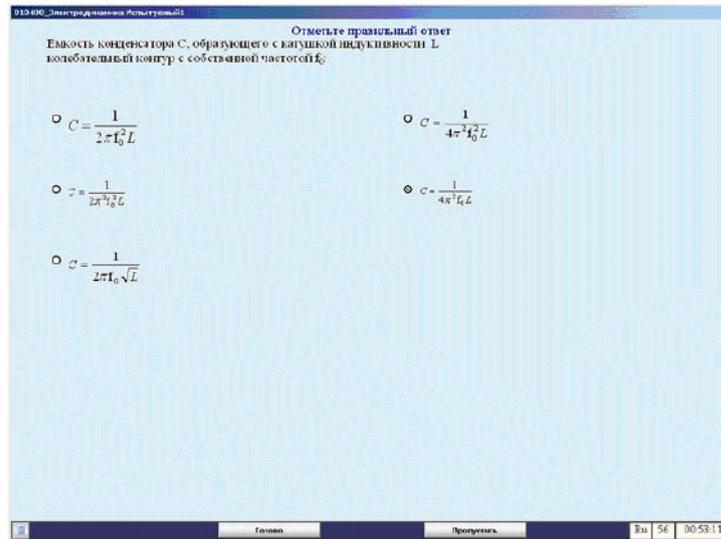

Рис. 2. Окно экрана тестирования

Помимо описанной программной оболочки преподаватели кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России используют в своей практике Универсальный тестовый комплекс (УТК) О. Аграновича.

Данная программа включает в себя генератор тестов (средство для создания и редактирования компьютерных тестов) (рис. 3) и тестер (средство для проведения тестирования) (рис. 4).

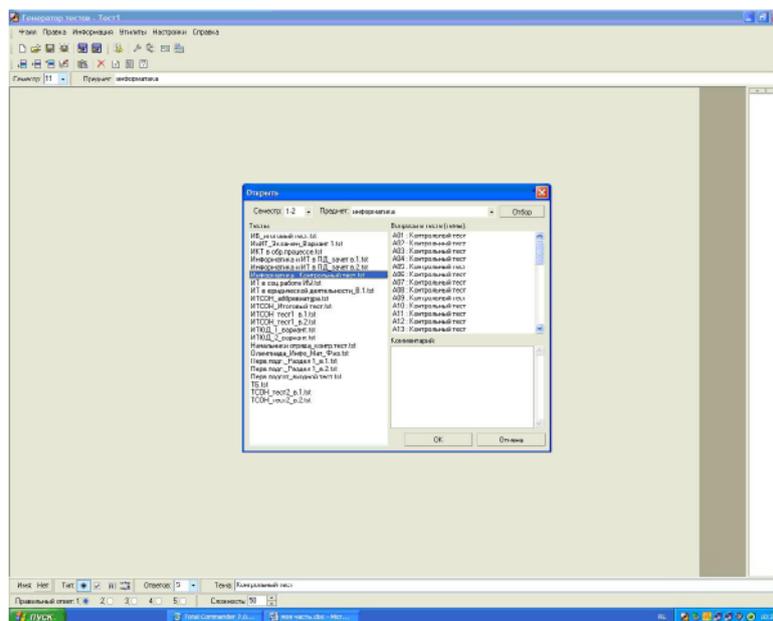

Рис. 3. Окно программы «Генератор тестов»

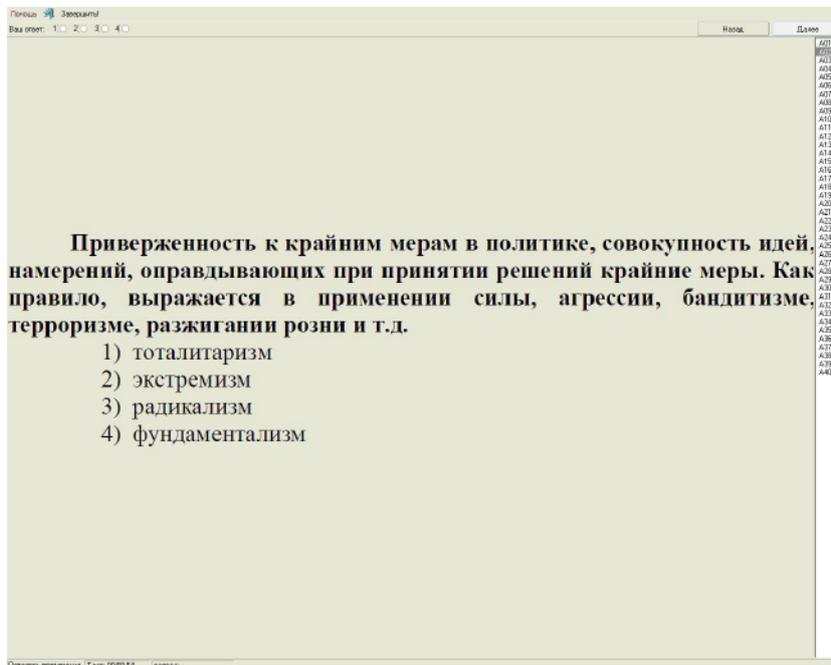

Рис. 4. Окно программы «Тестер»

УТК применяется на кафедре уже более пяти лет. Нами разработаны компьютерные тесты для промежуточной аттестации по всем преподаваемым дисциплинам.

Подробнее остановимся на проведении компьютерного контроля знаний слушателей, которые обучаются на курсах первоначальной подготовки рядового, младшего, среднего и старшего начальствующего состава учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. В рамках программы курсов обучаемые проходят обязательный входной контроль, а также промежуточный контроль по окончании каждого раздела.

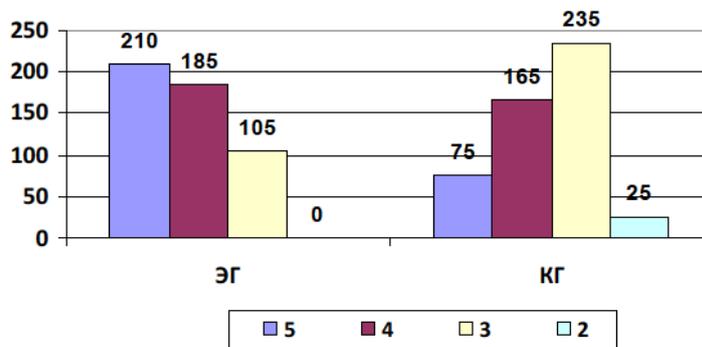
В течение двух лет нами проводился эксперимент по компьютерному контролю знаний слушателей. В нем приняло участие бо-

лее 500 испытуемых, условно разделенных на две группы: экспериментальную и контрольную. Первоначально, перед проведением эксперимента, обе группы слушателей находились в одинаковых условиях. В ходе эксперимента слушателям экспериментальной группы предлагалось выполнить задания в форме тестирования на персональных компьютерах в программе УТК (входной контроль и разд. 1 «Правовые и организационные основы деятельности уголовно-исполнительной системы»), слушатели же контрольной группы выполняли те же итоговые задания без использования компьютера.

По итогам эксперимента получилось следующее распределение по полученным оценкам (по пятибалльной шкале):

Диаграмма 1

Уровень успеваемости слушателей

На представленной диаграмме видно, что слушатели экспериментальной группы пре-

восходят слушателей контрольной группы по уровню знаний.

Одним из главных условий успешности применения компьютерного тестирования в учебном процессе является привлечение обучающихся к созданию тестовых заданий. Методика их совместной разработки преподавателем и обучающимися открывает новые возможности для повышения уровня знаний студентов и курсантов, а также активизации их мышления. Кроме того, функции компьютерного тестирования в обучении не ограничиваются только контролирующей составляющей, важными являются обучающие возможности тестов. Реализация основных дидактических принципов применения компьютерного тестирования во многом определяет результативность его использования на практике.

Компьютерные тесты, как и компьютерная система тестирования в целом, не могут пока заменить традиционные формы контроля знаний, к которым относятся кон-

трольные и самостоятельные работы, зачеты, устные и письменные опросы, экзамен. Постоянное использование тестовой формы контроля в обучении может привести к тому, что студенты, курсанты и слушатели при тестировании будут угадывать некоторые ответы, составлять шпаргалки при повторном нахождении.

Однако компьютерная форма является весьма удобной для контроля знаний и позволяет преподавателю тратить меньше усилий на проверку и обработку результатов. Разработанные нами компьютерные тестовые задания повышают интерес студентов и курсантов к учебной дисциплине и способствуют повышению качества обучения. Итоги педагогического эксперимента подтвердили возможность систематического проведения компьютерного тестирования (вводное, тематическое, промежуточное, итоговое) для углубления знаний студентов и курсантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабкина А. А., Голубев О. Б. Облачные сервисы в обучении информатике как средство развития ИКТ-компетентности студентов и курсантов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 3 (39). С. 92–96.
2. Голубев О. Б. Учебные сетевые проекты в обучении математике как средство развития познавательной активности студентов-гуманитариев : дис. ... канд. пед. наук. Ярославль, 2010. 177 с.
3. Голубев О. Б., Никифоров О. Ю. Особенности инновационной архитектуры учебного взаимодействия в цифровой школе // Инновационный Вестник Регион. 2012. № 4. С. 68–72.
4. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Рос. газ. 2012. 31 дек.
5. Шахов О. А., Бабкин А. А. Особенности формирования информационно-коммуникационной компетентности выпускника ведомственного вуза // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2017. № 1 (37). С. 101–105.
6. Электронная информационно-образовательная среда ведомственного вуза (на примере ВИПЭ ФСИН России) / С. А. Шлыков, Д. В. Сергеева, А. С. Соловьев и др. // Информационно-техническое обеспечение деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе : сб. материалов науч.-практ. семинара (Вологда, 27 октября 2016 г.). Вологда, 2017. С. 133–140.
7. Golubev O. B., Testov V. A. Network information technologies as a basis of new educational paradigm // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 214. P. 128–134.

REFERENCES

1. Babkin A. A., Golubev O. B. Oblachnye servisy v obuchenii informatike kak sredstvo razvitiya IKT-kompetentnosti studentov i kursantov [Cloud services in teaching computer science as a means of developing information and communication competence of students and cadets]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 3 (39). P. 92–96. (In Russ.).
2. Golubev O. B. Uchebnye setevye proekty v obuchenii matematike kak sredstvo razvitiya poznavatel'noj aktivnosti studentov-gumanitariyev : dis. ... kand. ped. nauk [Educational network projects in the teaching of mathematics as a means of developing cognitive activity of students in the humanities: the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Yaroslavl, 2010. 177 p. (In Russ.).
3. Golubev O. B., Nikiforov O. YU. Osobennosti innovacionnoj arhitektury uchebnogo vzaimodejstviya v cifrovoj shkole [Features of innovative architecture of educational interaction in digital school]. Innovacionnyj Vestnik Region – Innovative Herald Region. 2012. Iss. 4. P. 68–72. (In Russ.).
4. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii : feder. zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ [On Education in the Russian Federation : Federal Law from 29.12.2012 No. 273-FL]. Ros. gaz. – Russian newspaper. 2012. December 31. (In Russ.).
5. SHahov O. A., Babkin A. A. Osobennosti formirovaniya informacionno-kommunikacionnoj kompetentnosti vypusknika vedomstvennogo vuza [Peculiarities of formation of information and communication competence of a graduate of a departmental university]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction. 2017. Iss. 1 (37). P. 101–105. (In Russ.).
6. EHlektronnaya informacionno-obrazovatel'naya sreda vedomstvennogo vuza (na primere VIPEH FSIN Rossii) / S. A. SHlykov, D. V. Sergeeva, A. S. Solov'ev i dr. [The electronic information and educational environment of a departmental university (on the example of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia)]. Informacionno-tehnicheskoe obespechenie deyatel'nosti ugolovno-ispolnitel'noj sistemy na sovremennom eh tape : sb. materialov nauch.-prakt. seminar (Vologda, 27 oktyabrya 2016 g.) – Informational and technical support of the penal system at the present stage : a collection of materials of the scientific-practical seminar (Vologda, October 27, 2016). Vologda, 2017. P. 133–140. (In Russ.).
7. Golubev O. B., Testov V. A. Network information technologies as a basis of new educational paradigm // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2015. Vol. 214. P. 128–134. (In Eng.).

УДК 37.047

Готовность несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, к профессиональному самоопределению как проблема современной педагогической науки

А. В. БАРЫШЕВА – преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Анализ сложившихся научных подходов и авторских позиций, высказываемых в профориентологии, позволил определить сущность понятия «готовность к профессиональному самоопределению несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы». Его толкование строится на основе двух базовых категорий: профессиональное самоопределение и готовность.

Профессиональное самоопределение – процесс, осуществляемый на протяжении всей жизни человека, заключающийся в формировании личностью отношения к профессионально-трудовой сфере и самореализации, которая достигается благодаря согласованию внутриличностных и социально-профессиональных потребностей. Будучи важной характеристикой социально-психологической зрелости личности, оно предполагает, что несовершеннолетним осужденным необходимо сознательно выбрать и свое профессиональное будущее, и оптимальные формы и способы поведения, позволяющие его достичь.

Профессиональное самоопределение многокомпонентно, что обуславливает различные подходы к его структурированию.

Успешности самоопределения личности способствует особое направление педагогической деятельности – профориентация. В современных условиях она педагогическая по методам, социальная по содержанию, экономическая по результатам и государственная по организации работы. В воспитательной колонии она выступает и как средство ресоциализации лиц, отбывающих наказание.

Особым результатом профориентации является формирование готовности к профессиональному самоопределению. Анализ научных источников позволяет утверждать, что ее содержание составляют специфические знания, умения, навыки и настрой на конкретные профессиональные действия.

В пенитенциарной практике предлагается использовать понятие «готовность к профессиональному самоопределению несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы», обозначая им интегративное качество личности, заключающееся в признании ценности труда, приобретении специальных знаний и умений, обеспечивающее профессиональное самоопределение в период лишения свободы и потребность реализации в труде в постпенитенциарный период.

Деятельность по обеспечению формирования данной готовности должна стать одним из направлений учебно-воспитательного процесса в воспитательной колонии.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; готовность к профессиональному самоопределению; профориентация; несовершеннолетние осужденные.

Readiness of minors sentenced to imprisonment to professional self-determination as a problem of the modern pedagogical science

A. V. BARYSHEVA – Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Analysis of existing scientific approaches and author's positions expressed in the professional orientation allowed to define the essence of the concept «readiness for professional self-determination of minors convicted to imprisonment». Its interpretation is based on two basic categories: professional self-determination and readiness.

Professional self-determination is a process that is carried out throughout the life of a person consisting in the formation of an individual attitude towards the professional and labor sphere and self-realization, achieved through the harmonization of personal and social and professional needs. Being an important characteristic of the socio-psychological maturity of the individual it assumes that minor convicts need to consciously choose their professional future, and the optimal forms and ways of behavior that allow it to be achieved.

Professional self-determination is multicomponent, what causes different approaches to its structuring.

The success of self-determination is promoted by the special direction of pedagogical activity – professional orientation. In the modern conditions it is pedagogical in methods, social in content, economic in terms of results and state in terms of organization of this work. In the educational colony it also acts as a means of resocializing persons, who serve punishment.

A special result of professional orientation is the formation of readiness for professional self-determination. The analysis of scientific sources allows us to assert that its content is made up of specific knowledge, skills, attitudes and attitudes toward specific professional actions.

In the penal practice it is proposed to use the notion «readiness for professional self-determination of minors sentenced to deprivation of liberty», indicating to them the integrative quality of the individual, which consists in recognizing the value of labor, acquiring special knowledge and skills, ensuring professional self-determination in the period of deprivation of liberty and the need for labor in the post-penitentiary period.

Activities to ensure the formation of this readiness should be one of the directions of the educational process in the educational colony.

Key words: professional self-determination; readiness for professional self-determination; professional orientation; juvenile convicts.

Одним из условий успешной самореализации личности является качественное профессиональное самоопределение. Применительно к лицам, отбывающим наказание, оно, по нашему мнению, выступает еще и предпосылкой успешной ресоциализации как в пенитенциарный, так и в постпенитенциарный периоды.

В современной науке понятие «самоопределение» используется в нескольких значениях.

В философии категорией «самоопределение» обозначают «процесс и результат выбора личностью своей позиции, целей и средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни» [17].

В педагогической сфере самоопределение рассматривается как двусторонний процесс: с одной стороны, это форма самореализации и самоорганизации подростка,

с другой – результат педагогического воздействия в организации познавательной и трудовой деятельности [15].

П. Г. Щедровицкий самоопределение трактует как способность человека строить самого себя, умение переосмыслить собственную сущность.

Анализ источников позволяет заключить, что самоопределение – это многоэтапный процесс определения человеком своих целей, взглядов на жизнь, жизненных позиций с учетом собственных интересов и требований общества.

В педагогической и психологической науках условно выделяют три типа самоопределения: профессиональное, жизненное и личностное. По мнению Н. С. Пряжниковой, они взаимопроникающи, но между ними существуют некоторые отличия (см. табл. 1) [20].

Таблица 1

Типы самоопределения

Тип самоопределения	Особенности
1	2
Профессиональное самоопределение	Формализовано в большей степени (профессионализм фиксируется дипломами, сертификатами, записями в трудовой книжке, достижениями в труде)

1	2
Жизненное самоопределение	Зависит от различных факторов (от образа и стиля жизни, социокультурной среды; общественных стереотипов этой среды; экономических, социальных, экологических и других условий, определяющих жизнь человека и его среды)
Личностное самоопределение	Происходит в процессе преодоления сложных обстоятельств и абсолютно лишено формализации

В нашем исследовании особое внимание уделяется профессиональному самоопределению. К его трактовке в современной науке существуют различные подходы (см. табл. 2).

Таблица 2

Подходы к понятию «профессиональное самоопределение»

Л. В. Байбородова	Определение человеком себя относительно выработанных в обществе (и принятых данным человеком) критериев становления личности и дальнейшая реализация себя на основе этих критериев [22]
С. И. Андрущенко	Выбор подростками своей позиции в отношении к миру, окружающим людям, самому себе, своей будущей профессиональной деятельности, стоящим перед ними задачам, путям и средствам их реализации [2]
Е. А. Климов	Это не есть одномоментный акт выбора профессии. Профессиональное самоопределение продолжается на протяжении всей жизни [10]
С. Н. Чистякова	Сложный, непрерывный процесс, осуществляемый на протяжении всей жизни человека, процесс формирования личностью отношения к профессионально-трудовой сфере и способ ее самореализации, достигаемый благодаря согласованию внутриличностных и социально-профессиональных потребностей [28, с. 89–98]
Э. Ф. Зеер	Избирательное отношение индивида к миру профессий в целом и к конкретной выбранной профессии [8]

Профессиональное самоопределение является важной характеристикой социально-психологической зрелости личности, ее потребности в самореализации и самоактуализации.

Возможность осуществления профессионального самоопределения гарантирована Конституцией Российской Федерации, предоставляющей гражданам право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию [1].

Профессиональное самоопределение людей различных категорий специфично. Так, несовершеннолетнему осужденному необходимо решить, каким он хочет быть, а также сознательно выбрать для себя формы и способы поведения (в ситуации совершения преступления и отбывания наказания такой выбор особенно важен: от его качества, как нам кажется, зависит дальнейшая жизнь подростка после освобождения из воспитательной колонии).

Наиболее ясно содержание профессионального самоопределения личности отражают авторские структурные модели, обсуждаемые в отечественной педагогической и психологической науках.

Классическим вариантом структурирования считается разработанная Е. А. Климо-

вым трехкомпонентная модель: «хочу – могу – надо» [10]. Примером конкретизации данного подхода служит структура, предложенная А. В. Мордовской, которая вводит дополнительно элемент «может», отражающий формы общественной и государственной поддержки, гарантируемой профессионалу конкретной сферы [16].

По мнению Е. М. Борисовой, профессиональное самоопределение составляют пять компонентов: мотивационная сфера, профессиональные способности, индивидуально-типологические особенности, самосознание и социальный статус человека [6].

О. В. Падалко в структурную модель самоопределения включает три компонента: когнитивный (оценка способностей, качеств человека, его жизненные цели, ценностные ориентации, профессиональная направленность и знания, профессиональное самосознание), эмоциональный (потребности, трудовые мотивы, интересы индивида, его отношение к труду и престижу профессий, оценка их привлекательности, удовлетворенность работой в профессии), поведенческий/волевой (профессиональные установки, стремление к профессиональной мобильности, действия по выбору профессии) [27].

Ю. П. Поваренков и А. Г. Хаймина в качестве обязательных рассматривают следующие компоненты профессионального самоопределения: мотивационный (потребность выбрать и занять определенную позицию в сфере профессиональной деятельности, понимание значимости будущей профессиональной деятельности для самореализации), когнитивный (наличие профессиональных предпочтений, понимание себя, знание своих способностей, личностных качеств, наличие рефлексивных навыков, желание осуществлять самоанализ), операциональный (умение принимать самостоятельные решения и планировать собственную профессиональную жизнь, а также соответствующий опыт, навыки саморегуляции, информированность) [19].

М. В. Батырева профессиональное самоопределение представляет как единство профессиональной направленности и профессионального самосознания [3]. С. Н. Чистякова и Н. Н. Захаров дополняют предложенные компоненты еще двумя – профессионально важными качествами и профессиональной саморегуляцией [29]. Причем С. Н. Чистякова утверждает, что качество профессионального самоопределения возможно характеризовать на основе конкретных показателей. Их следует трактовать как уровни, «каждый из которых служит основой для последующего: на базе знаний формируется мотивация... знания и умения лежат в основе практической деятельности... в ней складывается эмоционально-ценностное отношение, определяющее профессионально самоопределение» [12, с. 1].

В исследовании В. В. Болучевской описана более сложная структурная модель профессионального самоопределения, компоненты которой сгруппированы: личность и индивидуальность оптанта; мотивационно-ценностная группа; внешняя и внутренняя деятельность оптанта (рефлексия, принятие решений и конкретные действия); прогностическая деятельность оптанта (цели, планы, отношение к престижу профессии); его социальная включенность (знание требований общества, умение ориентироваться на рынке труда, анализировать социально-экономическую сторону профессии, ее престижность, востребованность и др.) [5].

Описанные варианты структурирования профессионального самоопределения различаются перечнями компонентов, их сложностью и отражают многоаспектность и разнонаправленность работы по оказанию помощи в выборе профессии. Такая задача

обычно решается в рамках профориентации [10]. Н. С. Пряжников, поддерживая позицию Е. А. Климова, определяет профориентацию как ориентирование учащегося (оптанта), тогда как профессиональное самоопределение, по его мнению, больше соотносится с самоориентированием учащегося, выступающего в роли субъекта самоопределения [21, с. 32].

Пониманию содержания профориентации способствует анализ сложившихся научных подходов. Попытки их выделения предпринимались неоднократно (Е. М. Дорожкиным, Т. Э. Дусь, Э. Ф. Зеером, Д. А. Парновым).

В контексте нашего исследования особый интерес представляет позиция Г. М. Романцева, рассматривающего профориентацию как единство педагогической и социальной систем. По его мнению, целью педагогической системы выступает активное содействие личности в выборе профессии, а целью социальной – оптимизация влияния профессиональной деятельности на устройство жизнедеятельности личности [24].

Интересным является и мнение В. Д. Симоненко, характеризующего профориентацию как педагогическую по методам, социальную по содержанию, экономическую по результатам и государственную по организации работы деятельность [25]. Руководствуясь данной позицией, следует осуществлять профориентацию в воспитательной колонии педагогическими средствами – через обучение несовершеннолетних осужденных новому в интересах их подготовки к жизни на свободе и ресоциализации. Тем самым будет реализовываться социальный заказ государства по отношению к уголовно-исполнительной системе. Результатом соответствующей работы должно стать «состояние готовности подростка к сознательному, самостоятельному обдумыванию... своего профессионального будущего» [10, с. 97].

Определение сущности готовности несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, к профессиональному самоопределению в нашем исследовании строилось на понимании составляющих его научных категорий готовности и профессионального самоопределения, а также понятия «профориентация несовершеннолетних осужденных», с которым те логически связаны.

Термин «готовность» имеет множественные толкования: условие успешного выполнения деятельности; избирательная активность, настраивающая личность на будущую

деятельность; активное состояние личности, обеспечивающее ее самореализацию в процессе решения определенных задач на основе собственного опыта [11]. По мнению М. И. Дьяченко и Л. А. Кандыбович, готовность – это «первичное условие успешного выполнения любой деятельности» [7, с. 34], причем вне реально существующих связей с другими характеристиками психической деятельности человека состояние готовности теряет свое содержание.

В педагогической теории понятие «готовность» рассматривается как особое состояние личности (К. М. Дугай-Новокова), наличие определенных способностей (В. А. Сластенин), системообразующая установка к деятельности с позитивным результатом (Т. Б. Гершкович, М. Т. Громкова).

А. В. Бесклубная в контексте личностно-ориентированной парадигмы образования определяет готовность как своеобразную образовательную компетенцию, которая характеризуется через знания, умения, навыки и опыт деятельности обучающегося субъекта [4].

Готовность к какому-либо виду деятельности предполагает наличие мотивов и способностей. Предпосылками возникновения готовности к выполнению учебной или трудовой деятельности являются ее понимание, осознание ответственности, желание добиться успеха, определение последовательности и способов работы [1].

Л. А. Кандыбович называет готовностью интегративное качество личности, включающее знания, умения, навыки, настрой на конкретные действия [7].

Вызывает интерес и подход Л. Ю. Ювенской: готовность к профессиональному самоопределению – сложное целостное состояние личности, характеризующее совокупностью нравственно-психологических качеств личности, позволяющих ей осознавать свои возможности, способности и свое отношение к определенной профессиональной деятельности [12].

Проведенный анализ научных исследований позволил нам представить готовность к профессиональному самоопределению несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, как интегративное качество личности, заключающееся в признании ценности труда, приобретении специальных знаний, умений, обеспечивающее профессиональное самоопределение в период лишения свободы и потребность реализации в труде в постпенитенциарный период.

Для осуществления работы по формированию готовности к профессиональному самоопределению несовершеннолетних осужденных важно выделить элементы данного личностного свойства, разработать диагностическую методику, позволяющую определить его состояние у конкретного воспитанника воспитательной колонии, а затем спланировать и провести соответствующую работу.

В педагогической науке неоднократно предпринимались попытки выделения компонентов готовности личности к профессиональному самоопределению. Так, М. В. Ретивых считает, что готовность включает в себя способность к выбору профессии, практическую подготовленность, стремление к реализации профнамерения [23]. И. В. Лесовик разработана структура, включающая мотивационно-ценностный, содержательно-операциональный, эмоционально-волевой компоненты [13]. Э. К. Тер-Аракелян выделяет информационный, личностно-деятельностный и рефлексивный компоненты [26]. Сходные позиции в плане структурирования готовности личности к выбору профессии обнаруживают Н. А. Романович (когнитивно-образовательный, когнитивно-профессиональный, мотивационный, деятельностный компоненты) и С. В. Папсуева (когнитивный, мотивационно-потребностный, деятельностно-практический компоненты) [18]. Д. А. Микаэлян включает в структуру рассматриваемой личностной характеристики личностно-целевой, мотивационно-ценностный, информационно-гностический и рефлексивно-оценочный компоненты [14]. Наиболее сложной, по нашему мнению, является модель готовности личности к профессиональному самоопределению, предложенная А. В. Бесклубной. Она объединяет в себе мотивационно-целевой, эмоционально-волевой, когнитивный, деятельностно-практический и рефлексивно-результативный компоненты [4].

Е. В. Ананьина, основываясь на теории готовности к самоактуализации Г. Н. и С. Н. Сериковых, выделяет следующие составляющие готовности к профессиональному самоопределению:

– эмоциональное отношение человека к себе, своему положению в обществе, формирующееся на основе разрешения некоторых противоречий между природными свойствами человека и развивающейся самостью, выражающееся в оценочных суждениях по отношению к приобретаемым

знаниям, умениям, навыкам, повышении мотивации профессионального выбора и положительном отношении к самой ситуации выбора профессии;

– интеллектуальная просвещенность, проявляющаяся в наличии конкретной сферы профессиональных интересов, представлений об индивидуальных особенностях, знаний о мире профессий, собственных профессионально важных качествах и склонностях, а также умения работать с источниками информации;

– личный опыт самоуправления процессом профессионального самоопределения, проявляющийся в умении ставить цель выбора профессии, составлять программу

действий для ее достижения, анализировать варианты выбора, контролировать и корректировать профессиональные планы, актуализировать свои потенциальные возможности, направленные на формирование профессиональной готовности;

– духовное и физическое здоровье [1].

На основе анализа источников, а также опыта практической деятельности в области профориентации в воспитательной колонии, обнаруживающей наиболее специфические ее проблемы, нами предлагается следующая структура готовности к профессиональному самоопределению несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы:

Таблица 3

*Содержание компонентов готовности
к профессиональному самоопределению несовершеннолетних осужденных*

Информационно-когнитивный компонент	Эмоциональный компонент	Мотивационный компонент	Осознанность личного профессионального плана
Информированность в вопросах, значимых для выбора профессии	Мнения, оценки и ценностные ориентации в области труда и профессиональной деятельности	Волевые усилия в достижении поставленных профессионально ориентированных целей	Четкие и определенные намерения относительно ситуации профессионального выбора

Каждый из компонентов сложен, и диагностика осуществляется на основании целого ряда показателей. Предложенная структура позволяет разработать комплексную программу профориентации,

которая будет способствовать формированию готовности к профессиональному самоопределению несовершеннолетних осужденных, а следовательно, их ресоциализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ананьина Е. В. Готовность старшеклассников к профессиональному самоопределению // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2008. № 9. С. 62–67.
2. Андриющенко С. И. Педагогическая поддержка жизненному самоопределению подростков в условиях межшкольного учебного комбината // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3 : Педагогика и психология. 2011. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-podderzhka-zhiznennomu-samoopredeleniyu-podrostkov-v-usloviyah-mezhshkolnogo-uchebnogo-kombinata> (дата обращения: 12.04.2016).
3. Батырева М. В. Процесс профессионального самоопределения городской молодежи : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Тюмень, 2003. 25 с.
4. Бесклубная А. В. Формирование готовности старшеклассников к выбору профессии : дис. ... канд. пед. наук. Новгород, 2013. 204 с.
5. Болучевская В. В. Профессиональное самоопределение будущих специалистов помогающих профессий : моногр. Волгоград, 2010. 264 с.
6. Борисова Е. М. Профессиональное самоопределение: личностный аспект : дис. ... д-ра психол. наук. М., 1995. 411 с.
7. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Психологические проблемы готовности к деятельности. Минск, 1976. 176 с.
8. Зеер Э. Ф. Психология профессий. М., 2003. 336 с.
9. Зеер Э. Ф. Психология профессионального образования. Воронеж, 2003. 480 с.
10. Климов Е. А. Психология профессионального самоопределения : учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений. М., 2005. 304 с.
11. Коннычева Г. Г. Формирование мотивационной готовности к профессиональному самоопределению лицеев : дис. ... канд. пед. наук. Саратов, 2001. 173 с.
12. Критерии и показатели готовности школьников к профессиональному самоопределению: метод. пособие / сост. С. Н. Чистякова, А. Я. Журкина, Е. Н. Земленская. М., 1997.
13. Лесовик И. В. Педагогическая поддержка старшеклассников в процессе формирования готовности к профессиональному самоопределению : дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2007. 228 с.
14. Микаэлян Д. А. Психологическое сопровождение формирования готовности старшеклассников к осознанному выбору будущей профессии : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2015. 24 с.
15. Михайлова Д. Н., Литовкина А. А., Морозова В. В. Подготовка подростков к профессиональному самоопределению в образовательном процессе школы // Самоопределение личности: история, теория и технология : материалы всерос. науч.-практ. конф. (Белгород, 30–31 мая 2013 г.). Белгород, 2013. С. 264–268.

16. Мордовская А. В., Панина С. В., Макаренко Т. А. Основы профориентологии. Якутск, 2008. 139 с.
17. Новейший философский словарь. URL: <http://www.philosophi-terms.ru> (дата обращения: 26.05.2018).
18. Папсуева С. В. Профессиональное самоопределение школьников подросткового возраста : дис. ... канд. пед. наук. Новосибирск, 2012. 228 с.
19. Поваренков Ю. П., Хаймина А. Г. Профессиональное самоопределение воспитанников детских домов и школ-интернатов // Ярославский педагогический вестник. 2007. № 2. URL: <http://vestnik.yspu.org> (дата обращения: 23.05.2015).
20. Пряжников Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация. М., 2008. 496 с.
21. Пряжников Е. Ю., Пряжников Н. С. Профориентация. М., 2005. 496 с.
22. Профессиональное и личностное самоопределение детей-сирот / под ред. Л. В. Байбородовой. Ярославль, 1999. 67 с.
23. Ретивых М. В. Формирование у старшеклассников готовности к профессиональному самоопределению : дис. ... д-ра пед. наук. Магнитогорск, 1998. 323 с.
24. Романцев Г. М. Социально-педагогические деструкции профориентации в современных условиях // Проблемы профориентационной работы в современных условиях : материалы всерос. науч.-практ. конф. (25–26 марта 2010 г.). Тюмень, 2010. С. 19–24.
25. Симоненко В. Д. Профессиональная ориентация учащихся в процессе трудового обучения. М., 1985. 223 с.
26. Тер-Аракелян Э. К. Формирование готовности старшеклассников к профессиональному самоопределению в условиях профильного обучения : дис. ... канд. пед. наук. Тула, 2010. 248 с.
27. Цветкова Н. А. Профессиональное самоопределение личности на разных этапах становления профессионала : дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2005. 196 с.
28. Чистякова С. Н., Пряжников Н. С. Педагогическое сопровождение социально-профессионального самоопределения учащихся. М., 2002. С. 89–98.
29. Чистякова С. Н., Захаров Н. Н. Профессиональная ориентация школьников: организация и управление. М., 1987. 160 с.

REFERENCES

1. Anan'ina E. V. Gotovnost' starsheklassnikov k professional'nomu samoopredeleniyu [Readiness of high school students for professional self-determination]. Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the South Ural State University. 2008. Iss. 9. P. 62–67. (In Russ.).
2. Andryushchenko S. I. Pedagogicheskaya podderzhka zhiznennomu samoopredeleniyu podrostkov v usloviyah mezhskol'nogo uchebnogo kombinata [Pedagogical support to the life self-determination of adolescents in the conditions of the interschool educational complex]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3 : Pedagogika i psihologiya – Bulletin of the Adygea State University. Series 3 : Pedagogy and psychology. 2011. Iss. 2. Available at: <http://cyberleninka.ru/article/n/pedagogicheskaya-podderzhka-zhiznennomu-samoopredeleniyu-podrostkov-v-usloviyah-mezhskol'nogo-uchebnogo-kombinata> (accessed 12.04.2016). (In Russ.).
3. Batyreva M. V. Process professional'nogo samoopredeleniya gorodskoj molodezhi : avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [The process of professional self-determination of urban youth : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Sociology]. Tyumen, 2003. 25 p. (In Russ.).
4. Besklubnaya A. V. Formirovanie gotovnosti starsheklassnikov k vyboru professii : dis. ... kand. ped. nauk [Formation of high school students' readiness to choose a profession : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Nizhny Novgorod, 2013. 204 p. (In Russ.).
5. Boluchevskaya V. V. Professional'noe samoopredelenie budushchih specialistov pomagayushchih professij : monogr. [Professional self-determination of future professionals assisting professions : monograph]. Volgograd, 2010. 264 p. (In Russ.).
6. Borisova E. M. Professional'noe samoopredelenie: lichnostnyj aspekt : dis. ... d-ra psihol. nauk [Professional self-determination: the personal aspect : the diss. ... PhD. in Psychology]. Moscow, 1995. 411 p. (In Russ.).
7. D'yachenko M. I., Kandybovich L. A. Psihologicheskie problemy gotovnosti k deyatelnosti [Psychological problems of readiness for activity]. Minsk, 1976. 176 p. (In Russ.).
8. Zeer E.H. F. Psihologiya professij [Psychology of professions]. Moscow, 2003. 336 p. (In Russ.).
9. Zeer E.H. F. Psihologiya professional'nogo obrazovaniya [Psychology of vocational education]. Voronezh, 2003. 480 p. (In Russ.).
10. Klimov E. A. Psihologiya professional'nogo samoopredeleniya : ucheb. posobie dlya studentov vyssh. ped. ucheb. zavedenij [Psychology of professional self-determination : tutorial for students of higher pedagogical educational institutions]. Moscow, 2005. 304 p. (In Russ.).
11. Konnycheva G. G. Formirovanie motivacionnoj gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu liceistov : dis. ... kand. ped. nauk [Formation of motivational readiness for professional self-determination of lyceum students : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Saratov, 2001. 173 p. (In Russ.).
12. Kriterii i pokazateli gotovnosti shkol'nikov k professional'nomu samoopredeleniyu: metod. posobie / sost. S. N. Chistyakova, A. Ya. Zhurkina, E. N. Zemlenskaya [Criteria and indicators of students' readiness for professional self-determination : methodical manual ; comp. S. N. Chistyakova, A. Ya. Zhurkina, E. N. Zemlenskaya]. Moscow, 1997. (In Russ.).
13. Lesovik I. V. Pedagogicheskaya podderzhka starsheklassnikov v processe formirovaniya gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu : dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical support of high school students in the process of forming readiness for professional self-determination : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Voronezh, 2007. 228 p. (In Russ.).
14. Mikaehlyan D. A. Psihologicheskoe soprovozhdenie formirovaniya gotovnosti starsheklassnikov k osoznannomu vyboru budushchej professii : avtoref. dis. ... kand. psihol. nauk [Psychological support of the formation of the readiness of high school students to the conscious choice of the future profession : the author's abstract of the diss. ... PhD. in Psychology]. Pyatigorsk, 2015. 24 p. (In Russ.).
15. Mihajlova D. N., Litovkina A. A., Morozova V. V. Podgotovka podrostkov k professional'nomu samoopredeleniyu v obrazovatel'nom processe shkoly [Preparation of adolescents for professional self-determination in the educational process of the school]. Samoopredelenie lichnosti: istoriya, teoriya i tekhnologiya : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (Belgorod, 30–31 maya 2013 g.) – Self-determination of the person: history, theory and technology : materials of the all-Russian scientific-practical conference (Belgorod, May 30–31, 2013). Belgorod, 2013. P. 264–268. (In Russ.).
16. Morдовская А. В., Панина С. В., Макаренко Т. А. Основы профориентологии [Fundamentals of vocational guidance]. Yakutsk, 2008. 139 p. (In Russ.).
17. Novejsnij filosofskij slovar' [The newest philosophical dictionary]. Available at: <http://www.philosophi-terms.ru> (accessed 26.05.2018). (In Russ.).

18. Papsueva S. V. Professional'noe samoopredelenie shkol'nikov подросткового возраста : dis. ... kand. ped. nauk [Professional self-determination of schoolchildren of adolescence : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Novosibirsk, 2012. 228 p. (In Russ.).
19. Povarenkov YU. P., Hajmina A. G. Professional'noe samoopredelenie vospitannikov detskih domov i shkol-internatov [Professional self-determination of pupils of orphanages and boarding schools]. Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik – Yaroslavl Pedagogical Bulletin. 2007. Iss. 2. Available at: <http://vestnik.yspu.org> (accessed 23.05.2015). (In Russ.).
20. Pryazhnikova E. YU., Pryazhnikov N. S. Proforientaciya [Career Guidance]. Moscow, 2008. 496 p. (In Russ.).
21. Pryazhnikova E. YU., Pryazhnikov N. S. Proforientaciya [Career Guidance]. Moscow, 2005. 496 p. (In Russ.).
22. Professional'noe i lichnostnoe samoopredelenie detej-sirot / pod red. L. V. Bajborodovoj [Professional and personal self-determination of orphans : ed. by L. V. Bajborodova]. Yaroslavl, 1999. 67 p. (In Russ.).
23. Retivyh M. V. Formirovanie u starsheklassnikov gotovnosti k professional'nomu samoopredeleniyu : dis. ... d-ra ped. nauk [Formation of senior students' readiness for professional self-determination : the diss. ... Dsc. in Pedagogy]. Magnitogorsk, 1998. 323 p. (In Russ.).
24. Romancev G. M. Social'no-pedagogicheskie destrukcii proforientacii v sovremennyh usloviyah [Socio-pedagogical destructions of vocational guidance in modern conditions]. Problemy proforientacionnoj raboty v sovremennyh usloviyah : materialy vseros. nauch.-prakt. konf. (25–26 marta 2010 g.) – Problems of career guidance work in modern conditions : materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (March 25–26, 2010). Tyumen, 2010. P. 19–24. (In Russ.).
25. Simonenko V. D. Professional'naya orientaciya uchashchihsya v processe trudovogo obucheniya [Professional orientation of students in the process of labor training]. Moscow, 1985. 223 p. (In Russ.).
26. Ter-Arakelyan EH. K. Formirovanie gotovnosti starsheklassnikov k professional'nomu samoopredeleniyu v usloviyah profil'nogo obucheniya : dis. ... kand. ped. nauk [Formation of the readiness of senior pupils for professional self-determination in the conditions of profile training : the diss. ... PhD. in Pedagogy]. Tula, 2010. 248 p. (In Russ.).
27. Cvetkova N. A. Professional'noe samoopredelenie lichnosti na raznyh etapah stanovleniya professionala : dis. ... kand. psihol. nauk [Professional self-determination of personality at different stages of professional development : the diss. ... PhD. in Psychology]. Yaroslavl, 2005. 196 p. (In Russ.).
28. CHistyakova S. N., Pryazhnikov N. S. Pedagogicheskoe soprovozhdenie social'no-professional'nogo samoopredeleniya uchashchihsya [Pedagogical support of social and professional self-representation of students]. Moscow, 2002. (In Russ.).
29. CHistyakova S. N., Zaharov N. N. Professional'naya orientaciya shkol'nikov: organizaciya i upravlenie [Professional orientation of schoolchildren: organization and management]. Moscow, 1987. 160 p. (In Russ.).

УДК 378

Сущностные характеристики антикоррупционного мировоззрения курсантов вуза Федеральной службы исполнения наказаний

С. В. ОХАПКИН – начальник учебно-строевого подразделения психологического факультета ВИПЭ ФСИН России

Реферат

Формирование антикоррупционной направленности личности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний должно начинаться в вузе в процессе профессиональной подготовки. В статье подчеркивается, что исследование проблемы становления антикоррупционного мировоззрения специалистов пенитенциарной системы лежит в сфере поиска оптимальных путей формирования ценностных отношений к службе в обстоятельствах существующих социальных рисков. При этом показателями состояния антикоррупционного мировоззрения представлены в виде взаимодействующих компонентов, обеспечивающих способность обучаемых к самоопределению на основе юридических знаний, оценочных отношений к праву и правоприменительной практике, правовых установок и ценностных ориентаций.

Автором проанализированы знания и представления о коррупции курсантов ведомственного вуза ФСИН России в соотнесении с их субъективным восприятием сложившейся системы антикоррупционного воспитания; приводятся результаты диагностики состояния антикоррупционного мировоззрения обучающихся как одной из составляющих феномена антикоррупционного правосознания, содержащего в себе когнитивный, оценочный и установочно-поведенческий компоненты.

Подтверждается, что динамика развития сущностных характеристик каждого из рассматриваемых компонентов позволяет определить уровень формирования антикоррупционного мировоззрения обучающихся и отслеживать дальнейшее развитие рассматриваемого явления, намечаются пути и технологии формирования педагогических условий становления антикоррупционной позиции курсантов вуза ФСИН России.

Ключевые слова: антикоррупционное мировоззрение; когнитивный компонент; оценочный компонент; установочно-поведенческий компонент; антикоррупционное воспитание; критерии; показатели; коррупционные риски.

Essential characteristics of the anti-corruption outlook of the university cadets in the Federal Penal Service

S. V. OKHAPKIN – Head of the Training Unit of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia

Abstract

Formation of the anti-corruption orientation of the employee in the Federal Penal Service should begin at the university in the process of professional training. The article emphasizes that the study of the problem the formation of the anti-corruption outlook of the specialists in the penal system lies in the search for optimal ways of forming value relations to the service in the circumstances of existing social risks. At the same time the indicators of the state of the anti-corruption outlook are presented in the form of interacting components that ensure the trainees' ability to self-determination on the basis of legal knowledge, evaluative attitudes to law and law enforcement practice, legal attitudes and value orientations.

The author analyzes knowledge and ideas about the corruption of cadets of the departmental institution of the Federal Penal Service of Russia in correlation with their subjective perception of the current system of anti-corruption education; the results of diagnostics of the state of the anti-corruption outlook of students as one of the components of the phenomenon of anticorruption sense of justice, containing the cognitive, evaluative, and behavioral-behavioral components are presented.

It is confirmed that the dynamics of the development of the essential characteristics of each of the components under consideration makes it possible to determine the level of formation of the anti-corruption outlook of the students and to track the further development of the phenomenon under consideration, and ways and technologies for the formation of pedagogical conditions for the formation of the anti-corruption position of cadets at the Federal Penal Service of Russia are being outlined.

Key words: anti-corruption outlook; cognitive component; an evaluation component; installation-behavioral component; anti-corruption education; criteria; indicators; corruption risks.

В последнее десятилетие в области решения проблемы противодействия коррупции в Российской Федерации наблюдаются позитивные тенденции. Во-первых, сформирована нормативная база антикоррупционных мер, направленных на ратификацию ряда международных соглашений. Во-вторых, приняты соответствующие правовые акты, в числе которых федеральный закон «О противодействии коррупции», Национальный план и Национальная стратегия противодействия коррупции и другие документы, имеющие своей основной целью искоренение причин и условий, порождающих коррупцию в современном российском обществе.

Тем не менее результаты практической реализации этих актов в ряде случаев несопоставимы с масштабами коррупции в органах исполнительной власти, правоохранительных структурах и стране в целом. По официальным данным МВД России, ущерб от преступлений экономической и коррупционной направленности в 2017 г. составил 177,5 млрд руб. [2], за последние три с половиной года за совершение коррупционных преступлений осуждено более 45 тыс. чел.,

из которых каждый десятый – сотрудник правоохранительных органов.

Федеральная служба исполнения наказаний в силу имеющихся значительных коррупционных рисков не является исключением. Так, в 2015 г. сотрудники собственной безопасности ФСИН России выявили 211 преступлений коррупционной направленности, в 2016 г. были возбуждены уголовные дела уже по 352 преступлениям такого рода, что значительно превышает предыдущие показатели.

Исследование причин и условий коррупционного поведения, а также личностных качеств, препятствующих воплощению его в жизнь, ведется в различных отраслях науки, причем в рамках каждого определенного научного знания изучаются свои характерные аспекты коррупции. Анализ результатов исследований обозначенной проблемы в педагогике применительно к образовательным учреждениям ФСИН России выявил необходимость создания «условий для овладения обучающимися опытом антикоррупционного поведения в квазипрофессиональной деятельности» [6, с. 4].

Соглашаясь с мнением Д. А. Рыбалкина о том, что наиболее исчерпывающими для антикоррупционной деятельности являются ценностные отношения [8], подчеркнем необходимость раннего формирования антикоррупционного мировоззрения сотрудника уголовно-исполнительной системы начиная с периода его обучения в ведомственном вузе.

С позиций гуманистической педагогики антикоррупционное мировоззрение курсантов можно охарактеризовать как синкретическое динамическое личностное образование, обеспечивающее способность обучаемых к ориентации и антикоррупционному самоопределению на основе юридических знаний, оценочных отношений к праву и правоприменительной практике, правовых установок и ценностных ориентаций. Таким образом, к наиболее значимым показателям антикоррупционного мировоззрения нами были отнесены: обладание актуальной антикоррупционной информацией, уважительное отношение к нормам права, готовность к оценке собственных служебных поступков с позиций права, выполнение требований служебного этикета и соизмерение с ним своих действий.

Для определения уровня перечисленных показателей мы провели в Вологодском институте права и экономики ФСИН России исследование, содержанием которого явились анализ антикоррупционного мировоззрения обучаемых, выяснение понимания ими непосредственной угрозы коррупции для себя и знания инструментов и технологий, позволяющих эффективно минимизировать коррупционные риски. Анкетирование охватило 90 чел. В число респондентов вошли курсанты психологического и юридического факультетов.

Интегративность антикоррупционного мировоззрения актуализирует разноплановый подход к его изучению: каждый структурный компонент требует применения специфического инструментария. Основываясь на научных взглядах А. Р. Ратинова и Г. Х. Ефремовой о структуре правосознания [7, с. 212], рассмотрим и охарактеризуем основные компоненты антикоррупционного мировоззрения как одного из видов правосознания.

Когнитивный компонент антикоррупционного мировоззрения определяется как ведущий, поскольку без знаний и представлений об антикоррупционном законодательстве не могут быть сформированы ни отношение к нему, ни соответствующие поведенческие установки.

При диагностике сформированности знаниевого компонента актуальными являются два аспекта: какие знания следует дать курсанту и каким уровнем усвоения он должен овладеть [5, с. 24]. Поскольку когнитивный компонент антикоррупционного мировоззрения включает знание об антикоррупционном законодательстве и правоприменительной практике, то при его диагностике необходимо исходить из определения понятия «знание» и характеризующих его показателей. В педагогической науке знание рассматривается как проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в мышлении человека, выступающее в виде понятий, законов, принципов и суждений. Важнейшими показателями сформированности и усвоения знания являются его полнота и системность.

Показатель полноты антикоррупционных знаний курсантов структурирован нами по трем уровням: высокий уровень предполагает полное и четкое перечисление признаков коррупции, коррупционных рисков, коррупционного поведения и их проявлений; средний уровень характеризуется перечислением некоторых признаков антикоррупционных понятий и их проявлений; низкий уровень предполагает наличие элементарных представлений об основных антикоррупционных понятиях без знания их признаков и проявлений.

При оценке полноты антикоррупционных знаний анкетированных нами учитывались основные признаки коррупции и коррупционного преступления. Основываясь на научном подходе С. В. Максимова, мы сформулировали эти признаки следующим образом: непосредственное нанесение ущерба авторитету государственной службы или службы в органах местного самоуправления; противоправный характер получаемых государственным (муниципальным) служащим преимуществ (имущества, услуг или льгот); использование виновным своего служебного положения вопреки интересам государственной службы или службы в органах местного самоуправления; наличие у субъекта, совершившего коррупционное преступление, признаков лица, принадлежащего к одной из категорий, указанных уголовным законодательством Российской Федерации; наличие у виновного корыстной или иной личной заинтересованности, а также умысла на причинение ущерба законной деятельности государственного или муниципального аппарата [3].

Анализ полученных ответов обнаружил недостаточный уровень информированно-

сти респондентов. Так, раскрывая понятия «коррупция» и «коррупционное поведение», лишь 1,1 % испытуемых перечислил все основные признаки, 4,4 % опрошенных назвали по три признака, 6,6 % – по два. Остальные респонденты (87,9 %) указали лишь на одно свойство рассматриваемого явления. Варианты ответов в последней группе таковы: коррупция – это «дача или получение взятки», «нехорошее преступление», «желание получить выгоду», «подлый поступок», «продажность должностных лиц», «злоупотребление служебными полномочиями» и др.

Выполняя задание «Перечислите виды известных Вам наказаний за коррупционные преступления (нарушения)», 82 % опрошенных указали на лишение свободы. От других респондентов были получены такие ответы, как штраф, увольнение, лишение наград. Комплексная система юридических санкций не была представлена ни одним участником анкетирования, что в очередной раз демонстрирует недостаточный уровень осведомленности курсантов в интересующей нас области.

Таким образом, высокий уровень показателя «полнота антикоррупционных знаний» у испытуемых не был обнаружен, средний уровень выявлен у 25,5 %, низкий – у 74,4 % респондентов.

Системность знаний характеризуется наличием в сознании структурно-функциональных связей между разнородными элементами и предполагает понимание соотношения между фактами, событиями и следствиями.

Данный показатель также может быть представлен на высоком, среднем и низком уровнях: высокий уровень системности антикоррупционных знаний характеризуется умением курсантов выявлять и обосновывать существенные связи между понятиями, фактами и событиями; средний – видением курсантами связей между отдельными понятиями, фактами, событиями и наличием непоследовательного их обоснования; низкий – видением взаимосвязей между антикоррупционными понятиями и явлениями и отсутствием при этом их обоснованности.

Системность антикоррупционных знаний курсантов характеризуется видением и пониманием ими связи между наличием антикоррупционного законодательства и состоянием практики его применения. Оценить уровень системности антикоррупционных знаний позволил анализ ответов на вопрос «Считаете ли Вы, что существующая практика применения наказаний за совершенные

коррупционные преступления (нарушения) не зависит от статуса, должности нарушителя, его личных связей, региона проживания и т. д.?». Положительный ответ был получен от 45,5 % опрошенных, тогда как 35,5 % респондентов не согласились с приведенным утверждением, что говорит о негативной оценке применения существующих норм и правил в сфере антикоррупционного законодательства данной группой курсантов.

Другой аспект системности связывается нами с изучением познавательных мотивов антикоррупционного воспитания. Для определения уровня представленности таких мотивов опрашиваемым был задан вопрос «Считаете ли Вы, что участие в мероприятиях, направленных на профилактику коррупционного поведения, развивает Вас как личность?». Утвердительный ответ дали лишь 54,4 % анкетированных. Не увидели взаимосвязей между саморазвитием и получением антикоррупционных знаний 24,4 % опрошенных.

Таким образом, высокий уровень системности антикоррупционных знаний представлен у 33,3 % анкетированных, средний уровень показали 42,2 %, низкий уровень – 24,4 % респондентов.

Оценочный компонент антикоррупционного мировоззрения включает определение субъективной значимости антикоррупционных нормативно-правовых актов. Следовательно, отношение выражается в оценке, которая состоит в признании значимости действующего законодательства.

Представляется, что при определении уровней оценочного компонента антикоррупционного мировоззрения курсантов наиболее актуальным является критерий направленности правосознания, обоснованный Н. В. Щербаковой [9, с. 8]. Оценочное отношение к антикоррупционным нормам и правилам рассматривается нами следующим образом: высокий его уровень предполагает устойчивое позитивное отношение к антикоррупционному законодательству; средний уровень отличается неустойчивостью позитивного отношения к действующим антикоррупционным нормам и правилам; низкий уровень характеризуется устойчивым негативным отношением к рассматриваемым правовым явлениям.

Соответствие своих убеждений положениям антикоррупционного законодательства обнаружили 66,6 % респондентов, имеющих, по нашему мнению, устойчивый иммунитет к совершению коррупционных действий и отнесенных нами к группе с вы-

соким уровнем оценочного компонента. Вместе с тем 7,7 % исследуемых считают существующую практику применения наказаний за совершенные коррупционные преступления (нарушения) слишком жесткой, что, на наш взгляд, говорит о негативном восприятии существующих норм права данной категорией респондентов и позволяет выразить определенное сомнение в устойчивости их антикоррупционной позиции.

Установочно-поведенческий компонент антикоррупционного мировоззрения курсантов включает их готовность соотносить свои действия с принятыми антикоррупционными законами и нормами. Эта категория, являясь самой динамичной из рассматриваемых нами составляющих, более всего подвержена изменениям под влиянием ситуативных факторов. Тем более она ценна с точки зрения определения общих тенденций в формировании устойчивой антикоррупционной позиции курсанта ФСИН России.

Мы выделим следующие уровни развития установочно-поведенческого компонента: высокий уровень характеризуется позитивной направленностью антикоррупционной установки во всех рассматриваемых ситуациях; средний – позитивной направленностью в большинстве рассматриваемых ситуаций, тогда как в отношении остальных объектов установка может быть ситуативной; низкий уровень отличается негативной (коррупционной) направленностью во всех предлагаемых задачах (ситуациях).

В любом случае антикоррупционная установка курсанта рассматривается нами как характеристика, используемая в текущий момент. Для полного изучения названного явления нами был использован метод дилемм как метод воспитания, направленный на разрешение ситуации, содержащей коррупционно значимую проблему, которая ставит воспитуемого перед выбором варианта служебного поведения в обстоятельствах коррупционных рисков.

В качестве примера приведем одну из них.

К молодому, недавно принятому на службу в исправительную колонию сотруднику Н. обратилась пожилая женщина, живущая с ним по соседству, с просьбой передать ее внуку, который отбывал наказание в этой колонии, небольшую посылку с теплыми носками и конфетами. При этом она сослалась на свое тяжелое онкологическое заболевание и объяснила, что сама не может приехать. Она рассказала о том, как воспитывала своего внука одна и считает только себя виновной в

том, что тот совершил преступление. У внука больные ноги, а в общежитии очень холодно. Возможно, что эта посылка внуку последняя. Откровения пожилой женщины взволновали молодого сотрудника. При выполнении «предсмертной» просьбы пожилой женщины он был остановлен сотрудниками отдела безопасности. Впоследствии Н. был осужден на 3 года условно с выплатой денежного штрафа в размере 50 тыс. руб. [6, с. 74].

Анкетированным курсантам было предложено следующее задание: «Как Вы считаете, сотрудник не должен был так поступать потому, что:

- 1) он будет наказан;
- 2) он потеряет авторитет и уважение в глазах своих коллег и начальников;
- 3) сотрудник правоохранительных органов не должен вести себя подобным образом».

Первый вариант ответа выбрали 40 % опрошенных, второй не был принят ни одним из курсантов, с третьим вариантом согласилось 60 % анкетированных.

Первоначальная интерпретация полученных данных позволяет считать, что большая часть курсантов имеет позитивную поведенческую установку в ситуациях коррупционных рисков. В то же время 40 % респондентов продемонстрировали ситуативную антикоррупционную установку, отражающую связь непозволительности неправомерного поведения только с угрозой наказания.

Участникам программы предлагались другие подобные дилеммы, и в большинстве случаев каждый из них своими ответами подтверждал наличие антикоррупционной установки определенного вида во всех ситуациях. Данное обстоятельство доказывает надежность дилеммы как метода изучения установочного компонента антикоррупционного мировоззрения.

В целом по итогам обработки решений всех ориентационно-поведенческих заданий мы получили следующий результат: высокий уровень установочно-поведенческого компонента антикоррупционного мировоззрения курсантов выявлен у 35,5 % опрошиваемых, средний уровень показали 64,4 % анкетированных, коррупционной направленности мировоззрения у курсантов проведенное исследование не обнаружило.

Обозначенные мировоззренческие компоненты представляются нам совокупностью, позволяющей ориентироваться в ценностных установках и служащей определению антикоррупционной позиции сотруд-

ника уголовно-исполнительной системы как «интеграции доминирующих избирательных опосредованных отношений сотрудника, возникающих в ходе антикоррупционной деятельности, в виде психологической связи с различными сторонами коррупции, выражающейся в его действиях, реакциях и переживаниях» [6, с. 38].

Курсантов, обладающих высоким уровнем антикоррупционного мировоззрения, характеризуют взгляды, убеждения и установки, строго соответствующие антикоррупционному законодательству; их действия и переживания направлены на возможность не только участвовать в правоотношениях в соответствии с нормами права и морали, но и отстаивать эти нормы в каждом индивидуально-ответственном поступке [1, с. 12].

Курсанты, отнесенные к группе со средним уровнем антикоррупционного мировоззрения, рассматривают антикоррупционные нормы и правила как справедливые и необходимые. Вместе с тем их антикоррупционные знания несистемны, оценочный и поведенческий компоненты зачастую ситуативны и зависят от мнения значимых окружающих (установки командиров, курсантских коллективов и др.).

Низкий уровень коррупционного мировоззрения характеризуется недостаточным, граничащим с правовым невежеством уровнем знаний в области антикоррупционного законодательства, отсутствием явно выраженного отрицательного отношения к коррупции. Идеи и представления курсантов, отнесенных нами к данной категории, непрочны, а сами обучающиеся проявляют не-

достаточное стремление к самосовершенствованию.

На основании приведенных выше данных можно констатировать наличие некой тенденции преобладания в среде курсантов образовательных организаций ФСИН России лиц со средним уровнем антикоррупционного мировоззрения, который, по нашему мнению, является недостаточным для выполнения служебных задач в условиях коррупционных рисков. Следовательно, система антикоррупционного воспитания ведомственного вуза должна быть направлена на восполнение пробелов антикоррупционных знаний и вовлечение курсантов в активную правовую деятельность, выработку у обучаемых адекватной оценки коррупционно значимых явлений и событий, готовности действовать в условиях коррупционных рисков строго в соответствии с существующим законодательством на основании системы устойчивых антикоррупционных взглядов и твердых убеждений. Выводы нашего исследования подтверждают описание феномена неприятия коррупции как осмысленного выбора сотрудником позиции противодействия коррупционным рискам во всех сферах своей жизнедеятельности, основанного на соответствующей системе ценностных ориентаций, которая формируется в процессе специальной подготовки [4, с. 47].

Таким образом, дальнейшее научное исследование проблемы антикоррупционного воспитания курсантов вуза ФСИН России может развиваться в направлении поиска оптимальных путей формирования ценностных отношений к службе в обстоятельствах существующих социальных рисков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Работы 1920-х годов. Киев, 1994. 383 с.
2. Интервью с начальником ГУЭБиПК МВД России А. Курносенко. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3571777> (дата обращения: 19.03.2018).
3. Жадан В. Н. Некоторые подходы к определению признаков и понятия коррупционных преступлений // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 556–561. URL: <https://moluch.ru/archive/87/16598/> (дата обращения: 08.05.2018).
4. Николаев С. М. Сотрудник правоохранительных органов как субъект противодействия коррупции // Международный пенитенциарный журнал. 2016. № 2 (6). С. 44–48.
5. Панова О. Б. Педагогическая диагностика эффективности правового воспитания несовершеннолетних осужденных в воспитательной колонии : учеб. пособие. Вологда, 2008. 102 с.
6. Панова О. Б. Ситуации правового выбора в аспекте антикоррупционного воспитания сотрудников уголовно-исполнительной системы в образовательном процессе : учеб. пособие. Вологда, 2018. 112 с.
7. Ратинов А. Р. Структура правосознания и некоторые методы его исследования // Методология и методы социальной психологии. М., 1981. 247 с.
8. Рыбалкин Д. А. О воспитании антикоррупционной позиции личности // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vospitanii-antikorrupcionnoy-pozitsii-lichnosti> (дата обращения: 07.05.2018).
9. Щербак Н. В. Проблемы правовой установки личности. Ярославль, 1993. 12 с.

REFERENCES

1. Bahtin M. M. Raboty 1920-h godov [Works of the 1920s]. Kiev, 1994. 383 p. (In Russ.).

2. Interv'yu s nachal'nikom GUEHBiPK MVD Rossii A. Kurnosenko [Interview with the head of the Main Directorate of Economic Security and Anti-Corruption of the Ministry of Internal Affairs of Russia A. Kurnosenko]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3571777> (accessed 19.03.2018). (In Russ.).
3. ZHadan V. N. Nekotorye podhody k opredeleniyu priznakov i ponyatiya korrupcionnyh prestuplenij [Some approaches to defining signs and concepts of corruption crimes]. *Molodoy uchenyj – Young Scientist*. 2015. Iss. 7. P. 556–561. Available at: <https://moluch.ru/archive/87/16598/> (accessed 08.05.2018). (In Russ.).
4. Nikolaev S. M. Sotrudnik pravoohranitel'nyh organov kak sub'ekt protivodejstviya korrupcii [Employee of law enforcement agencies as a subject of counteraction to corruption]. *Mezhdunarodnyj penitenciarnyj zhurnal – International penal journal*. 2016. Iss. 2 (6). P. 44–48. (In Russ.).
5. Panova O. B. Pedagogicheskaya diagnostika ehffektivnosti pravovogo vospitaniya nesovershennoletnih osuzhdennyh v vospitatel'noj kolonii : ucheb. posobie [Pedagogical diagnostics of the effectiveness of legal education of juveniles convicted in an educational colony : tutorial]. Vologda, 2008. 102 p. (In Russ.).
6. Panova O. B. Situacii pravovogo vybora v aspekte antikorrupcionnogo vospitaniya sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy v obrazovatel'nom processe : ucheb. posobie [Situations of legal choice in the aspect of anti-corruption education of the penal system staff in the educational process : tutorial]. Vologda, 2018. 112 p. (In Russ.).
7. Ratinov A. R. Struktura pravosoznaniya i nekotorye metody ego issledovaniya [The structure of legal consciousness and some methods of its study]. *Metodologiya i metody social'noj psihologii – Methodology and methods of social psychology*. Moscow, 1981. 247 p. (In Russ.).
8. Rybalkin D. A. O vospitanii antikorrupcionnoj pozicii lichnosti [On the education of the anti-corruption position of the individual]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*. 2014. Iss. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vospitanii-antikorrupcionnoy-pozitsii-lichnosti> (accessed 07.05.2018). (In Russ.).
9. SHCHerbakova N. V. Problemy pravovoj ustanovki lichnosti [Problems of legal personality identity]. Yaroslavl, 1993. 12 p. (In Russ.).

**СВЕДЕНИЯ
ОБ АВТОРАХ**

БАБКИН А. А., доцент кафедры информатики и математики ВИПЭ ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

БАРЫШЕВА А. В., преподаватель кафедры общей психологии ВИПЭ ФСИН России. E-mail: barischan@gmail.com

БЫКОВ А. И., научный сотрудник НИЦ-1 Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: HellSinG199@mail.ru

ГЛАДНЕВА Е. П., доцент кафедры гражданского права Центрального филиала Российского государственного университета правосудия, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: gan.34@mail.ru

ГОЛОДОВ П. В., профессор кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: pl-family@yandex.ru

ГОЛУБЕВ О. Б., заведующий кафедрой информационных технологий и методики преподавания информатики Вологодского государственного университета, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: oleg_golubev@mail.ru

ГОРОВОЙ В. В., научный сотрудник отдела по исследованию проблем трудовой занятости осужденных и экономических проблем функционирования уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: gorovoy1988@list.ru

ГУТНОВ Г. В., соискатель Российского государственного университета правосудия, исполняющий обязанности старшего помощника прокурора Промышленного района г. Владикавказа Республики Северная Осетия – Алания. E-mail: gutnovg@mail.ru

ЗАУТОРОВА Э. В., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования. E-mail: elvira-song@mail.ru

ЗГОННИКОВ П. П., кандидат юридических наук, доцент. E-mail: petrzonnikov@yandex.ru

ИГУМНОВА О. В., доцент кафедры гуманитарных, социально-экономических и естественно-научных дисциплин Кузбасского института ФСИН России, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: o.igumnova2010@mail.ru

КАСТЕРИНА Н. В., заместитель начальника Гурьевского межмуниципального филиала ФСИН России по Калининградской обла-

сти, кандидат психологических наук. E-mail: kasterina05@rambler.ru

КИРИЛОВСКИЙ О. В., старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России. E-mail: kirilovskiy77@mail.ru

КОЛЬБЕВ А. А., доцент кафедры управления экономической деятельностью и организации производства в уголовно-исполнительной системе ВИПЭ ФСИН России, кандидат экономических наук, доцент. E-mail: braun9@yandex.ru

КОПЫТКИН С. А., ведущий научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе Научно-исследовательского института ФСИН России. E-mail: any_key_b1g@mail.ru

КРУГЛИКОВ Л. Л., заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации. E-mail: kruglikov@uniyar.ac.ru

КУЗЬМИНЫХ А. Л., профессор кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, доктор исторических наук, доцент. E-mail: istorial@mail.ru

ОБОТУРОВА Н. С., заместитель начальника ВИПЭ ФСИН России по учебной работе, доктор философских наук, доцент, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: oboturova@inbox.ru

ОХАПКИН С. В., начальник учебно-строевого подразделения психологического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: sv_okharkin@mail.ru

ПАТРАХИНА К. Б., курсант юридического факультета ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ksyu-sha221197@mail.ru

ПЛОТНИКОВ А. А., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: plas1972@yandex.ru

ПРОЗОРОВ А. В., доцент кафедры уголовного права и криминологии Балтийского федерального университета им. И. Канта, кандидат педагогических наук, доцент. E-mail: a.v.prozorov@mail.ru

РАТНИКОВ А. В., заместитель прокурора г. Нововоронежа Воронежской области. E-mail: natasha.rat@yandex.ru

РАТНИКОВА Н. Д., заведующая кафедрой уголовного права и уголовного процесса Воронежского аграрного университета им. императора Петра I, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: natasha.rat@yandex.ru

РУДАКОВ А. М., научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России. E-mail: ono.nil@yandex.ru

САНТАШОВ А. Л., старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин

ВИПЭ ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: santashov@list.ru

СПАСЕННИКОВ Б. А., главный научный сотрудник Научно-исследовательского института ФСИН России, доктор юридических наук, доктор медицинских наук, профессор. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

СТАРОСТИН С. И., начальник отдела комплектования, публикации и использования документов Вологодского областного архива новейшей политической истории. E-mail: vol_star@mail.ru

ТЕСТОВ В. А., профессор кафедры математики и методики преподавания математики Вологодского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор. E-mail: vladafan@inbox.ru

ЧИРКОВ А. М., профессор кафедры юридической психологии и педагогики ВИПЭ ФСИН России, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

ШАЛЯПИН С. О., заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова, кандидат исторических наук, доцент, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. E-mail: plas1972@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

BAVKIN A. A., Associate Professor of the Department of Informatics and Mathematics of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: aleksei_babkin@mail.ru

BARYSHEVA A. V., Lecturer of the Department of General Psychology of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: barischan@gmail.com

ВУКОВ А. И., Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: HellSinG199@mail.ru

ЧИРКОВ А. М., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Medicine, Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: vipe.vologda@mail.ru

GLADNEVA E. P., Associate Professor of the Civil Law Department of the Central Branch of the

Russian State University of Justice, Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: gan.34@mail.ru

GOLODOV P. V., Professor of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: pl-family@yandex.ru

GOLUBEV O. B., Head of the Department of Information Technologies and Methods of Informatics Teaching of the Vologda State University, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: oleg_golubev@mail.ru

GOROVOY V. V., Researcher of the Department for study the problems of employment of prisoners and economic problems of functioning the penal system of the Center for study of problems of management and organization of execution punishments of the penal system of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: gorovoy1988@list.ru

GUTNOV G. V., Applicant of the Russian State University of Justice, Acting Senior Assistant of the Prosecutor of the Industrial District of Vladikavkaz Republic of North Ossetia-Alania. E-mail: gutnovg@mail.ru

IGUMNOVA O. V., Associate Professor of the Department of Humanities, Social, Economic and Natural Sciences of the Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Pedagogics, Associate Professor. E-mail: o.igumnova2010@mail.ru

KASTERINA N. V., Deputy Head of the Guryev inter-municipal branch of the Federal Penal Service of Russia in the Kaliningrad region, PhD. in Psychology. E-mail: kasterina05@rambler.ru

KIRILOVSKY O. V., Senior Lecturer of the Department of Administrative and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: kirilovskiy77@mail.ru

KOLYEV A. A., Associate Professor of the Department of Economic Management and Production Organization in the Penal System of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Ph.D. in Economics, Associate Professor. E-mail: braun9@yandex.ru

КОПЫТКИН С. А., Leading Researcher of the Department for improvement of normative-legal regulation of the Penal System of the Center for study of problems of management and organization of execution punishments of the penal system of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: any_key_b1g@mail.ru

KRUGLIKOV L. L., Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Yaroslavl State P.G. Demidov University, Dsc. in Law, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation. E-mail: kruglikov@uniyar.ac.ru

KUZMINYKH A. L., Professor of the Department of Philosophy and History of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in History, Associate Professor. E-mail: istorial@mail.ru

OBOTUROVA N. S., Deputy Head of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia for Academic Affairs, Dsc. in Philosophy, Associate Professor, Full Member of the International Academy of Ecology and Life Safety. E-mail: oboturova@inbox.ru

OKHAPKIN S. V., Head of the Training Unit of the Psychological Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: sv_okhapkin@mail.ru

PATRAHINA K. B., Cadet of the Law Faculty of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ksyusha221197@mail.ru

PLOTNIKOV A. A., Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: plas1972@yandex.ru

PROZOROV A. V., Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Baltic Federal Immanuel Kant University, PhD. in Pedagogy, Associate Professor. E-mail: a.v.prozorov@mail.ru

RATNIKOV A. V., Deputy Prosecutor of the Novovoronezh in the Voronezh region. E-mail: natasha.rat@yandex.ru

RATNIKOVA N. D., Head of the Department of Criminal Law and Criminal Process of the Voronezh Agrarian Emperor Peter the Great University, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: natasha.rat@yandex.ru

RUDAKOV A. M., Researcher of the Research Laboratory of the Organizational and Research Department of the Vologda Institute of Law and

Economics of the Federal Penal Service of Russia. E-mail: ono.nil@yandex.ru

SANTASHOV A. L., Senior Lecturer of the Department of Civil Legal Disciplines of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: santashov@list.ru

SHALYAPIN S. O., Head of the Department of Theory of State and Law and Legal History of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, PhD. in History, Associate Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. E-mail: plas1972@yandex.ru

SPASENNIKOV B. A., Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Law, Dsc. in Medicine, Professor. E-mail: borisspasennikov@yandex.ru

STAROSTIN S. I., Head of the Department of Acquisition, Publication and Use of Documents of the Vologda Regional Archive of the Newest Political History. E-mail: vol_star@mail.ru

TESTOV V. A., Professor of the Department of Mathematics and Methods of Teaching Mathematics of the Vologda State University, Dsc. in Pedagogy, Professor. E-mail: vladafan@inbox.ru

ZAUTOVA E. V., Professor of the Department of Legal Psychology and Pedagogy of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Dsc. in Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the International Academy of Pedagogical Education Sciences. E-mail: elvira-song@mail.ru

ZGONNIKOV P. P., PhD. in Law, Associate Professor. E-mail: petrzonnikov@yandex.ru

Вестник института

научно-практический журнал
Вологодского института права и экономики
Федеральной службы исполнения наказаний

ПРЕСТУПЛЕНИЕ·НАКАЗАНИЕ·ИСПРАВЛЕНИЕ

Выходит четыре раза в год

Учредитель:

ВИПЭ ФСИН России

Главный редактор:

Е. Л. Харьковский

Ответственный секретарь:

С. П. Середа

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-67019 от 30.08.2016 г.
ISSN 2076-4162

Все права защищены.

Перепечатка материалов только
с разрешения редакции журнала.
Авторские материалы рецензируются
и не возвращаются.

Редакция сохраняет за собой право
производить сокращения
и редакционные изменения рукописи

Адрес редакции:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес издателя:

160002, г. Вологда, ул. Щетинина, 2

Адрес типографии:

160010, г. Вологда, ул. Кубинская, д. 16, кв. 74

Телефоны:

(8172) 51-82-50 (8172) 51-46-12

(8172) 51-98-70

E-mail:

vestnik-vipefsin@mail.ru

© ВИПЭ ФСИН России

Подписано в печать 26.06.2018.

Дата выхода в свет 19.07.2018.

Формат 60x90/8. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 17. Заказ № 6915.

Тираж 1000 экз.

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Редакционная коллегия выражает уверенность в том, что журнал занимает достойное место среди ведомственных изданий.

Наша готовность освещать актуальные проблемы уголовно-исполнительной системы и других правоохранительных органов, вести дискуссию по наиболее актуальным вопросам в области юриспруденции, пенитенциарной педагогики и психологии, обсуждать практические вопросы деятельности пенитенциарных учреждений расширяет ряды авторов и читателей.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, ученой степени доктора наук по трем отраслям науки: 12.00.00 «Юридические науки»; 19.00.00 «Психологические науки»; 13.00.00 «Педагогические науки».

Мы готовы принять к публикации ваши материалы при их соответствии тематике журнала и соблюдении требований к оформлению.

Решение о публикации материала принимает главный редактор или его заместитель.

Основные требования и порядок предоставления материалов для публикации размещены на сайте vipe.fsin.su

Проводится подписная кампания на научно-практический журнал «Вестник института: преступление, наказание, исправление» по Объединенному каталогу «Пресса России» по индексу 41253 во всех отделениях почтовой связи России.

Условия оформления подписки содержатся в первом томе каталога на страницах, указанных в тематическом и алфавитном указателях каталога. Периодичность издания – 4 раза в год.

Розничная цена – 220 руб. за 1 экземпляр.